

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СЛАВЯНСКИЙ МИР

2020 В ТРЕТЬЕМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Том 15

№ 1–2

МОСКВА
2020

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
DOI номера 10.31168/2412-6446.2020.15.1-2

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
Issue DOI 10.31168/2412-6446.2020.15.1-2

Главный редактор журнала
Елена Семёновна Узёнова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Editor-in-Chief
Elena S. Uzeneva
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

И.о. ответственного секретаря журнала
Ксения Валерьевна Мельчакова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Acting Editorial Coordinator
Ksenia V. Melchakova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Редакционная коллегия
Светлана Ивановна Данченко
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Евгений Андреевич Колосков
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
Анна Андреевна Леонтьева
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Наталья Александровна Лунькова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Петр Владимирович Мошечков
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Лидия Юрьевна Пахомова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Ольга Владимировна Хаванова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Татьяна Ивановна Чепелевская
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Евгений Александрович Яблоков
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Editorial Board
Tatyana I. Chepelevskaya
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Svetlana I. Danchenko
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Olga V. Khavanova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Evgenii A. Koloskov
St Petersburg University, Saint Petersburg, Russia
Anna A. Leontyeva
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Natalia A. Lunkova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Petr V. Moshechikov
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Lidia Yu. Pakhomova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Evgeny A. Yablokov
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Редакционный совет
Дёрдь Бебеш
Печский университет, Печ, Венгрия
Сальваторе Дель Гаудио
Киевский университет имени Бориса Гринченко, Киев, Украина
Оксана Анатольевна Запека
РГУ имени А.Н. Косыгина, Москва, Россия
Алеш Заржицкий
Островский университет, Острава, Чехия
Мария Китанова
Институт болгарского языка,
Болгарская академия наук, София, Болгария
Наталья Корина
Венский университет, Вена, Австрия
Константин Владимирович Никифоров
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Дорота Пазио-Влазловска
Институт славистики ПАН, Варшава, Польша
Андрей Николаевич Соболев
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
Сузана Раич
Белградский университет, Белград, Сербия
Сандра Хаджихалилович
Закарский университет, Закар, Хорватия

Editorial Council
György Bebesi
University of Pécs, Pécs, Hungary
Salvatore Del Gaudio
Borys Grinchenko Kyiv University, Kyiv, Ukraine
Sandra Hadžihalilović
University of Zadar, Zadar, Croatia
Maria Kitanova
Institute for Bulgarian Language,
Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
Natalia Korina
University of Vienna, Vienna, Austria
Konstantin V. Nikoforov
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Dorota Pazio-Wlaziłowska
Institute of Slavic Studies,
Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
Suzana Rajić
University of Belgrade, Belgrade, Serbia
Andrey N. Sobolev
Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia
Oksana A. Zapeka
Kosygin Russian State University, Moscow, Russia
Aleš Zářický
Ostrava University, Ostrava, Czech Republic

Учредитель и издатель: Институт славяноведения РАН
Издается с 2006 года
Периодичность: два раза в год
Тираж: 500 экз.
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А, корп. «В»,
Москва, 119334 Россия
Электронный адрес: slavmillen@yandex.ru
Сайт: slavworld.ru

Founder and Publisher: Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Published since 2006
Frequency: two per year
Circulation: 500 copies
Address: Leninsky Prospect, 32A, Moscow, Russia 119334
E-mail: slavmillen@yandex.ru
Web: slavworld.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Каплун М.В. Между действием и комедией:
об особенностях заглавий первых русских пьес 1670-х годов
(западноевропейский аспект и формирование древнерусской
драматической традиции) 7
- Фролова М.М. Передовой отряд генерал-лейтенанта И.В. Гурко
в г. Эски-Загра в июле 1877 г. (по воспоминаниям участников
русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) 21
- Баринев И.И. Политика русификации в Литве:
случай Казиса Шкирпы 37
- Короткова Д.А. Поиски союзника. Контакты советских дипломатов
в Латвии с К.Б. Езовитовым в 1925–1926 гг. 47
- Тишлер К. За кулисами Наркоминдела (середина 1930-х годов).
К выходу в свет публикации *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941.*
Dokumente aus russischen und deutschen Archiven (2019) 59
- Балог М. Арест и судебный процесс над кардиналом
Йозефом Миндсенти в 1948–1949 гг. Часть I.
«Он хочет стать мучеником, но я не окажу ему
этой любезности» 73
- Стыкалин А.С. Пражская весна 1968 г. и разногласия
в социалистическом лагере 89

Публикация исторических документов

- Ганин А.В. П.С. Махров. Гражданская война на Украине 108

Дискуссионная платформа

- Баева И. Политическая цензура в постсоциалистической Болгарии 138

О времени и о себе

- Искра Васильевна Чуркина. Воспоминания историка 152

Рецензии и обзоры

- Седакова И.А. «Словарь македонской традиционной культуры»
Л. Макарийоской в контексте современной славянской
этнолингвистической лексикографии 179
- Дронов М.Ю. *Švorc P. Od pluhu do senátorského kresla. Jurko Lažo*
a jeho doba (1867–1929). Prešov: Universum, 2018. 271 s.
[Шворц П. От сохи до сенаторского кресла. Юрко Лажо
и его эпоха (1867–1929). Прешов: Universum, 2018. 271 с.] 187

Хроника научной жизни

- Орешин С.А. Конференция молодых ученых
«Актуальные вопросы этнологии и антропологии».
Москва, 10–12 декабря 2019 г. 193

Григорьева В.З., Леонтьева А.А., Станюкович Л.Б. Круглый стол «Информационные ресурсы ГПИБ для славистов: практика использования» 25 февраля 2020 г.	200
---	-----

In memoriam

Громова М.М., Тверицкая А.Б. Семинар О.А. Ржанниковой по художественному переводу с болгарского языка	206
--	-----

CONTENTS

Articles

Marianna V. Kaplun

Between *action* and *comedy*:

On the Features of Titles of the First Russian Plays of the 1670s
(Western European Aspect and Formation of Old Russian Drama) 7

Marina M. Frolova

Forward Detachment of Lieutenant General Iosif V. Gurko
in Eski-Zagra in July 1877 (As Remembered by the Russian-Turkish War
of 1877–1878 Participants) 21

Igor I. Barinov

The Russification Policy in Lithuania: The Case of Kazys Škirpa 37

Daria A. Korotkova

Searching for an Ally. The Soviet Diplomats in Latvia
and Their Contacts with Kastus Ezavitau 1925–1926 47

Carola Tischler

Behind the Curtains of the People's Commissariat for Foreign Affairs
in the middle of the 1930s. On the Edition *Deutschland und die Sowjetunion*
1933–1941. *Dokumente aus russischen und deutschen Archiven* (2019) 59

Margit Balogh

Arrest and Conviction of Cardinal József Mindszenty 1948–1949.
Part I. “He wants to be a martyr, but I would not do him this favour” 73

Alexandr S. Stykalin

Prague Spring of 1968 and Disagreements in the Socialist Camp 89

Publication of historical sources

Andrey V. Ganin

Pyotr S. Makhrov. The Civil War in Ukraine..... 108

Discussions

Iskra V. Baeva

Political Censorship in Post-Socialist Bulgaria 138

Looking back on the past and the profession

Iskra V. Churkina. Memoirs of a Historian 152

Reviews

Irina A. Sedakova

Dictionary of Macedonian Traditional Culture by Liljana Makarijoska
in the Context of Current Slavic Ethnolinguistic Lexicography 179

Mikhail Yu. Dronov

Švorc P. Od pluhu do senátorského kresla.
Jurko Lažo a jeho doba (1867–1929). Prešov: Universum, 2018. 271 s. 187

Chronicle of scientific life

Sergey A. Oreshin

Young Scholars' Conference

“Topical Issues of Ethnology and Anthropology”,

Moscow, December 10–12, 2019 193

Vera Z. Grigoreva, Anna A. Leontyeva, Lyudmila B. Stanyukovich

Information Resources of the State Historical Public Library of Russia

for Slavists: The Practice of Using 200

In memoriam

Mariya M. Gromova, Antonina B. Tveritskaya

Olga Rzhannikova's Seminars on Literary

Translation from Bulgarian into Russian 206

МЕЖДУ ДЕЙСТВОМ И КОМЕДИЕЙ: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЗАГЛАВИЙ ПЕРВЫХ РУССКИХ ПЬЕС 1670-Х ГОДОВ (ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ АСПЕКТ И ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ)*

Марианна Викторовна Каплун —

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук
Почтовый адрес: ул. Поварская 25а,
Москва, 121069, Россия
Электронный адрес: tangosha86@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности титулов русских пьес, поставленных при дворе царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.). Анализируются самые первые пьесы, написанные для придворного театра последней трети XVII в.: «Артаксерово действо» (1672), «Иудифь, или Олоферново действо» (1673), «Малая прохладная комедия об Иосифе» (1675), «Жалобная комедия об Адаме и Еве» (1675) авторства Иоганна Готфрида Грегори, «Темир-Аксаково действо» (1675) авторства Юрия Михайловича Гивнера (Юрия Гибнера). Заглавия ранних русских постановок содержали термины «действо» или «комедия», что можно рассматривать в контексте западноевропейской театральной традиции, от которой отталкивались авторы первых пьес, немцы по происхождению, И.Г. Грегори и Ю.М. Гивнер. Особенности титульного обозначения требуют дополнительного разграничения, поскольку в содержании пьес обнаруживаются определенные закономерности, позволяющие провести более глубокий анализ названий. «Действо» в заглавии может пониматься как комедия благодаря присутствию в тексте немецких шутовских интермедий. «Комидия» означает любое театрализованное действие на Руси, но вынесенная в заглавие «комедия» отличается от «действа» наличием уточняющих определений, отсутствием интермедий и дополнительным разъяснением в прологах. Титулы первых русских пьес были призваны не просто озаглавить предполагаемое представление при дворе Алексея Михайловича, но и обозначить его характер для зрителя. Все русские пьесы именовались комидиями, но в основе их было условное разделение, связанное с особенностями восприятия театрального действия на Руси, только получавшего свое развитие в последней трети XVII в.

Ключевые слова

Заглавие, титул, первые русские пьесы 1670-х годов, И.Г. Грегори, Ю.М. Гивнер, действо, акты, комедия, пролог, интермедии, театральная терминология XVII в., литургическая драма, западноевропейская традиция

Статья поступила в редакцию 2 марта 2020 г.

Цитирование: Каплун М.В. Между действом и комедией: об особенностях заглавий первых русских пьес 1670-х годов (западноевропейский аспект и формирование древнерусской драматической традиции) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 7–20.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00014) в ИМЛИ РАН.

BETWEEN *ACTION* AND *COMEDY*: ON THE FEATURES OF TITLES OF THE FIRST RUSSIAN PLAYS OF THE 1670S (WESTERN EUROPEAN ASPECT AND FORMATION OF OLD RUSSIAN DRAMA)*

Marianna V. Kaplun,

Ph.D, Senior Researcher,
A.M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Povarskaya 25 a,
Moscow, 121069 Russia
E-mail: tangosha86@mail.ru

Abstract

This article examines the features of the titles of the Russian plays staged at the court of Tsar Alexei Mikhailovich (1645–1676). The very first plays written for the court theatre in the last third of the seventeenth century were: *Artaxerxes Action* (1672), *Judith, or Holofernes Action* (1673), *A Little Cool Comedy About Joseph* (1675), and *A Pitiful Comedy About Adam and Eve* (1675) authored by Johann Gottfried Gregory and *Temir-Aksakovo Action* (1675) authored by George Hüfner. The titles of the early Russian productions contained the terms “action” or “comedy”, which can be viewed in the context of the Western European theatre tradition, from which the authors of the first plays, Gregory and Hüfner, who were German, originated. The features of the title designation require additional distinction, as certain patterns are found in the content of the plays, allowing a deeper analysis of the titles. “Action” in the title can be understood as a comedy due to the presence of German buffoonery in the text. “Comedy” means any theatrical action in Russia, but, when included in the title, “comedy” differs from “action” by the presence of clarifying definitions, the absence of interludes, and an additional explanation in the prologues. The titles of the first Russian plays were not just meant to name the alleged performance at the court of Alexei Mikhailovich, but also to indicate its character to the viewer. All Russian plays were called comedies, but at the heart of them was a conditional division associated with the peculiarities of the perception of theatrical action in Russia, which only began to develop in the last third of the seventeenth century.

Keywords

Heading, title, the first Russian plays of 1670s, Gregory, Hüfner, action, acts, comedy, prologue, interludes, theatre terminology of the seventeenth century, liturgical drama, Western European tradition

Received 2 March 2020.

How to cite: Kaplun, M.V., 2020. Mezhdue *deistvom* i *komediei*: ob osobennostiakh zaglavii pervykh russkikh p'es 1670-kh godov. (zapadnoevropeiskii aspekt i formirovanie drevnerusskoi dramaticheskoi traditsii) [Between *action* and *comedy*: On the Features of Titles of the First Russian Plays of the 1670s (Western European Aspect and Formation of Old Russian Drama)]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 7–20.

* Acknowledgements: The work was completed at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation, project no. 19-78-00014.

Вопрос о поэтике русской комедии последней трети XVII в. ставился в работах Н.С. Тихонравова, П.Н. Беркова, А.В. Топычанова, С.М. Шамина, М.П. Одесского, И. Мейер, К. Дженсен и др.¹ В данной статье я остановлюсь на особенностях разграничения терминов «комедия» и «действие», вынесенных в заглавие ранних русских драматических произведений. Круг рассматриваемых произведений составляют самые первые пьесы, написанные для придворного театра царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.): «Артаксерово действие» (1672), «Иудифь, или Олоферново действие» (1673), «Малая прохладная комедия об Иосифе» (1675), «Жалобная комедия об Адаме и Еве» (1675) авторства Иоганна Готфрида Грегори, «Темир-Аксаково действие» (1675) авторства Юрия Михайловича Гивнера (Юрия Гибнера)².

Три первые русские пьесы получили именование «действие» («Артаксерово действие», «Иудифь, или Олоферново действие», «Темир-Аксаково действие»). Как указал П.Н. Берков, «“действие” в первых русских драмах соответствовало нашему теперешнему слову “пьеса”»³. В «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского «действие» имеет значение действия, «действования» (греч. ἐνέργεια)⁴. В Западной Европе в эпоху Средневековья в религиозно-культовые обряды вводились элементы театрального действия. Например, чтение отрывков из Евангелия и разыгрывание их в лицах именовались действием⁵. Несмотря на отсутствие на Руси традиций средневековой религиозной драмы и, как следствие, литургических мистерий, сопровождающихся театрализованным действием⁶, до возникновения театра действия не были чужды Московии.

¹ См.: Тихонравов Н.С. Русские драматические произведения 1672–1725 гг. В 2 т. СПб.: Издание Д.Ю. Кожанчикова, 1874. Т. I. С. VI–XXIV; Берков П.Н. Из истории русской театральной терминологии XVII–XVIII веков // Труды отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. 11. С. 280–299; Топычанов А.В., Шамин С.М. Перформативная культура российского двора XVII в.: литургические действа, выступления скоморохов и артистов, театр // Российская история. 2016. № 6. С. 97–111; Одесский М.П. Поэтика русской драмы: последняя треть XVII — первая треть XVIII в. М.: РГГУ, 2004; Дженсен К., Мейер И. Придворный театр в России XVII века. Новые источники. М.: Индрик, 2016.

² За скобками оставляю пьесы Симеона Полоцкого и Дмитрия Ростовского, как более поздние произведения, имеющие ряд художественных отличий от предшественников.

³ Цит. по: Берков П.Н. Из истории русской театральной терминологии XVII–XVIII веков... С. 283.

⁴ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: издание Отделения рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890–1912. [Электронный ресурс]. URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html#> (дата обращения: 22.02.2020). С. 784.

⁵ Действо // Театр. Актер. Режиссер. Краткий словарь терминов и понятий / сост. А. Савина. СПб.; М.; Краснодар: Планета музыки, 2010. С. 94.

⁶ См.: Веселовский А.Н. Старинный театр в Европе. М.: тип. П. Бахметева, 1870. С. 303, 326.

В XVI–XVII вв. на Руси устраивалось «Пещное действо» (Чин воспоминания сожжения трех отроков)⁷. Действо отсылало к названию древнего русского церковного чина (с элементами театрализованного представления, имеющего много общего с литургической драмой) и сопровождалось известным церковным служением и крестными ходами в Кремле⁸. Как указали А.В. Топычканов и С.М. Шамин, «пещное действо стало одним из ранних примеров отказа от традиционных перформативных жанров. <...> Показательно, что одновременно представители династии Романовых стали составлять новые литургические действия, совершавшиеся уже без участия патриарха. Так, в день Происхождения Честных древ Креста Господня (1 августа по старому стилю) царь Алексей Михайлович в 1670-е годы совершал освящение полей в селе Измайлове по собственноручно написанному чину»⁹. Помимо «Пещного действия» можно упомянуть православный обряд «Шествие на ослиати», напоминавший действо и совершавшийся в праздник Вербного Воскресенья, что символизировало вход Господень в Иерусалим — въезд Иисуса Христа на осле. Обряд упоминается в письменных источниках с XVI в.¹⁰

В этом контексте замечу, что действо на Руси до конца XVII в. могло восприниматься в религиозном прочтении, как и в Западной Европе. Но при зарождении первого русского театра «действиями» стали именоваться не только представления на библейские сюжеты, но и исторические драмы, как, например, «Темир-Аксаково действо», которое можно рассматривать как сценическую реконструкцию о противостоянии Тамерлана и османского султана Баязида I. При этом «действиями» не именуются две драмы библейского содержания из блока ранних русских пьес. Речь идет о «Жалобной комедии об Адаме и Еве» и «Малой прохладной комедии об Иосифе». Подобное избирательное именование русских пьес говорит о необходимости рассмотрения элементов жанровой формы русской драмы в художественном соотношении.

Со второй половины XVII в. любые представления на Руси получали определение *комидия*. *Комидия* означает любое театрализованное действие в целом вне зависимости от жанрового деления. В 1672 г. открылся первый русский театр, и комидией именовались постановки при дворе Алексея

⁷ См.: Джансен К., Мейер И. Придворный театр в России XVII века... С. 11–12; Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: Транзиткнига, 2005. С. 294; Действо // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.), 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%94%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%B2_%D1%86%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%B2%D0%B8 (дата обращения: 28.02.2020). С. 328.

⁸ Цит. по: Топычканов А.В., Шамин С.М. Перформативная культура российского двора XVII в. ... С. 98–99.

⁹ Там же. С. 99.

¹⁰ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях... С. 310–317.

Михайловича¹¹. Как указал С.М. Шамин, во время становления русского театра «продолжались и переводы сообщений европейской прессы с упоминанием комедий, сыгранных в разных городах Европы, но, несмотря на это, само слово *комедия* еще некоторое время оставалось непривычным»¹². Если рассматривать первые русские пьесы в контексте западноевропейской системы драматических жанров, то в первую очередь необходимо обратиться к испанской комедии XVI — первой половины XVII в., знаменующей золотой век испанской драмы. В «теории комедии», сформулированной Бартоломе де Торресом Наарро, комедия не отделяется от трагедии, а, наоборот, жанр испанского театра приводится к единому знаменателю. Этим знаменателем стала комедия, которая, согласно определению Наарро, «есть искусное и остроумное сочетание замечательных и в конце концов веселых событий, изображаемых в лицах»¹³. Отныне пьеса могла сочетать как «замечательные» (героические), так и комические элементы, а финал обязательно должен был быть «веселым». В качестве «жанрового» разделения Наарро предложил отталкиваться от стиля произведений и поделил комедии на «comedia a noticia» (о вещи, хорошо известной и произошедшей в действительности) и «comedia a fantasia» (о вещи вымышленной, придуманной)¹⁴. Первые русские пьесы являлись экспериментальными постановками и в основе своей не имели достаточной теоретической проработки, что отражалось на восприятии первых русских постановок современниками как царского развлечения.

Тем не менее, в последней трети XVII в. на Руси комедия начала пониматься как искусство, что можно обнаружить в особенностях сюжетной структуры первых драматических произведений. В пьесе «Артаксерксово действо» пастора лютеранской кирхи Немецкой слободы в Москве Иоганна Готфрида Грегори, написанной на библейский сюжет из Книги Есфирь, сюжетная арка представляет собой следующее: первое действие — знакомство с персонажами и с главной причиной беспокойства персидского царя Артаксеркса, связанной с неповиновением жены Астинь; второе действие — свержение Астинь, поиски новой жены и заговор Багатана и Тереса против Артаксеркса; третье действие — на сцене появляется один из приближенных царя, главный интриган библейской истории Аман, замысливший недоброе против еврейского народа; четвертое и пятое действия строятся на противостоянии Амана и воспитателя Есфири Мардохея, что является сюжетной кульминацией; в шестом действии становится известна развязка (казнь Амана); седьмое действие — долгожданное воссоединение Есфири

¹¹ Берков П.Н. Из истории русской театральной терминологии XVII–XVIII веков... С. 282.

¹² Цит. по: Шамин С.М. Иностранные «памфлеты» и «курбезы» в России XVI — начала XVIII столетия. М.: Весь Мир, 2020. С. 301.

¹³ Menéndez y Pelayo M. Bartolomé de Torres Naharro y su Propladía. Estudios de crítica literaria, 1856–1912. Madrid: Sucesores de Rivadeneyra, 1900. Ser. 3. P. 108–109.

¹⁴ Ibid. P. 109.

и Артаксеркса и песни по случаю счастливой развязки¹⁵. На примере «Артаксерксова действия» можно обнаружить как минимум несколько сюжетных ходов (долгое прощание с Астинь, заговор Багатана и Тереса, интриги Амана), отодвигающих развязку пьесы и создающих подобие интриги, поскольку пьеса была написана на хорошо известный сюжет из Библии. Идея постепенного продвижения интриги (принцип последовательного развертывания действия) содержится в основных композиционных принципах драмы, сформулированных Лопе де Вега в трактате «Новое руководство к сочинению комедий» (*El arte nuevo de hacer comedias en este tiempo*): «Пусть интрига с самого начала завяжется и разовьется в пьесе, от акта к акту двигаясь к развязке, развязку же не нужно допускать до наступления последней сцены. Ведь публика, конец предвидя пьесы, бежит к дверям и обращает спину к тому, чего так долго ожидала: что знаешь наперед, волнует мало»¹⁶. По этому принципу выстраиваются пьесы «Иудифь, или Олоферново действо» и «Темир-Аксаково действо». В «Иудифи» кульминации действия (т.е. казни Олоферна) предшествует путь Иудифи в стан врага, сопровождающийся подъемом жителей осажденного города на подвиг против супостатов, молитвами об укреплении веры, шутовскими сценками и встречами с Олоферном. Историческое повествование «Темир-Аксаково действо» описывало, как уже указывалось выше, борьбу среднеазиатского эмира Тамерлана с османским султаном Баязидом Молниеносным, завершившуюся поражением османов и пленением султана в битве при Анкаре в 1402 г.

В «Темир-Аксаковом действе» впервые обосновывались принципы комедии на Руси. Пролог пьесы помимо обычного для того времени обращения к царю содержит жанровую характеристику первых русских пьес: «Велеможнейший монарх! По вашему царского величества милостивому указу мы паки покорно объявилися и сколко мы можем въ юности своей выразумети объявити хошем — вкратце *комедию* преславного Темир-Аксака, буде Ваше царское величество милостию своею изволите от нас подданных и покорных младенцов послушать про все *действия* сей *комидии*, как вначале благочестие служило, а после и печальное время наступило, занеже *комедия* человека увеселити может и всю кручину человеческую в радость превратить, когда услышит достойное учинение, что древнее славою своею показывали и живущим как написание персони после смерти очевяно поставили для поминания, чтоб той чести того ради, что в *камедиях* многие благие научения, так же и красные приговоры выразумети мочно»¹⁷. Пьеса

¹⁵ Ранняя русская драматургия XVII – первая половина XVIII в.: В 5 т. М.: Наука, 1972. Т. 1: Первые пьесы русского театра. С. 101–257.

¹⁶ Цит. по: Лопе де Вега. Новое искусство сочинять комедии 1609 / пер. О. Румера URL: <http://lib.ru/DEVEGA/komedii.txt> (дата обращения: 20.02.2020).

¹⁷ Цит. по: Ранняя русская драматургия XVII – первая половина XVIII в... Т. 2: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. С. 59.

«Темир-Аксаково действо» имеет подзаголовок: «Малая комедия о Баязете и Тамерлане», что говорит зрителю о небольших размерах разыгрываемой драмы. Примечательно, что «действо», вынесенное в заглавие пьесы, в прологе приравнивается к комедии, т.е. уподобляется развлекательному зрелищу: «*все действия сей комидии*». Под «действом» в данном случае понимается именно «действие на сцене», развитие событий (многократными, порой резкими сменами в положении действующих лиц). В русских пьесах действия (акты) называются действиями, а явления — сениями. В театральном понимании каждое действо делится на определенное количество актов или действий, в каждом из которых начинается и завершается определенное звено событий¹⁸. За комедийную составляющую трех русских действий отвечают и шутовские персоны (за ними легко угадываются персонажи немецких интермедий Ханс Кнапкэсс, Пикельгеринг из репертуара немецких бродячих трупп XVII в.)¹⁹, они были призваны разбавить трагедийный пафос ранних русских драм²⁰. Палач-плотник Мопс и его жена Геленка из «Артаксерксова действия», служанка Иудифи Абра и воин Сусахим из «Иудифи», Пикельгеринг и Тельпель из «Темир-Аксакова действия» выступают на сцене наравне с главными персонажами, шутят на грани гротеска и составляют целую интермедию²¹.

На примере трех пьес, в заглавии которых присутствует слово «действо», можно говорить о художественных признаках «действия» на Руси и его театральном переосмыслении в последней трети XVII в.:

- 1) действо приравнивается к комедии, входит в ее состав и в основании своем имеет развлекательный оттенок;
- 2) действо содержит шутовские элементы, именуемые интермедиями;
- 3) действо не обязательно строится на сюжет из Библии;
- 4) действо мыслится, прежде всего, как действие в театральном понимании, как делящееся на акты.

Заглавия двух пьес на библейские сюжеты не содержат «действия». Как указал П.Н. Берков, «если внимательно присмотреться к приведенным выше заглавиям, в особенности ранним, в прилагательных, предшествующих общему родовому обозначению, можно различить некоторые элементы жанро-

¹⁸ Театр. Актер. Режиссер. Краткий словарь терминов и понятий... С. 94.

¹⁹ Дженсен К., Мейер И. Придворный театр в России XVII века... С. 143.

²⁰ Алпатов С.В., Шамин С.М. Европейский юмор в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013 (4). С. 25–26.

²¹ См.: Каплун М.В. Реконструкция интермедий «Артаксерксова действия» Иоганна Готфрида Грегори // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 19 / гл. ред. О.А. Туфанова, отв. ред. Е.А. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 135–156; Она же. Персонажи-шуты в «Иудифи» И.Г. Грегори в контексте репертуара «английских комедиантов» // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3 (24). С. 62–64; Тихонравов Н.С. Русские драматические произведения 1672–1725 гг.... С. XVI, XXIII.

вой дифференциации»²². Речь идет о пьесе на сюжет о грехопадении первых людей, которая именовалась «Жалобная комедия об Адаме и Еве», где «жалобная» означала «рыдальная» или «печальная», что предвещало в первую очередь грустное действие²³. Заглавие другой пьесы этой группы, «Малая прохладная комедия об Иосифе», подчеркивало ее значимость, поскольку «прохладный» значило «пользующийся удобством, почетом»²⁴. Еще одно значение слова «прохладный» — приятный, доставляющий удовольствие²⁵. В прологах обеих пьес также присутствует философское, трагедийное мироощущение человеческого бытия. Размышлением о человеческой неблагодарности и подлости открывается «Малая прохладная комедия об Иосифе»: «...Егда кто в восточных землях скорпию обрящет, тогда той змиок сокрывается и в тишине пребывает; но когда к нему кто прикоснется и ногами попирает, учнет, абие яд свой смертаносной испускает: таковым же образом и человек, аще добротлив и благодатен, или лукав и злонравен есть, познан бывает ибо как скоро злобный человек от кого точию прикоснен будет и малым чем докучен, скоро воздвигнется и аки скорпия от ярости гневу своего возмутится; противным паки обычаем благосердный и добронравный любить и недруги своя и добро творит гонящим его. Мы же предаем клятве смертоносной яд и желч всех скорпий и злонравных человек, припадаем ж к самой добродетели, се есть к престолу вашего царского величества, понеже паки малую прохладную о преизрядной добродетели и сердечной чистоте камедию в *действе* об Иосифе в пречестные очи предпоставити умыслили есмя, тем же не отчаем, яко превысокая вашего царского величества обыкая милость во все милосердом присмотрении детского действия нашего проводить оное благо изволите»²⁶.

Предисловие к «Жалобной комедии об Адаме и Еве» во многом дублирует трагедийный пафос «Комедии об Иосифе»: «Человеческое житие, еже по бозе под милостивым защищением вашего царского величества имеем и в нем содержаны бываем, — во оном такожде все прохладение и радость взыскуем; но обретаем скорбь и беду. Ей, взыскуем в нем меру, но что же обретаем? несмирение и бран; взыскуем посмешение, но обретаем плач и рыдание; взыскуем в нем здравие, но обретаем болезн и недуг. Ей, воистинно егда мы, простые человецы, таковыми отягченными в зеркале рассмотрим, тогда на нас скоро той ево в помышление надходит: — якоже многие сие (но еже языческий есть) началу создания нашего восхотеша приписать, но мы же носим предателя неизвестно в недрах наших, а имянно древняго

²² Цит. по: Берков П.Н. Из истории русской театральной терминологии XVII-XVIII веков... С. 282.

²³ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам... С. 209.

²⁴ Там же. С. 1602-1603.

²⁵ Берков П.Н. Из истории русской театральной терминологии XVII-XVIII веков... С. 282.

²⁶ Цит. по: Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в. ... Т. 2. С. 93.

Адама, то есть истую плот и кров нашу»²⁷. «Жалобная комедия об Адаме и Еве» и «Малая прохладная комедия об Иосифе», не называясь прямо «действом», в прологах отсылают зрителя именно к «действию» в первоначальном смысле этого слова как религиозной драме²⁸. Например, в «Комедии об Адаме и Еве» присутствуют элементы средневековой религиозной драмы, которые восходят к театру западноевропейскому, хорошо знакомому первым драматургам на Руси, жившим в Немецкой слободе в Москве²⁹. В первых актах (действиях) пьеса напоминает средневековую мистерию, а в четвертом речь идет о моралите. Но если бы авторы пьесы вынесли в заглавие «моралите» или «мистерию», то эти термины ничего не дали бы русскому зрителю последней трети XVII в., поэтому они оставили морализаторский тон в предисловии, сохранив при этом отсылки к «действию» в классическом понимании. «Комедия об Иосифе» в прологе прямо называется «действом»: «Припадаем ж к самой добродетели, се есть к престолу вашего царского величества <...> *камедию в действе* об Иосифе в пречестные очи представить умыслили есмя».

Прологи двух пьес 1675 г. настраивали зрителя на серьезное зрелище с элементами философского осмысления действительности. При этом пьесы получили именование «комедия», а не «действие», что говорит о сознательном стремлении авторов первых русских пьес подчеркнуть развлекательный характер показываемого действия, но с разъяснением, о какой конкретно комедии идет речь («жалобная», «прохладная»). Можно также сделать предположение, что в случае русской пьесы о грехопадении определение «комедия», а не «действие» в заглавии могло нести в себе желание создателей не уподоблять пьесу об Адаме и Еве западноевропейской религиозной драме на этот сюжет. Достаточно вспомнить литургическую драму «Действо об Адаме» (приблизительно XII в.), в которой Ева сначала во всё слушает Адама в соответствии с патриархальной моралью, затем поддается на уговоры Змия, который сбивает Еву с пути истинного, взывая к их различию с Адамом в пользу Евы: «Твой муж так груб, а ты прекрасна. // К тому же ты куда умней, / А ум нас делает смелей»³⁰. Пос-

²⁷ Цит. по: Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в. ... Т. 2. С. 116.

²⁸ См.: Державина О.А. К вопросу сравнительно-исторического изучения европейской и русской драматургии XVII в. (Традиции Средневековья и новые элементы в пьесах XVII в. об Иосифе) // Славянские литературы. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М.: Издательство «Наука», 1968. С. 141–165.

²⁹ См.: Каплун М.В. Пьесы на сюжет об Адаме и Еве в творчестве Иоганна Готфрида Грегори и Йоста ван ден Вондела // Вестник славянских культур. 2015. № 3 (37). С. 155–164; Она же. Первые пьесы русского театра и эстетические взгляды пастора Иоганна Готфрида Грегори // Герменевтика древнерусской литературы: Сборник 18 / отв. ред. О.А. Туфанова. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2019. С. 12–180.

³⁰ Цит. по: Живелегов А.К., Бояджиев Г.Н. История западноевропейского театра от возникновения до 1789 года. М.: ГИТИС, 2013. С. 31.

ле вкушения запретного плода грешников ждет злая участь: из цветущего райского сада они попадают на спаленную солнцем каменистую землю. Из их посевов вырастают только сорные травы, и, в довершение всех бед, черти ведут несчастную чету в ад: «Одни толкают их, другие тащат в ад, третьи встречают их около ада, устраивая большую пляску по случаю их гибели»³¹. В русской «Комедии об Адаме и Еве» присутствует более оптимистичный финал, в котором разыгрывается «райское прение» за оправдание согрешивших людей вместо их показательной гибели, как в западно-европейской традиции, что подчеркивает развлекательный настрой первой пьесы об Адаме и Еве на русской сцене. Но существует еще одно важное отличие между пьесами, которые определяются как «комедия» и «действие» в заглавии. В названных «комедиях» отсутствуют интермедии, в отличие от пьес, где в заглавии стоит «действие», что говорит об осознанной (хотя во многом условной) попытке разграничить первые пьесы в заглавиях не столько в жанровом, сколько в формальном отношении. Это было понятно зрителю раннего Нового времени.

На основании проведенного анализа можно сформулировать несколько характеристик первых русских пьес, в названии которых содержится слово «комедия»:

- 1) комедия содержит действие в значении действия (действия и сени присутствуют в пьесах независимо от титула);
- 2) комедия, вынесенная в заглавие, может не содержать интермедий;
- 3) комедия может содержать философские мотивы и иметь отнюдь не развлекательный характер по сути своей;
- 4) комедия, вынесенная в заглавие, получает обязательную дополнительную характеристику в титуле и прологе / предисловии.

Таким образом, заглавия первых русских пьес были призваны не просто назвать предполагаемое представление при дворе Алексея Михайловича, но и обозначить его характер для зрителя. Все русские пьесы именовались *комидиями*, но в основе их было условное разделение, связанное с особенностями восприятия театрального действия на Руси, которое в последней трети XVII в. только получало развитие. Рассмотрение признаков пьес, озаглавленных «комедиями» и «действиями», дает возможность говорить о начале систематического разграничения драматических жанров на Руси.

Литература

Алпатов С.В., Шамин С.М. Европейский юмор в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 4 (54). С. 21–33.

³¹ Цит. по: Дживелегов А.К., Бояджиев Г.Н. История западноевропейского театра от возникновения до 1789 года. М.: ГИТИС, 2013. С. 32.

- Берков П.Н.* Из истории русской театральной терминологии XVII–XVIII веков // Труды отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. 11. С. 280–299.
- Веселовский А.Н.* Старинный театр в Европе. М.: тип. П. Бахметева, 1870.
- Действо // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. (82 т. и 4 доп.), 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%94%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE,%D0%B2_%D1%86%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%B2%D0%B8 (дата обращения: 28.02.2020).
- Державина О.А.* К вопросу сравнительно-исторического изучения европейской и русской драматургии XVII в. (Традиции Средневековья и новые элементы в пьесах XVII в. об Иосифе) // Славянские литературы. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации / ред. И.А. Хренов, Н.И. Кравцов, В.А. Дьяков. М.: Издательство «Наука», 1968. С. 141–165.
- Джensen К, Мейер И.* Придворный театр в России XVII века. Новые источники. М.: Индрик, 2016.
- Дживелегов А.К., Бояджиев Г.Н.* История западноевропейского театра от возникновения до 1789 года. М.: ГИТИС, 2013.
- Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: Транзиткнига, 2005.
- Каплуn М.В.* Первые пьесы русского театра и эстетические взгляды пастора Иоганна Готфрида Грегори // Герменевтика древнерусской литературы: Сборник 18 / отв. ред. О.А. Туфанова. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2019. С. 12–180. DOI: 10.23681/500015
- Каплуn М.В.* Персонажи-шуты в «Иудифи» И.Г. Грегори в контексте репертуара «английских комедиантов» // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3 (24). С. 61–65.
- Каплуn М.В.* Пьесы на сюжет об Адаме и Еве в творчестве Иоганна Готфрида Грегори и Йоста ван ден Вондела // Вестник славянских культур. 2015. № 3 (37). С. 155–164.
- Каплуn М.В.* Реконструкция интермедий «Артаксерксова действия» Иоганна Готфрида Грегори // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 19 / гл. ред. О.А. Туфанова, отв. ред. Е.А. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 135–156. DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-135-156.
- Одесский М.П.* Поэтика русской драмы: последняя треть XVII — первая треть XVIII в. М.: РГГУ, 2004.
- Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в. В 5 т. / ред. А.Н. Робинсон. М.: Наука, 1972. Т. 1: Первые пьесы русского театра. Т. 2: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: издание Отделения рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890–1912. [Электронный ресурс]. URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html#> (дата обращения: 22.02.2020).

Театр. Актер. Режиссер. Краткий словарь терминов и понятий / сост. А. Савина. СПб.; М.; Краснодар: Планета музыки, 2010.

Тихонравов Н.С. Русские драматические произведения 1672–1725 гг. В 2 т. СПб.: Издание Д.Ю. Кожанчикова, 1874. Т. I.

Топычканов А.В., Шамин С.М. Перформативная культура российского двора XVII в.: литургические действия, выступления скоморохов и артистов, театр // Российская история. 2016. № 6. С. 97–111.

Шамин С.М. Иностранные «памфлеты» и «курьезы» в России XVI — начала XVIII столетия. М.: Весь Мир, 2020.

Menéndez y Pelayo M. Bartholomé de Torres Naharro y su Propaladia // Estudios de crítica literaria. Madrid: Sucesores de Rivadeneyra, 1900. Ser. 3. P. 8–183.

References

Alpatov, S.V., Shamin, S.M., 2013. Evropeiskii iumor v Rossii XVII v. [European humor in Russia of the 17th century]. *Drevniaia Rus' . Voprosy medievistiki*, 4 (54), pp. 21–33.

Berkov, P.N., 1955. Iz istorii russkoi teatral'noi terminologii XVII-XVIII vekov [From the history of Russian theatre terminology of the 17th–18th centuries]. In: Likhachev, D.S., ed., 1955. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury. T. 11* [Works of the Department of Old Russian Literature. Vol. 11]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 280–299.

Derzhavina, O.A., 1968. K voprosu sravnitel'no-istoricheskogo izucheniia evropeiskoi i russkoi dramaturgii XVII v. (Traditsii Srednevekov'ia i novye elementy v p'esakh XVII v. ob Iosife) [To the question of comparative historical study of European and Russian drama of the 17th century (Traditions of the Middle Ages and new elements in plays of the 17th century about Joseph)]. In: Khrenov, I.A., Kravtsov, N.I., D'iakov, V.A., eds, 1968. *Slavianskie literatury. VI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov (Praga, avgust 1968). Doklady sovetskoi delegatsii* [Slavic literature. VI International Congress of Slavists (Prague, August 1968). Reports of the Soviet delegation]. Moscow: Izdatel'stvo "Nauka", pp. 141–165.

Dzhensen, K., Meier, I., 2016. *Pridvornyi teatr v Rossii XVII veka. Novye istochniki* [The Court Theater in Russia: New Sources]. Moscow: Indrik.

Dzhivelegov, A.K., Boiadzhiev, G.N., 2013. *Istoriia zapadnoevropeiskogo teatra ot vzniknoveniia do 1789 goda* [The history of the West European theater from its origin until 1789]. Moscow: GITIS.

Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.), 2015. *Deistvo* [Action]. [online]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%94%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE,%D0%B2_%D1%86%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%B2%D0%B8 (accessed: 28.02.2020).

Kaplun, M.V., 2015. P'esy na suzhet ob Adame i Eve v tvorchestve Ioganna Gotfrida Gregori i Iosta van den Vondela [The Plays on the Adam and Eve's plot in the works by Johann Gottfried Gregory and Joost van den Vondel]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 3 (37), pp. 155–164.

- Kaplun, M.V., 2015. Personazhi-shuty v “Iudifi” I.G. Gregori v kontekste repertuara “angliiskikh komediantov” [Buffoon-characters in “Judith” by J.G. Gregory in the context of the “English comedians” repertoire]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul’turny i iskusstv*, 3 (24), pp. 61–65.
- Kaplun, M.V., 2019. Pervye p’esy russkogo teatra i esteticcheskie vzgliady pastora Ioganna Gotfrida Gregori [The first plays of the Russian theatre and aesthetic views of Pastor Johann Gottfried Gregory]. In: Tufanova, O.A., ed., 2019. *Germenevtika drevnerusskoi literatury. Sbornik 18* [Hermeneutics of Old Russian literature: Issue 18]. Moscow; Berlin: Directmedia Publishing, pp. 12–180. DOI: 10.23681/500015.
- Kaplun, M.V., 2020. Rekonstruktsiia intermedii “Artakserksova deistva” Ioganna Gotfrida Gregori [Reconstruction of the interludes of the Artaxerxes’ action by Johann Gottfried Gregory]. In: Tufanova, O.A., Andreeva, E.A., eds, 2020. *Germenevtika drevnerusskoi literatury. Sbornik 19* [Hermeneutics of Old Russian literature: Issue 19]. Moscow; Berlin: Directmedia Publishing, pp. 135–156. DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-135-156.
- Menéndez y Pelayo, M., 1900. Bartholomé de Torres Naharro y su Propaladia. In: Menéndez y Pelayo, M., 1900. *Estudios de crítica literaria*. Madrid: Sucesores de Rivadeneyra, Ser. 3, pp. 8–183.
- Odesskii, M.P., 2004. *Poetika russkoi dramy: posledniaia tret’ XVII — pervaiia tret’ XVIII v.* [Poetics of Russian drama: the last third of the 17th — the first third of the 18th centuries]. Moscow: RGGU.
- Robinson, A.N., ed., 1972. *Ranniaia russkaia dramaturgiia XVII — pervaiia polovina XVIII v. V 5 t.* [Early Russian drama of the 17th — the first half of the 18th centuries. In 5 vol]. Moscow: Nauka Publ. T. 1: *Pervye p’esy russkogo teatra* [Vol. 1: First plays of the Russian theatre]. T. 2: *Russkaia dramaturgiia poslednei chetverti XVII i nachala XVIII v.* [Vol. 2: Russian drama of the last quarter of the 17th and the beginning of the 18th centuries].
- Savina, A., ed., 2010. *Teatr. Akter. Rezhisser. Kratkii slovar’ terminov i poniatii* [Theatre. Actor. Producer. Brief glossary of terms and concepts]. Saint Petersburg; Moscow; Krasnodar: Planeta muzyki.
- Sreznevskii, I.I., 1890–1912. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis’mennym pamiatnikam* [Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments]. Saint Petersburg: izdanie Otdeleniia rus. iaz. i slovesnosti Imperatorskoi akad. nauk. [online]. URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html#> (accessed: 22.02.2020)
- Tikhonravov, N.S., 1874. *Russkie dramaticheskie proizvedeniia 1672–1725 gg. V 2 t.* T. 1 [Russian dramatic works of 1672–1725. In 2 vols. Vol. I]. Saint Petersburg: Izdanie D.Iu. Kozhanchikova.
- Topychkanov, A.V., Shamin, S.M., 2016. Performativnaia kul’tura rossiiskogo dvora XVII v.: liturgicheskie deistva, vystupleniia skomorokhov i artistov, teatr [Performative culture of the Russian court of the 17th century: liturgical events, performances by buffoons and actors, theatre]. *Rossiiskaia istoriia*, 6, pp. 97–111.
- Shamin, S.M., 2020. *Inostrannye “pamflety” i “kur’ezy” v Rossii XVI — nachala XVIII stoletii* [Foreign “pamphlets” and “oddities” in Russia of the 16th — beginning of the 17th centuries]. Moscow: Ves’ Mir.

Veselovskii, A.N., 1870. *Starinnyi teatr v Evrope* [Old Theater in Europe]. Moscow: tip. P. Bakhmeteva.

Zabelin, I.E., 2005. *Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiiakh* [Home life of Russian tsars in the 16th and 17th centuries]. Moscow: Tranzitkniga.

**ПЕРЕДОВОЙ ОТРЯД
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА И.В. ГУРКО
В Г. ЭСКИ-ЗАГРА В ИЮЛЕ 1877 Г.
(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ УЧАСТНИКОВ
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ.)**

Марина Михайловна Фролова —

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: marinafrolova59@mail.ru

Аннотация

В статье на основе опубликованных источников (многие сведения из которых впервые вводятся в научный оборот) раскрываются обстоятельства пребывания Передового отряда генерал-лейтенанта И.В. Гурко в г. Эски-Загра (ныне Стара-Загора) 10–19 июля 1877 г. и воссоздается многоплановая панорама контактов солдат и офицеров с его жителями. Русские офицеры способствовали организации городского совета, милиции, жандармерии, госпиталей. Со своей стороны болгары оказывали русским широкое содействие (заготавливали печеный хлеб, продавали продукты питания войскам и фураж для конницы, а также доставляли сведения о турецких войсках). В городе удалось подавить вспышки взаимной ненависти христиан и мусульман, но в его округе болгары резали и грабили мусульманское население, сжигали дома и деревни. Поражение под Плевной не позволило командованию Дунайской армии направить генералу Гурко подкрепление. Небольшому отряду, оставленному в Эски-Загре, пришлось сражаться с превосходящими силами Сулеймана-паши и отступить к Казанлыку. Вооруженные горожане во время боя находились за русскими резервами и в критические минуты, несмотря на прежние свои заявления, предпочли спастись, не поддержав своих соотечественников-ополченцев. Жителей-болгар и раненых воинов, не сумевших покинуть город, ожидала страшная участь — ответная месть мусульман. Русские офицеры, отмечая положительные качества болгарского характера, предрекали народу «завидную будущность» после его освобождения от власти турок.

Ключевые слова

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Передовой отряд, И.В. Гурко, Казанлык, Эски-Загра, Ф.М. Депрерадович

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2019 г.

Цитирование: *Фролова М.М.* Передовой отряд генерал-лейтенанта И.В. Гурко в г. Эски-Загра в июле 1877 г. (по воспоминаниям участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2020. Т. 15. № 1–2. С. 21–36.

FORWARD DETACHMENT OF LIEUTENANT GENERAL IOSIF V. GURKO IN ESKI-ZAGRA IN JULY 1877 (AS REMEMBERED BY THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877–1878 PARTICIPANTS)

Marina M. Frolova,

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: marinafrolova59@mail.ru

Abstract

This article reveals the circumstances of the presence of the Forward detachment of Lieutenant General Iosif V. Gurko in the city of Eski-Zagra (now Stara-Zagora) (July 10–19, 1877) and recreates a multifaceted panorama of contacts between soldiers, officers, and the city's inhabitants. The article is based on published sources (many facts from which are first introduced here). The Forward detachment, which included the Bulgarian militia, was solemnly met in Eski-Zagra. Russian officers contributed to the organization of the city council, police, gendarmerie, and hospitals. For their part, the Bulgarians provided broad assistance to the Russians (in baked bread preparation, sale of food to the troops and fodder for the cavalry, as well as the delivery of information about the Turkish troops). The city managed to suppress the outbreaks of mutual hatred between Christians and Muslims, but in the surrounding district the Bulgarians slaughtered and plundered the Muslim population, burning houses and villages. The defeat at Plevna did not allow the command of the Danube army to send reinforcements to General Gurko. A small detachment left in Eski-Zagra had to fight the superior forces of Suleiman Pasha and retreat to Kazanlak. During the battle, armed citizens stayed behind the Russian reserves and, at critical moments, despite their previous statements, chose to escape and not to support their compatriot militiamen. A terrible fate — the revenge of Muslims — was expected by the residents — Bulgarians and wounded soldiers who could not manage to leave the city. Russian officers, noting the positive qualities of the Bulgarian character, predicted an enviable future for the nation after its release from power of the Turks.

Keywords

Russian-Turkish War of 1877–1878, Forward detachment, Iosif V. Gurko, Kazanlak, Eski-Zagra, F.M. Depreradovich

Received 1 September 2019.

How to cite: Frolova, M.M., 2020. *Peredovoi otriad general-leitenanta I.V. Gurko v g. Eski-Zagra v iulie 1877 g. (po vospominaniyam uchastnikov russko-turetskoi voyny 1877–1878 gg.)* [Forward Detachment of Lieutenant General Iosif V. Gurko in Eski-Zagra in July 1877 (As Remembered by the Russian-Turkish War of 1877–1878 Participants)]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 21–36.

Сражение у г. Эски-Загра (ныне Стара-Загора) вошло в летопись русско-турецкой войны 1877–1878 гг. как битва, в которой впервые проявилась доблесть болгарского ополчения. В существующей литературе, как дореволюционной (С.П. Зыков, Н.А. Епанчин, П.А. Гейсман и др.), так и второй половины XX в. и начала XXI в. (П.К. Фортунатов, Н.И. Беляев, А.А. Улунян, Г. Георгиев, В. Топалов, Ц. Генов, Ст. Дойнов, К. Косев и др.)¹, достаточно хорошо изучен сам ход сражения, описаны подвиги русских офицеров и дружинников. В настоящей статье на основе опубликованных источников (мемуаров участников войны и официальных документов) раскрываются обстоятельства пребывания Передового отряда генерал-лейтенанта И.В. Гурко в г. Эски-Загра в июле 1877 г. и освещаются взаимоотношения русских военных и болгар, а также то, как воспринимали болгар русские офицеры, чему прежде внимание исследователей не уделялось.

Передовой отряд под командованием генерал-лейтенанта И.В. Гурко (5 800 чел. пехоты, в том числе и болгарское ополчение², 3 700 чел. конницы, 12 горных и 18 конных орудий) был специально сформирован 18 июня 1877 г., через три дня после форсирования Дуная русской армией. С поставленной перед ним задачей — овладеть балканскими проходами — он справился блестяще. В связи с полученными 9 июля сведениями о первой неудаче русских под Плевной (8 июля) и о перемещении корпуса Сулеймана-паши из Черногории в Адрианополь Гурко разработал план активной обороны балканских проходов, согласно которому следовало разрушить две ветки железной дороги Адрианополь — Ямбол и Адрианополь — Филиппополь (Пловдив), чтобы препятствовать сосредоточению прибывавших войск Сулеймана, а также занять города Эски-Загра и Иени-Загра (ныне Нова-Загора).

8 июля в Казанлык, где находился Гурко со штабом, были доставлены два письма болгар Эски-Загры, в которых они просили о защите христиан от гнева «взбесившихся событиями в Казанлыке мусульман»³ (эти письма

¹ *Фортунатов П.К.* Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М.: Учпедгиз, 1950. С. 93–94; *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Воениздат, 1956; *Улунян А.А.* Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 132–135; *Георгиев Г., Топалов В.* Кратка история на освободителната война 1877–1878 (преглед на военните действия). София: Изд-во на БКП, 1958. С. 154–173; *Генов Ц.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей. София: София Пресс, 1979; *Косев К., Дойнов Ст.* От Шипка и Плевен до Сан Стефано и Берлин. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2007. С. 168–174.

² Болгарское ополчение, ядро будущей армии Болгарии, начало формироваться из болгарских добровольцев до объявления войны, в феврале-марте 1877 г. в Кишиневе, затем в Плоешти, первоначально в составе шести дружин под командованием генерал-майора Н.Г. Столетова (1831–1912). Ополчению предназначалась вспомогательная роль в тылу русской армии, но Столетов настоял на включении дружин в Передовой отряд.

³ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове (далее — СМ). СПб.: Тип. Бережливость, 1900. Вып. 24. С. 102–103.

известны в историографии⁴). Воспоминания начальника штаба Передового отряда полковника Д.С. Нагловского (1838–1890) рисуют более подробную картину. 9 июля в Казанлык приехали сразу две депутации из Эски-Загры: первая от мусульман, другая от христиан⁵. И те и другие призывали русские войска в свой город с мольбами защитить их: мусульмане — от грабежа и резни со стороны болгар, а христиане — от резни со стороны турок. Мусульмане обещали после прихода русских сложить и сдать оружие. (Впоследствии Гурко выяснил, что они сначала послали депутацию в гарнизон Адрианополя «просить присылки войск», но им отказали⁶.) Генерал Гурко сказал, что скоро придет в город⁷.

В тот же день в Эски-Загру была направлена полусотня 26-го Донского казачьего полка, которая, возвратившись, сообщила, что в городе и его окрестностях турецких войск нет, а болгарское население с нетерпением ожидает русских⁸. 10 июля 9-й Казанский драгунский полк двинулся к Эски-Загре, жители которой вышли ему навстречу. «Восторг народа в это время трудно передать <...>. Радость болгар была беспредельна и искренна»⁹, — докладывал полковник Я.В. Корево в реляции от 10 июля 1877 г. Полк остановился перед городом в ожидании выполнения обещания турецких старшин — привезти за город всё оружие, часть которого была заблаговременно собрана. Через два часа оружие доставили, и драгуны вступили в Эски-Загру. Ликование жителей и овации, несколько умолкшие во время двухчасового привала у города, возобновились. После молебна расставили караулы у мечети, где хранились боеприпасы, в конаке (здание, где размещалась турецкая администрация города), куда привезли отобранное у турок оружие. К вечеру полк расположился на биваке за Эски-Загрой. В городе остался полуэскадрон, поступивший в распоряжение капитана С.П. Щеголева, назначенного комендантом¹⁰.

Однако приход русских, как оказалось, спровоцировал болгар на бесчинства. 10 июля в полевой записке капитан Щеголев докладывал: «Болгары производят страшный беспорядок, грабят дома и лавки, расхищают оружие, отобранное у турок. Часовые и патрули не в состоянии за всем усмотреть. Турки грозят зажечь город, если грабеж не прекратится. Я разослал почти всех людей, кроме необходимого числа для караула пленных»¹¹.

⁴ См., напр., *Косев К., Дойнов Ст.* От Шипка и Плевен до Сан Стефано и Берлин. С. 168.

⁵ В данном случае под мусульманами подразумеваются турки, а под христианами — болгары.

⁶ См. Вып. 24. С. 124.

⁷ *Нагловский Д.С.* Действия Передового отряда генерала Гурко в 1877 г. // Военный сборник (далее — ВС). 1900. Т. 255. № 9. С. 44.

⁸ См. Вып. 24. С. 275.

⁹ Там же. С. 338.

¹⁰ Там же. С. 338–339.

¹¹ Там же. С. 116.

Ночь прошла довольно спокойно. Утром «прибежала толпа болгар тысячи в три с криком, что турки вошли уже в город и режут народ. Напор толпы был так силен и неожидан, что часовые у ворот не смогли сдержать напора, и народ расхватал оружие для собственной защиты»¹², — сообщил Щеголев. Полковник Корево писал генералу Гурко (11 июля, 9 час. 15 мин.): «Болгарские старшины собрались в конак, но не могут ничего сделать. <...> Разъезд драгун с нагайками водворил некоторый порядок, но оружия собрать нельзя, так как отряд готовится выступать. <...> Турки ведут себя безупречно»¹³. Нагловский констатировал, что в результате этих беспорядков «многие мусульмане и болгары поплатились жизнью»¹⁴. В воспоминаниях жителя Эски-Загры В. Велчева (1859–1935), впоследствии генерал-майора болгарской армии, упомянуто только, что в городе всю ночь шло веселье, вызванное освобождением¹⁵.

11 июля Казанский драгунский полк, передав караулы в городе болгарскому ополчению, выступил к с. Каяджик, где 12 июля драгуны разрушили железнодорожную станцию, арестовали ее начальника, взяли кассу, депеши и по возвращении всё сдали генералу Гурко¹⁶.

11 июля в 15 часов в Эски-Загру вошли генерал Гурко со штабом и часть Передового отряда. «Эски-Загра — город большой, с неправильными улицами. Войдя в него, мы долго шли бесконечно длинной, извилистой и опустелой улицей, пока не вышли к базару. Базар также очень велик, лавки его были все заперты и заколочены досками. В болгарской части города жители приветствовали с радостными криками, и хор девушек, одетых в белое, с цветами и портретами их величеств, с учительницей во главе пропел хором сочиненную по случаю нашего вступления в город патриотическую болгарскую песню. Не было предела радости и восторга! Всю дорогу болгары нас провожали, бросая под ноги цветы и венки»¹⁷, — вспоминал поручик М.М. Чичагов (1854–?).

Полковник Нагловский сообщил, что генерал Гурко собрал в конаке всех «почетных болгар», обратился к ним с речью, в которой «увещевал их держать себя спокойно и не обижать турок, так как непрременная воля государя состоит в том, чтобы никто друг друга не обижал»¹⁸. Войска встали лагерем вне города.

Поездка небольшой группой, как в случае с полковником Ф.М. Депперадовичем (?–1884), командиром 1-й бригады болгарского ополчения, в сравнении с движением в составе войск, предоставляла больше возможностей

¹² СМ. Вып. 24. С. 123.

¹³ Там же. С. 120–121.

¹⁴ Нагловский Д.С. Действия Передового отряда. С. 45.

¹⁵ Освобождение 1878. Спомени. София: Български писател, 1978. С. 555.

¹⁶ СМ. Вып. 24. С. 128–129.

¹⁷ Чичагов М. Передовой отряд. (Воспоминания о походе) // ВС. 1878. Т. 122. № 10. С. 326–327.

¹⁸ Нагловский Д.С. Действия Передового отряда. С. 45–46.

наблюдать повседневную жизнь болгар этого края. На пути из Казанлыка в Эски-Загру 12 июля полковник встретил группы болгар, возвращавшихся домой после прекращения работ по найму у турецких землевладельцев за Балканами. Пожилые люди ехали на подводах или же верхом на коне или осле, а женщины шли пешком и управляли волами либо вели под уздцы лошадь. «Вообще, сколько удалось по настоящее время подметить, женщина в домашнем быту болгарина несет положительно все работы с рубкой дров включительно. Уж на что ленивы наши хохлы, да и те несравненно более рыцари относительно своих дам»¹⁹, — считал Депрерадович.

До Эски-Загры постоянно доходили слухи о приближении турецких войск, и турки, жители города, «из униженных, подавленных, не смевших показаться на улицу, <...> обратились в гордых, смелых и страшавших болгар предстоящим мщением»²⁰, — отмечал Чичагов. Но болгары верили в силу русских. 13 июля по казакам, проезжавшим мимо турецкого квартала, было сделано несколько выстрелов. Депрерадович описал «необычайную тревогу», поднявшуюся в болгарском квартале при этой стрельбе. Полковника «неприятно поразило неудержимое чувство панического страха, которое овладевает населением при одном только крике “черкесы!”». Впрочем, «нужно отдать справедливость молодым парням, вооруженным винтовками: все они бросились на выстрелы, то есть навстречу мнимому неприятелю!» — замечал Депрерадович²¹.

Чичагов делился своими впечатлениями по поводу этого инцидента. «Всегда готовые к мести», вооруженные болгары тут же прибежали к месту происшествия и, убив двоих попавшихся им на глаза турок, еще до прибытия дежурной роты болгарского ополчения окружили турецкий квартал, поставив по два человека с ружьями у каждого ворот и дверей. Генерал Гурко, получив донесение об этом, приказал тотчас же казнить виновных²². С этим жестким распоряжением Депрерадович был вполне согласен. Болгары повесили шесть человек²³.

Чичагов не одобрял этот страшный самосуд: «Казалось, что только одни болгары с их пятивековой ненавистью могли совершать эти казни со злорадством и хладнокровием». Но русский офицер вспомнил изуверченные тела русских воинов на Шипке, множество раненых болгарских женщин и детей, и негодование его стихло, уступив место торжеству расплаты: «По делам попало туркам! Око за око, зуб за зуб!»²⁴.

¹⁹ Депрерадович Ф.М. Из воспоминаний о русско-турецкой войне 1877-1878 гг. бывшего командира 1-й бригады Болгарского ополчения полковника де-Прерадовича. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1881. С. 51.

²⁰ Чичагов М. Передовой отряд. С. 330-331.

²¹ Депрерадович Ф.М. Из воспоминаний... С. 55.

²² Чичагов М. Передовой отряд. С. 331.

²³ Депрерадович Ф.М. Из воспоминаний... С. 58.

²⁴ Чичагов М. Передовой отряд. С. 332.

По прибытии в Эски-Загру драгунских полков из рейда к железнодорожным станциям²⁵ 13 июля генерал Гурко двинулся обратно в Казанлык с конвоем одной сотни казаков. Отряд, состоявший из четырех батальонов, 15 эскадронов и сотен, четырех горных и шести конных орудий, остался в Эски-Загре. Начальником этого отряда был назначен герцог Н.М. Лейхтенбергский, а начальником кавалерии в отряде — его брат, герцог Е.М. Лейхтенбергский. В задачи отряда входили: охрана выхода из Эски-Загрского ущелья, сбор сведений о неприятеле и отдых кавалерии²⁶.

Генерал-майор Н.Г. Столетов, начальник болгарского ополчения, предложил полковнику Депрерадовичу принять на себя обязанности коменданта города: «Тут ужасная неурядица, члены городского совета между собой ссорятся, и нужно, чтобы по некоторым делам был решающий голос!» Столетов познакомил нового коменданта с членами городского совета. Его председатель, болгарский «народный писатель» П. Славейков, «пожилой, но еще красивый мужчина с быстрыми пронизательными глазами и седыми курчавыми волосами», произвел на полковника чрезвычайно приятное впечатление. Он говорил по-русски, но «с грехом пополам». Столетов затем привел Депрерадовича в большую комнату, где находились аманаты²⁷-турки (13 человек). Генерал-майор, довольно свободно владевший турецким языком, после непродолжительной речи отрекомендовал им нового начальника и коменданта города²⁸.

На повестке дня городского совета стояли вопросы, требовавшие немедленного разрешения, как-то: равномерно распределить между всеми горожанами повинность по ежедневному снабжению русского войска хлебом; сформировать городскую милицию и жандармерию для несения караульной службы в городе, так как малочисленность оставленного в Эски-Загре отряда не позволяла выполнить эту задачу; разместить и устроить болгарские семьи, бежавшие из окрестных селений, а также обеспечить их хлебом. Было организовано два госпиталя — для раненых русских и для болгар, пострадавших от башибузуков и черкесов.

В конак беспрерывно приводили пойманных в окрестностях Эски-Загры турок, которых или подозревали в шпионаже, или обвиняли в поджогах, грабежах и убийствах. «Всякого нужно было допросить, тем более, что многие давали сведения о местонахождении турецкой армии, ее численности и движениях»²⁹. Славейков настаивал на необходимости произвести тщательные обыски в турецких кварталах, так как турки сдали

²⁵ 9-й Казанский драгунский полк совершил кавалерийский налет на железнодорожную станцию Каяджик. 8-й драгунский Астраханский полк разрушил ветку железной дороги из Ямбола в Адрианополь у станции Карабунар.

²⁶ СМ. Вып. 24. С. 133–134.

²⁷ Аманат — (устар.) заложник.

²⁸ *Депрерадович Ф.М. Из воспоминаний...* С. 60.

²⁹ Там же. С. 61.

только «дрянное оружие», а хорошее припрятали. Депрерадович надеялся, что найденным оружием можно будет обеспечить молодых людей, которые толпами приходили в конак и просили ружей и патронов. Но герцог Н.М. Лейхтенбергский, к которому вечером с докладом явился полковник, запретил обыск в турецком квартале, чтобы не вызвать волнений и беспорядка. Разрешения повесить шестерых башибузуков, отъявленных головорезов (двух из них за зверства даже турки посадили на цепи), герцог также не дал³⁰. Но Депрерадович «твердо решился взять на себя ответственность и при первом удобном случае покончить со всеми шестью»³¹. Раздосадованный полковник мог не знать этических оснований подобного ответа герцога. А начальник штаба Эски-Загрского отряда подполковник Генерального штаба А.А. Фрезе, сообщая Нагловскому об обстановке в городе на 15 июля 1877 г., подчеркнул, что Н.М. Лейхтенбергский «не берет на себя смертных приговоров как по убеждению, так и потому, что ему, как члену императорского Дома, неудобно это делать». Фрезе также констатировал, что болгары, видя подобную «осторожность и мягкость», обвиняли русских в «слабости и нерешительности»³².

Депрерадович поддержал предложение Славейкова о необходимости внезапного обыска в домах влиятельных и весьма неблагонадежных турок, однако обыск ничего не дал. В помощь коменданту поступила 1-я рота 3-й болгарской дружины под командованием капитана Федорова, георгиевского кавалера, вскоре убитого в сражении под Эски-Загрой. Он откровенно выразил Депрерадовичу свое неприятие «всех этих арестов, казней, обысков и т.п.»: «Помилуйте, полковник, да разве это война! Это бойня, резня какая-то!»³³.

Немедленного решения требовал вопрос о поддержании порядка и общественной безопасности в Эски-Загре, поэтому создали милицейские и жандармские команды под командованием русских офицеров. Среди вооруженных горожан насчитывалось до 80 человек конных, поэтому решили пополнить это конное ополчение до 125 человек и поручить ему выезжать в соседние селения и разгонять мелкие шайки башибузуков. Предполагалось, что в случае если русскому отряду придется выступить «в поле», все эти формирования должны будут подавить возможное движение турок в Эски-Загре³⁴.

16 июля 1877 г. в конаке Депрерадовича встретил Славейков сообщением о том, что «партия волонтеров из 100 человек наткнулась на башибузуков и так их разбила, что неприятель бежал, оставив на месте три тела!»³⁵. В связи

³⁰ Депрерадович Ф.М. Из воспоминаний... С. 62.

³¹ Там же. С. 64.

³² Освобождение Болгарии от турецкого ига. М.: Наука, 1964. Т. 2. С. 179.

³³ Депрерадович Ф.М. Из воспоминаний... С. 68.

³⁴ Там же. С. 67.

³⁵ Там же. С. 70.

с прибытием войск Сулеймана-паши в Карабунар башибузуки и черкесы сделались несравненно смелее. «Жгут, режут в 5–6 верстах от города». Русские «разезды ровно ничего не могут сделать: лошади до того обессилели, что еле ноги волочат»³⁶, — констатировал Депрерадович.

Горожане выразили желание отправиться в соседние села, чтобы забрать раненых и похоронить убитых. Во дворе церкви св. Андрея собрались до 200 человек болгар, снабженных ружьями всевозможных систем, и 96 кавалеристов, которые, как более зажиточные люди, владели самым лучшим оружием. Импровизированный отряд Депрерадович построил перед домом, в котором расположился герцог Н.М. Лейхтенбергский.

Здесь произошел неприятный инцидент. К гвардейскому ротмистру М. (Депрерадович не называет его фамилию) обратился «какой-то здоровенный молодой турок» с жалобой на болгарина, который «якобы ворвался к нему во двор с целью грабежа и нанес ему побои». Турок демонстрировал синяк под глазом. «Ротмистр напустился на болгарина и, когда тот стал оправдываться, отпустил ему собственноручно несколько ударов плетью, и это перед толпой болгар, снарядившихся хоронить тысячи тел и спасать, может быть, ценою собственной жизни, сотни раненных страдальцев». Депрерадович, с трудом сдерживая негодование, «прекратил дикую сцену и отправил истца и ответчика к Славейкову»³⁷. А ранее полковник получил от того же ротмистра записку, в которой тот предписывал городскому управлению не позволять болгарам «обижать мирных турок!» «Каков мирный гвардеец!» — подумал Депрерадович тогда³⁸. Небезынтересно, что герцог Н.М. Лейхтенбергский в ответ на доклад Депрерадовича о поступке ротмистра М. просил успокоиться, а гвардейцу впоследствии лишь сделал замечание³⁹.

Данный поступок «туркофильствующего» офицера вызвал размышления Депрерадовича: «Из всего того, что пришлось <...> наблюдать и видеть лично, я вынес самое приятное впечатление о национальном характере болгарина. Честный, трудолюбивый, чрезвычайно способный и вместе с тем прекрасный семьянин и хозяин, болгарин представляет нам положительно идеальный тип сельского жителя; прибавьте к этому трезвость и бережливость, присущие этой национальности, и вас не будет удивлять видимое, на первых порах поражающее благосостояние тех местностей, которых не коснулись бедствия военного времени. Совекупите же теперь все эти качества с чувством глубокого, беззаветного патриотизма, которое составляет высокую духовную сторону этого замечательного характера, и вы поневоле должны преклониться и воздать должное, заслуженное уважение»⁴⁰.

³⁶ Депрерадович Ф.М. Из воспоминаний... С. 71.

³⁷ Там же. С. 74.

³⁸ Там же. С. 71.

³⁹ Там же. С. 74–75.

⁴⁰ Депрерадович Ф.М. Из дневника о первом походе за Балканы // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. (далее — СВР). СПб.: Мещерский, 1878. Т. 1. С. 296–297.

Герцог Н.М. Лейхтенбергский обратился к горожанам-добровольцам с речью, переведенной драгоманом, а потом согласился придать им десять драгун Астраханского полка, что очень обрадовало болгар⁴¹. Отряд немедленно двинулся в путь. 15 июля подполковник Фрезе сообщил Нагловскому о том, что болгарский комитет сформировал конную стражу, около 100 человек, и пешую — более 200. Помимо задачи подобрать раненых и закопать трупы в соседних селениях, Фрезе указал еще одну — наблюдать за безопасностью окрестных селений⁴².

Вечером Депрерадович объехал караулы городской милиции, установленные на выездах по Казанлыкской, Иени-Загрской и Адрианопольской дорогах. «Везде стоят весьма исправно, ни одного спящего», — с удовлетворением отметил русский офицер⁴³.

Генерал-адъютант Гурко, получив сообщение о том, что в Карабунаре собирается армия Сулеймана-паши, решил помешать этому и разбить противника по частям⁴⁴. Присоединение 1-й бригады 9-й дивизии генерал-майора Е.И. Борейши к отряду было расценено Гурко как свидетельство того, что и весь VIII армейский корпус начинает переходить Балканы, а это внушало надежды на новые победы.

18 июля Гурко намеревался штурмовать Иени-Загру тремя колоннами: из Эски-Загры — правой колонной герцога Н.М. Лейхтенбергского, из Казанлыка — средней колонной генерал-майора О.Е. Рауха, с которой шел и сам Гурко, и от Хаинкиоя — левой колонной генерала Борейши.

Заботой о болгарях Эски-Загры проникнута полевая записка Гурко, которую начальник штаба Нагловский передал герцогу Н.М. Лейхтенбергскому 16 июля. Предусматривая отход русских войск через Хаинкиойский проход «в случае крайности», Гурко приказал при отступлении из Эски-Загры «взять всех аманатов и объявить жителям туркам, что аманаты эти будут казнены, если что-либо случится с болгарями города»⁴⁵. Ранее, в письме главнокомандующему от 15 июля, Гурко, ожидая решения великого князя об участии отряда и края, который «доверился» его «защите и всюду складывает оружие», подчеркивал: «Уйди я из Эски-Загры — болгары станут убивать и грабить сдавших оружие турок, черкесы и башибузуки будут резать и тех, и других»⁴⁶.

Сулейман-паша решил атаковать Эски-Загру (где, как он полагал, стоят главные силы Передового отряда русских). Туда же он приказал двинуться дивизии Реуф-паши (13 000 человек, 24 орудия).

⁴¹ Депрерадович Ф.М. Из дневника... С. 296.

⁴² СМ. Вып. 24. С. 168.

⁴³ Депрерадович Ф.М. Из воспоминаний... С. 75.

⁴⁴ СМ. Вып. 24. С. 176–177.

⁴⁵ Там же. С. 182.

⁴⁶ Там же. С. 160.

17 июля из Эски-Загры на Иени-Загру выступил отряд герцога Н.М. Лейхтенбергского, но, встретив ожесточенное сопротивление турок у с. Джуранлы, вернулся назад. 18 июля не удалась и вторая попытка прорваться к Иени-Загре. Вечером русский отряд занял позиции у Эски-Загры. Чичагов свидетельствовал: «Паника в городе была полная: тысячи людей начали уходить из Эски-Загры к Казанлыку. <...> Неловко было поехать в город, где неминуемо к вам обратятся с вопросами, на которые не сможешь и ответить. Сказать прямо: “Бегите, спасайтесь!” — неудобно, когда мы еще не дрались за них; сказать же им: “Обождите, есть еще время”, — опасно, это взять на себя слишком большую ответственность, потому что обстоятельства могут вдруг в полчаса совершенно перемениться, мы можем быть легко раздавлены. Кругом, полосой верст на 10, видны бивачные неприятельские огни. Ясно, что против нас целый неприятельский корпус»⁴⁷.

Но 18 июля вечером от Гурко прискакал гонец с радостной вестью о том, что Иени-Загра взята и что завтра рано утром в Эски-Загру подойдет весь отряд Гурко. Депрерадович, исполняя должность коменданта Эски-Загры, объявил о созыве городского совета 19 июля. Со второго этажа конака на следующее утро полковник увидел большое количество турецких войск, двигавшихся к городу.

Сражение у Эски-Загры подробно описано в реляциях генерал-майора Рауха, генерала Столетова, герцога Н.М. Лейхтенбергского, в воспоминаниях многих офицеров, а также в существующей историографии⁴⁸.

Силы были неравными. Пришлось отходить. Полковник Депрерадович сам решил проехать по городу, чтобы лично предупредить жителей о необходимости бежать и спасаться. «В начале боя множество вооруженных болгар высыпало за городскую околицу и заняло выходы улиц к виноградникам», в которых размещались резервы. «Некоторые из выходов были забаррикадированы пустыми арбами. Очевидно, что милиционеры не ожидали нашего отступления и предполагали примкнуть в критический момент к войскам, защищать город вместе, отступая шаг за шагом, и только дорогой ценой продать его неприятелю», — вспоминал полковник⁴⁹.

Именно данные слова Депрерадовича позволили болгарским историкам сделать вывод, что в сражении приняли активное участие и жители Эски-Загры, оставшиеся на поле боя до конца сражения⁵⁰. Среди таких

⁴⁷ М. Ч. [Чичагов М.] Дневник офицера // СВР. Т. 1. С. 84.

⁴⁸ См. сноску 1.

⁴⁹ Депрерадович Ф.М. Из воспоминаний... С. 93–95.

⁵⁰ См.: Георгиев Г., Топалов В. Кратка история на освободителната война 1877–1878 (преглед на военните действия). София: Изд-во на БКП, 1958. С. 167; Генов Ц. Русско-турецка война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей. София: София Пресс, 1979; Дойнов Ст. Българската общественост и руско-турската освободителна война (1877–1878). София: Издателство на Отечествения Фронт, 1978. С. 148; Косев К., Дойнов Ст. От Шипка и Плевен до Сан Стефано и Берлин. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2007. С. 170.

добровольцев находился и Д. Благоев (1856–1924), в 1877 г. учившийся в Эски-Загре у П. Славейкова, впоследствии основатель Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) и Болгарской коммунистической партии. В краткой автобиографии он писал, что дружины сражались храбро, а он во время боя носил воду и хлеб защитникам, помогал раненым. Затем вернулся в город посмотреть, что делается в его доме. Услышав на площади об отсутствии охраны в Эски-Загре и о намерении турок начать грабить, Благоев понял, что нужно организовать охрану города. Сам он был вооружен: «на поясе висела кривая сабля, неизвестно откуда взявшаяся, а около нее пистолет». С несколькими юношами он направился в турецкий квартал, но там никто ничего не предпринимал. Стрельба усилилась, при приближении к центру Эски-Загры он увидел поток в страхе бегущих людей, который увлек и его⁵¹. Из воспоминаний Благоева не следует, что он сражался в рядах ополченцев как доброволец. Депрерадович также видел многих вооруженных болгар, которые находились в тылу сражавшихся дружинников и русских воинов, но собирались в острый момент выйти на передовую. Быть вооруженным — отнюдь не значит самому участвовать в бою.

Есаул 26-го Донского казачьего полка П.А. Дукмасов (1856–1896) свидетельствовал, что «большинство жителей Эски-Загры бежало из домов и расположилось группами на возвышенных местах за городом, внимательно следя за ходом сражения. Тут были и мужчины, и женщины, и дети. Раненым они подавали помощь, относили их в дома и снова возвращались на свои места. Я немало удивлялся железным нервам болгарских женщин, которые, казалось, довольно спокойно смотрели на эту тяжелую картину колоссальной бойни»⁵².

Но, когда русские стали отступать, паника и ужас охватили жителей. «Никто и не думал о сопротивлении», — констатировал Депрерадович. Часть вооруженных горожан исчезла в неизвестном направлении, часть бросилась к конаку. Большинство жителей «бежали с выражением безотчетного страха на искаженных лицах, бежали, бросая детей, руководствуясь единственным в то время чувством и желанием: спастись от преследования неистового кровавого врага, от предстоящих истязаний и мучительной смерти»⁵³.

Генерал-майор О.Е. Раух, прибыв в Эски-Загру 19 июля и приняв от герцога Н.М. Лейхтенбергского командование отрядом, сперва надеялся отстоять город. «Но постоянно усиливающийся неприятель, наступавший с юга и юго-запада, почти полное израсходование патронов и снарядов

⁵¹ Освобождението 1878. Спомени. С. 542–543.

⁵² Дукмасов П.А. Со Скобелевым в огне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877–78 гг. и о М.Д. Скобелеве ординарца его. Изд. 2-е, доп. СПб.: тип. Муллер и Богельман, 1895. С. 96–97.

⁵³ Депрерадович Ф.М. Из дневника... С. 306.

в горной артиллерии поколебали дружины», — докладывал Раух Гурко в полевой записке, написанной вечером 19 июля в 8 ч. 50 мин. «Дружины вначале вели себя героически, в особенности офицеры; но, когда значительное число офицеров было убито и ранено, болгар нельзя было удержать от беспорядочного отступления в ущелье. Я сам лично собирал их у входа в ущелье, чтобы занять его ими, но это не удалось: дружины разошлись, за исключением нескольких рот, подведенных в порядке полковником Де-преадовичем. Когда я увидел, что болгар не удержать и в горной артиллерии мало снарядов, я приказал отступать за Тунджу»⁵⁴.

Подпоручик 3-й дружины С.И. Кисов (1849 или 1850–1915) описывал жуткие кровавые сцены насилия турок над мирным населением Эски-Загры, однако сам он их не мог видеть. Но подпоручик шел по ущелью, которое было переполнено беженцами, и рассказал о душераздирающих картинах бегства болгар, когда в паническом страхе каждый думал лишь о себе, бросая даже своих близких. «Немало грудных детей было оставляемо по дороге, и многих из них подбирали солдаты, и должно сказать правду, преимущественно русские солдаты, особенно те из них, которые были верхом»⁵⁵, — вспоминал Кисов. «Несколько таких ребят было взято на попечение нашими офицерами»⁵⁶, — свидетельствовал Чичагов. «Больно было смотреть на всё это, — продолжал он, — но еще большее было подумать, что мы — причины всех этих несчастий... Я глубоко убежден, что всякий русский, видевший столь рельефно, как мы сегодня, доблестную защиту Эски-Загры и несчастья, перенесенные болгарами, не решится бросить камнем в них и говорить, что не стоит драться за их свободу, что они к нам не питают симпатии, что они трусы или разбойники»⁵⁷.

Чичагов заметил, как болгары «особенно быстро братались» с солдатами и «солдаты отлично ценили их радушие». Отмечая запуганность народа, поручик подчеркивал, что он «не труслив»: «На каждом шагу встречали мы вооруженных болгар, рыскавших повсюду, захватывающих пленных, беглецов, турецких мародеров. Редкий день не приходили болгары просить у нас оружие». Предвидя возможные возражения своим восторженным отзывам, Чичагов тут же признавал: «Проявления же грабежа — такие явления, которые в военное время случаются всюду и всегда; выставять же их как общий болгарский порок несправедливо и неверно»⁵⁸. А в более раннем рассказе поручик Чичагов утверждал, что «разбой и грабеж свойствен всем народностям во время войны в большей или меньшей степени,

⁵⁴ См. Вып. 24. С. 227.

⁵⁵ Кисов С.И. Из боевой и походной жизни 1877–1878 гг. Воспоминания полковника запаса болгарской армии. Перевел со 2-го испр. и доп. болг. изд. М. Горюнин [Предисл. «От переводчика»]. София: Придворная печатня братьев Прошек, 1903. С. 192.

⁵⁶ М.Ч. [Чичагов М.] Дневник офицера. С. 88.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Чичагов М. Передовой отряд. С. 344–345.

а тем более полудиким, 400 лет пробывшим в рабстве болгарам!» Он считал «извинительным» превращение в «грабителя всего турецкого» болгарина, утратившего семью и имущество. «Я же остаюсь пораженным тем, что нравственная сторона болгарина, несмотря на всосавшееся в кровь рабство, находится еще на такой высокой степени»⁵⁹, — заключает он.

На следующее утро, 20 июля, герцог Н.М. Лейхтенбергский приказал выстроить дружины и горячо поблагодарил их за поведение в бою: «Вы ничем не уступаете старым солдатам!»⁶⁰ И генерал-майор Раух в реляции дал высокую оценку действиям ополчения: «В продолжении более 4 часов 2-тысячный отряд людей, недавно собравшихся под знамена, твердо держался против лучшей части турецких войск — армии Сулеймана-паши»⁶¹. 22 июля в записке к Гурко он ходатайствовал о необходимости представить болгарские дружины к наградам: «Люди дрались геройски, пока подавляемые численным превосходством, не дрогнули»⁶².

Всего ополчение потеряло убитыми и ранеными: офицеров 23 (из 55) и 512 нижних чинов. Четыре дружины болгар, две сотни казаков 26-го Донского казачьего полка и 9-й драгунский Казанский полк (всего не более 3 500 чел.) с шестью орудиями дрались на растянутой позиции (до шести верст) по южной окраине Эски-Загры с превосходящими силами Сулеймана-паши⁶³.

20 июля Раух, не получив от Гурко никаких сведений, решил отступить к Казанлыку. Болгары, покинувшие Эски-Загру, переночевавшие возле русского отряда и «всё еще надеявшиеся, что дело не потеряно», быстро собрались и пошли рядом. 21 июля Эски-Загрский отряд поднялся на Шипкинский перевал. Отряд Гурко, хотя и одержал победу у с. Джуранлы над войсками Реуф-паши 19 июля, из-за явного превосходства сил противника отошел к Хайнкойскому перевалу.

В приказе по Передовому отряду от 31 июля генерал-адъютант Гурко, прощаясь со своими воинами и благодаря их за героическую службу, вспомнил славный боевой путь отряда, его сражения и блистательные победы. Гурко особо обратился к болгарским дружинам, «с удивительным мужеством» защищавшим Эски-Загру 19 июля 1877 г. Его знаменательные слова ныне хорошо известны, но считаю нужным привести их вновь: «Это было первое дело, в котором вы сражались с врагом, и в этом же деле вы сразу показали себя такими героями, что вся русская армия может гордиться вами и сказать, что она не ошиблась послать в ряды ваши лучших своих офицеров.

⁵⁹ М. Ч. [Чичагов М.] Дневник офицера. С. 89.

⁶⁰ Депрерадович Ф.М. Из дневника... С. 313.

⁶¹ СМ. Вып. 24. С. 368.

⁶² Там же. С. 249.

⁶³ Гейсман П. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. в Европейской Турции. СПб.: Николаевская академия Генерального штаба, 1906. Вып. 1-2. С. 180-181.

Вы — ядро будущей болгарской армии. Пройдут года, и эта будущая болгарская армия с гордостью скажет: «Мы — потомки славных защитников Эски-Загры»⁶⁴.

В поручении главнокомандующего при формировании Передового отряда ставилась задача не только занять балканские проходы, но и «выслать кавалерию еще далее вперед с целью поднять болгарское население и оказать ему поддержку». Начальник штаба Передового отряда Нагловский несколько раз в воспоминаниях возвращался к этому вопросу, подчеркивая, что генерал Гурко намеревался приступить к организации болгарского восстания только тогда, когда главные силы Дунайской армии будут уже в долине Тунджи⁶⁵. В ожидании перехода Балкан русскими войсками Гурко принимал все меры, чтобы сдерживать болгар и сохранять всюду порядок. Но если в городе это было еще как-то возможно, то в окрестностях «дух племенной вражды», следствие «четырехвекового тяжелого гнета», выплеснулся волной мести. «Во время движения кавалерийских полков к линиям дороги большие толпы болгар следовали за полками, резали и грабили в тылу полков мусульманское население и предавали огню его имущество», — писал Нагловский⁶⁶.

Военный историк и участник войны 1877–1878 гг. Н.А. Епанчин, размышляя над задачами Передового отряда, заметил, что «из людей, рожденных в рабстве, нельзя было создать воинов в одну ночь, и болгары, как тогда казалось, были скорее способны к тому, чтобы мстить при случае своим прежним угнетателям, нежели выступить в открытое поле для борьбы с ними». Потому, по его мнению, эту задачу генерал Гурко откладывал до лучших времен⁶⁷.

Тем не менее Передовой отряд в полной мере пользовался широким содействием, которое ему оказывало болгарское население Эски-Загры заготовкой хлеба, продажей продуктов питания войскам и фуража для конницы. Воспоминания русских офицеров, находившихся в составе Передового отряда, убедительно свидетельствуют о том, что только в присутствии русских войск болгарское население проявляло активность в организации отрядов самообороны. Вся воинственность и настрой отстоять свои дома в Эски-Загре и драться на сооруженных баррикадах мгновенно исчезли, как только русские войска стали отступать. Вооруженные горожане во время сражения находились за русскими резервами и в критические минуты предпочли спастись, не поддержав своих соотечественников-ополченцев.

Авторы мемуаров (Чичагов, Рынкевич, Депрерадович), с симпатией относясь к болгарам, не могли не заметить, что их «уродовали в течение пяти столетий», что «рабство всосалось в их кровь». «И надо сперва осво-

⁶⁴ СМ. Вып. 24. С. 323.

⁶⁵ Нагловский Д.С. Действия Передового отряда. С. 41, 43, 46.

⁶⁶ Там же. С. 46.

⁶⁷ Епанчин Н.А. Действия Передового отряда генерал-адъютанта Гурко. СПб.: тип. Штаба войск гвардии и Петерб. воен. окр., 1895. С. 118.

бодить народ, а затем, указав ему на лучшее будущее, дать время для сглаживания всего наносного, чужого», — писал начальник штаба болгарского ополчения Е.Е. Рынкевич. И далее он продолжал: «Болгары, насколько нам удалось познакомиться с ними, народ чрезвычайно способный, трудолюбивый, добрый, народ с характером серьезным и замечательно стремящийся к самообразованию, порядку и благоустройству»⁶⁸. «Эти задатки и качества достаточно гарантируют способность к самостоятельности и к завидной будущности»⁶⁹, — предрекал и Чичагов.

Литература

- Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Воениздат, 1956.
- Генов Ц. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей. София: София Пресс, 1979.
- Косев К., Дойнов Ст. От Шипка и Плевен до Сан Стефано и Берлин. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2007.
- Улунян А.А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994.
- Фортунатов П.К. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М.: Учпедгиз, 1950.

References

- Beliaev, N.I., 1956. *Russko-turetskaia voina 1877–1878 gg.* [The Russo-Turkish War of 1877–1878]. Moscow: Voenizdat.
- Fortunatov, P.K., 1950. *Voina 1877–1878 gg. i osvobozhdenie Bolgarii* [The war of 1877–1878 and the liberation of Bulgaria]. Moscow: Uchpedgiz.
- Genov, Ts., 1979. *Russko-turetskaia voina 1877–1878 gg. i podvig osvoboditelei* [The Russo-Turkish War of 1877–1878 and the feat of the liberators]. Sofia: Sofia Press.
- Kosev, K., Doinov, St., 2007. *Ot Shipka i Pleven do San Stefano i Berlin* [From Shipka and Plevna to San Stefano and Berlin]. Sofia: Akademichno izdatelstvo “Prof. Marin Drinov”.
- Ulunian, A.A., 1994. *Rossia i osvobozhdenie Bolgarii ot turetskogo iga* [Russia and the liberation of Bulgaria from the Turkish yoke]. Moscow: Institut slaviano-vedeniia i balkanistiki RAN.

⁶⁸ Рынкевич Е.Е. Записки о болгарском ополчении (За период с конца апреля по 9 августа 1877 г.) // ВС. 1902. № 4. С. 67, 69.

⁶⁹ М. Ч. [Чичагов М.] Дневник офицера. С. 89.

ПОЛИТИКА РУСИФИКАЦИИ В ЛИТВЕ: СЛУЧАЙ КАЗИСА ШКИРПЫ

Игорь Игоревич Баринов —

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: barinovnoble@gmail.com

Аннотация

Статья освещает ранний этап жизненного пути Казиса Шкирпы (1895–1979), видного военного и государственного деятеля межвоенной Литвы. Наибольшую известность Шкирпа получил как организатор антисоветского Литовского фронта активистов, который в 1941 г. при поддержке Германии стремился к восстановлению литовской независимости после присоединения республики Советским Союзом, что обусловило повышенный интерес исследователей к этой части биографии Шкирпы при фактическом игнорировании остальных событий его жизни. В статье показано влияние процессов, происходивших в Российской империи во времена молодости Шкирпы, на становление личности будущего политика. Его деятельность рассматривается в широком контексте позднеимперских изменений, включая русификацию «сверху» и ответ на нее «снизу», а также переход от социально-религиозных принципов лояльности к этнонациональным. Как представляется, российская правительственная политика была направлена прежде всего на категоризацию подданных по ряду формальных критериев, соответствие которым определяло их место в негласной общественной иерархии. Биография Шкирпы демонстрирует, как представители группы со спорной лояльностью (литовцы) научились обходить бюрократические препоны. Представая в глазах правительства «идеальными подданными», они параллельно сохраняли и развивали свою национальную идентичность, которая могла идти вразрез с принципами существования империи. Ключевым событием здесь стала Первая мировая война, когда предпринятая властями этническая мобилизация в конечном итоге способствовала реализации национально-политических устремлений различных этнических групп. Статья включает ранее неизвестные личные документы Шкирпы, сохранившиеся в российских архивах.

Ключевые слова

Российская империя, Литва, русификация, Первая мировая война, литовское национальное движение

Статья поступила в редакцию 18 января 2020 г.

Цитирование: *Баринов И.И.* Политика русификации в Литве: случай Казиса Шкирпы // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 37–46.

THE RUSSIFICATION POLICY IN LITHUANIA: THE CASE OF KAZYS ŠKIRPA

Igor I. Barinov,

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: barinovnoble@gmail.com

Abstract

This article sheds some light on the early life of Kazys Škirpa (1895–1979), a prominent military officer and statesman of interwar Lithuania. Škirpa was best known for his efforts to re-establish Lithuanian independence with the support of Nazi Germany after his country was annexed by the Soviet Union during the Second World War. For this reason, evaluation of his personal biography has previously been neglected by scholars. Striving to fill this research and knowledge gap, this paper hypothesises that the formation of the future politician was deeply influenced by processes that took place during his youth in Russia. Škirpa's biography offers a fascinating insight into changes in the Russian Empire. The changes included the two trajectories of Russification; “from above” and “from below” and the transformation of the loyalty principles as well — social-religious loyalty became ethnonational. Russian governmental policy was to categorise its population on the basis of formal criteria. Škirpa's biography demonstrates how the representatives of various ethnic groups (including Lithuanians) bypassed bureaucratic peculiarities to develop their national identity, which worked against the *raison d'être* of the empire. However, at the same time these representatives of the various ethnic groups remained “ideal subjects” of the Tzar. It was the First World War that contributed to the realisation of the national and political aspirations of such ethnic communities. The article also includes some of Škirpa's previously undiscovered personal documents, which were found in the Russian archives.

Keywords

Russian Empire, Lithuania, Russification, World War I, Lithuanian national movement
Received 18 January 2020.

How to cite: Barinov, I.I., 2020. Politika rusifikatsii v Litve: sluchai Kazisa Shkirpy [The Russification Policy in Lithuania: The Case of Kazys Škirpa]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 37–46.

Имя полковника Казиса Шкирпы (1895–1979), военного деятеля и дипломата Первой Литовской республики, мало что говорит тем, кто не знаком с литовской тематикой. Между тем Шкирпу можно отнести к знаковым персонажам межвоенной Литвы. Так, он стоял у основ литовской армии, успел поруководить ее Генеральным штабом и побывать послом в Польше и Германии — двух из трех ключевых стран для литовского государства той поры. Следует отметить, что все события предыдущей биографии Шкирпы, как это нередко бывало, затмила его деятельность во время Второй мировой войны, прежде всего его участие в создании осенью 1940 г. Литовского фронта активистов (ЛФА) — прогерманского подполья,

планировавшего восстановить независимость Литвы при поддержке Берлина¹. В апреле 1941 г. ЛФА сформировал временное правительство, во главе которого встал Шкирпа. Уже на следующий день после нападения Германии на Советский Союз, 23 июня, от имени правительства Шкирпы была опубликована декларация о восстановлении литовской независимости.

Тем не менее эти символические по своей сути акты не были серьезно восприняты немецкой стороной и, судя по всему, не получили особой поддержки у местного населения². Шкирпа был помещен под домашний арест в Берлине, а сам ЛФА был запрещен оккупационными властями. Уже впоследствии возник ряд вопросов об участии его активистов в военных преступлениях и Холокосте на территории Литвы. Помимо прочего, исследователи выяснили, что из опубликованных в диаспоре документов ЛФА были удалены антисемитские фрагменты³. В этом контексте фигура Шкирпы стала восприниматься особенно неоднозначно. Если в 1998 г. в честь него была названа улица в Вильнюсе, то в 2019 г., после оживленной общественной дискуссии, ее всё же переименовали. Впрочем, мемориалы Шкирпы в Каунасе и в его родной деревне сохранились.

Насколько можно судить, сам Шкирпа тоже считал деятельность на посту посла и главы временного правительства ключевым периодом своей жизни. Уже находясь под арестом, он написал значительные по объему мемуары о ходе борьбы за восстановление литовской независимости — как по-литовски⁴, так и по-немецки⁵. Эти материалы легли в основу обобщающей работы, которую Шкирпа на склоне лет выпустил в США⁶, а также сборника воспоминаний и документов, вышедшего уже после его смерти⁷. События более раннего периода, напротив, редко становились достоянием публики. Помимо указанных мемуаров, Шкирпа написал лишь небольшую книжку о событиях 1920 г.⁸ Документы из личного фонда Шкирпы, хранящегося в Литовской Католической академии наук в Патнэме (штат Коннектикут), относятся в основном к послевоенному периоду.

¹ *Dieckmann Ch.* Deutsche Besatzungspolitik in Litauen, 1941–1944. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. S. 247–257.

² От национализма к коллаборационизму: Прибалтика в годы Второй мировой войны. М.: Росспэн, 2018. Т. 1. С. 253–254, 260, 433.

³ *Truska L.* Litauische Historiographie über den Holocaust in Litauen // *Holocaust in Litauen: Krieg, Judenmorde und Kollaboration im Jahre 1941.* Köln: Böhlau, 2003. S. 265–268.

⁴ *Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA).* F. 648, ap. 2, b. 581 (*Kovoki Pastangos gelbėti Lietuvą, 1939–1941*).

⁵ Institut für Zeitgeschichte München. Ms 289/1 (*Litauens Aufstand gegen die Sowjets im Juni 1941*).

⁶ *Škirpa K.* Sukilimas Lietuvos suverenumui atstatyti: dokumentinė apžvalga. Washington (D.C.): Škirpa, 1973.

⁷ *Lietuvos nepriklausomybės sutemos (1938–1940). Atsiminimai ir dokumentai.* Chicago: Lietuvos kronika, 1996.

⁸ *Škirpa K.* 5 pėstininkų DLK Kęstučio pulko kovos ties Seiniais 1920 metais. New York: Karys, 1971.

Можно полагать, что честолюбивый и амбициозный полковник не считал важными события своего жизненного пути до образования литовского государства. В этой связи любопытно, что исследователи, касаясь личности Шкирпы, на удивление единодушны в отсутствии интереса к ее становлению и развитию. Тем не менее будущий посол и несостоявшийся премьер формировался неотрывно от тех процессов, которые происходили в России в начале XX в. Будучи выходцем с западной окраины империи, пространства острой конкуренции различных национальных проектов, он оказался изначально включенным в правительственные эксперименты по русификации. С другой стороны, его взросление совпало с отменой запретительных мер в отношении литовского языка. Наконец, в последние годы существования Российской империи Шкирпа стал свидетелем, а затем и участником событий, повлиявших как на гражданскую сферу, так и на армию, а также связанных со стремительным ростом национализмов.

Казис Шкирпа (в официальных документах того времени он именовался Казимиром Юрьевичем Шкирпо) появился на свет 6 (18) февраля 1895 г. в семье крестьян деревни Намаюны (сейчас — Намаюняй) Поневежского уезда Ковенской губернии. Место рождения будущего посла находилось на границе трех историко-этнографических зон. С юга к Поневежскому уезду примыкал мультиэтничный и поликультурный Виленский край, где по-прежнему ощущалось сильное польское присутствие. Восточнее располагались Новоалександровск и Двинск, где возрастало влияние русского языка. Северные границы губернии подходили к Остзейскому краю, который всё еще сохранял свой немецкий характер. Сама Ковенщина, включавшая территорию старой Жемайтии, стала очагом литовского возрождения. Именно здесь остатки исторической памяти у мещан и крестьян соединились с интересом к литовской истории у части дворян, еще не забывших литовский язык⁹. Симптоматично, что большинство подписавших Акт о независимости Литвы 16 февраля 1918 г. были уроженцами Ковенской губернии.

Следует отметить, что восприятие русско-имперской культуры в Литве начала XX в. было неоднозначным. По словам историка Альгимантаса Каспаравичюса, литовские элиты, дискутируя о геополитической ориентации, на тот момент делали выбор в пользу России, которая, в отличие от Польши и Германии, несла угрозу скорее политической мысли и государственности, но не культуре, языку и другим элементам национальной идентичности. Этому способствовал экономический, общественный и культурный подъем, в результате которого Литва стала в большей степени чувствовать свою принадлежность к империи¹⁰.

⁹ Вилимас Д. Великое Княжество Литовское: стереотипы исторической памяти в Литве // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 508–510.

¹⁰ Каспаравичюс А. Российский фактор в геополитической мысли литовского истеблишмента в первой половине XX века // *Россия и Балтия*. М.: Наука, 2015. С. 256–260, 267–268.

Вместе с тем правительство стремилось аккумулировать литовское национальное движение в рамках общей деполонизаторской стратегии. Подобному инструментальному подходу литовцы противопоставили инструментальную же русификацию, когда при соблюдении формальных признаков лояльности они использовали ее в собственных интересах. Чувствуя недоверчивое отношение к себе со стороны имперских властей (здесь свою роль сыграли не только польское влияние, но и неудавшееся распространение православия и тайные школы с литовским языком обучения), они стали поступать в учебные заведения соседнего Остзейского края. В глазах имперской бюрократии школы в этом регионе считались дважды проверенными, так как были организованы наиболее лояльными престолу балтийскими немцами и к тому времени уже использовали русский язык обучения.

В итоге сложилась ситуация, обратная литовской: в условиях русификации из-за оттока немцев из государственных школ в частные, где сохранялся немецкий язык преподавания, их места стали занимать литовцы. Так, в Митавской гимназии уже в начале 1890-х годов они составляли около трети учеников¹¹. Через нее прошли многие будущие государственные деятели Литвы, а среди преподавателей был Йонас Яблонскис, разработчик литовского литературного языка. В качестве «кузницы кадров» также выступали прогимназия в Полангене, гимназии в Либаве и Риге. Во всех случаях для литовцев это был первичный «социальный лифт».

Очевидно, похожей логикой руководствовались и родители Шкирпы. После окончания народного училища в Кемьянах¹², Казис в сентябре 1909 г. поступил в Митавское реальное училище, хотя с 1882 г. аналогичное учебное заведение действовало в уездном центре, Поневеже. С формальной точки зрения Шкирпа учился неважно: из 15 предметов у него было 11 троек. Очевидно, выходя из литовской деревни действительно было непросто освоить курс. К тому же он поступил в училище только в 14 лет, когда нашлось достаточно денег для оплаты обучения. Тем не менее в мае 1914 г. Шкирпа успешно сдал выпускные экзамены и получил аттестат. После этого он еще год готовился, чтобы в августе 1915 г. поступить в Петроградский институт высших коммерческих знаний¹³. Помимо желания получить практическую профессию (институт в основном готовил работников торговли), этот выбор, скорее всего, был обусловлен относительной легкостью поступления в высшее учебное заведение более скромного разряда. В столице Шкирпе удалось найти жилье на Подольской улице, 17, в пяти минутах ходьбы от места учебы¹⁴.

¹¹ Отчет о состоянии Митавской гимназии в 1890/91 учебном году. Митава: б.и., 1892. С. 20.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 188219. Л. 3.

¹³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 468. Оп. 1. Д. 784. Л. 1, 3–3 об.

¹⁴ Там же. Л. 7.

Время студенчества Шкиры пришлось на годы Первой мировой войны. Как раз в этот период достигла пика дискуссия о связи национальной принадлежности и боевых качеств солдата, шедшая в Генштабе уже сорок лет. Начиная с военной реформы 1874 г. в рамках идей о создании национальной армии вопрос о национальной принадлежности рассматривали под самыми разными углами. Сначала речь шла о физических данных солдата, затем добавилась антропологическая точка зрения. В конечном итоге в фокусе внимания оказались этнокультурные характеристики, пришедшие на смену старым социальным и религиозным маркерам¹⁵. Уже в ходе начавшейся войны применявшееся ранее расплывчатое обозначение «народность» превратилось в понятие «национальность». Именно оно стало определять положение отдельно взятого призывника.

Таким образом, упомянутая негласная этническая иерархия приобрела вполне конкретные очертания. Ситуация, однако, складывалась весьма противоречивая. С одной стороны, государственная машина по-прежнему руководствовалась теми стереотипами, которые были выработаны интеллектуальной частью российской бюрократии еще полвека назад. Нередко это приводило к парадоксальным ситуациям. Так, латышам было позволено сформировать собственные национальные части, поскольку считалось, что они испытали благотворное воздействие традиционно лояльных немцев, учитывая, что Россия воевала с Германией. Литовцы, напротив, были лишены такой возможности, поскольку они находились в сфере польского влияния.

Вместе с тем масштабные военные действия способствовали определенным позитивным изменениям в официальной практике установления политической лояльности. Здесь можно говорить о настоящем торжестве формального признака. Показательным в этой связи может стать случай историка Юозаса Гальвидиса (1896–1982). В августе 1915 г. он был призван в армию и в соответствии с образовательным цензом имел право поступить на краткосрочные офицерские курсы. Тем не менее он не смог этого сделать с первой попытки, так как не имел «удостоверения о национальности». Очевидно, власти смутил тот факт, что Гальвидис учился в частной католической гимназии в Петербурге, где, по их мнению, мог попасть под «вредное» польское/иезуитское влияние. Помимо этого, в глазах военной бюрократии Гальвидис мог быть «скрытым» поляком или, того хуже, выходцем из принадлежавшего Германии Мемельского края (в условиях оккупации Литвы кайзеровскими войсками это тоже имело значение).

По просьбе Гальвидиса в январе 1916 г. Центральный комитет Литовского общества помощи пострадавшим от войны, располагавшийся в Петрограде, уведомил Владимирское военное училище, что «по наведенным справкам» кандидат принадлежал к «литовской народности» и родным язы-

¹⁵ Sanborn J. Drafting the Russian nation: military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. P. 10–12, 67–69.

ком его являлся литовский. Училищному начальству этого оказалось мало, и в феврале того же года из Ковенского губернского присутствия, эвакуированного в Кострому, пришло официальное письмо о том, что Гальвидис «русско-подданный, литовской национальности, ни он, ни его предки не принадлежали и не принадлежат к прусскому подданству»¹⁶. Только после этого он был принят в училище и успешно прошел там курс.

Хотя это лишь частный пример, по нему можно судить о влиянии тех или иных особенностей социализации кандидата в офицеры на его карьеру. При этом, как оказалось, империя зря сомневалась в лояльности Гальвидиса. Живя в Петербурге, он был погружен в русскую среду, после возвращения в Литву не занимался политикой. При советской власти Гальвидис сделал карьеру, став заведующим кафедрой в Вильнюсском университете и лауреатом Госпремии Литовской ССР. Напротив, те, кто рассматривался имперским правительством в качестве лояльных подданных, могли на самом деле русифицироваться лишь поверхностно. Так, Повилас Дундулис и Йонас Лавринайтис в свое время оба получили образование в Курляндии, отличились на фронте и были неоднократно награждены¹⁷. Это, однако, не помешало им войти в число организаторов литовских частей в русской армии. Оба впоследствии стали видными функционерами литовского Генштаба.

В похожей ситуации оказался и Шкирпа. Первоначально по решению призывной комиссии в Поневеже в мае 1915 г. он был зачислен в запас¹⁸. Однако большие потери русской армии и нехватка офицеров обусловили уже в конце того же года ликвидацию отсрочек для действующих студентов некоторых высших учебных заведений. На этой основе в марте 1916 г. Шкирпа был призван в армию и сразу же направлен в 1-ую Петергофскую школу прапорщиков. Как в призывном формуляре, так и в послужном списке отсутствуют какие-либо дополнительные документы и подписи, кроме стандартной справки о прививке от оспы¹⁹. Уже в июле 1916 г. Шкирпа окончил ускоренный курс обучения и был распределен в один из недавно сформированных сибирских стрелковых запасных полков в Омске²⁰.

Как и следовало ожидать, этническая мобилизация, предпринятая царским правительством, не могла повлиять на одни группы и совершенно не затронуть другие. Представители как «лояльных», так и «нелояльных» этносов в армии начали стремительно национализироваться. Особую роль играли военнослужащие, которые в мирное время так или иначе были включены в национальное движение. Ключевым моментом здесь стало то,

¹⁶ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 24629. Л. 2, 5, 8.

¹⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 5-344. Л. 1-3 об; П/с 208-805. Л. 198-201 об.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 468. Оп. 1. Д. 784. Л. 5.

¹⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 188219. Л. 3-3 об.

²⁰ *Novickis A. Generalinio štabo pulkininkas Kazys Škirpa. Jo septyniadešimtis metų sukakties proga* // *Karys*. 1965. N 5. P. 130.

что инструментальная русификация на время вытеснила личные национально-политические предпочтения в сферу приватного и для их оценки, в отличие от внешней вовлеченности в русско-имперскую культуру, в принципе не существовало формальных критериев. Так, Шкирпа свободно владел русским, имел аттестат «правильной» школы, жил в центре. Впоследствии он добросовестно исполнял свои обязанности как офицер русской армии и в сентябре 1917 г. был произведен в подпоручики, причем старшинство ему было засчитано с момента призыва²¹. Тем не менее, как вспоминал его друг юности Антанас Новицкис, уже в Митаве Шкирпа проявил себя как национальный активист, а после переезда в Петроград «сразу же присоединился к деятельности литовских студентов»²². Окончательной «национализации» Шкирпы способствовало и то, что в Петрограде и Омске, где он находился, на тот момент сложились значительные литовские общины.

Февральская революция 1917 г. дала широкую дорогу этнизации армии: в ряде случаев солдатские совещательные органы принимали национальную окраску. Появились украинские, белорусские, польские, латышские и другие объединения. Не остались в стороне от этого процесса и литовцы, организовавшие Литовский национальный совет. В мае 1917 г. он делегировал вопрос создания национальных подразделений непосредственно литовским солдатам, в результате чего ими был сформирован ряд частей²³. Любопытно, что политика Временного правительства по инерции следовала старым установкам: командирами там назначались всё те же «проверенные» литовцы. Среди них был и Шкирпа, ставший представителем Союза литовских солдат при Центральной раде в Киеве²⁴.

Стоит заметить, что проблема соотношения социального и национального, характерная для народов западной окраины старой России, не исчезла и в рамках новообразованных воинских частей. Классическим примером стали военнослужащие латышских полков. Часть из них отвергла социальные противоречия в пользу национального самоопределения и стала основой будущей латвийской армии. Другие же влились в революционное движение и превратились в настоящую «красную гвардию». Описывая эти процессы, историк Томас Бакелис указал, что создание национальных частей в рамках еще «старой» армии заложило основы быстрой ее трансформации после распада Российской империи. Тогда массы демобилизованных офицеров и солдат оказались повторно вовлечены в различные конфликты

²¹ Приказ Временного правительства армии и флоту о чинах военных, 29 сентября 1917 года. [Петроград], [1917]. С. 5.

²² Novickis A. Generalinio štabo pulkininkas Kazys Škirpa. P. 130.

²³ Jokubauskas V. An Army never Created: Lithuanian National Units in Russia and their Veterans Organisation in Lithuania in the Interwar Period // The Great War in Lithuania and Lithuanians in the Great War: experiences and memories. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla, 2017. P. 105–108.

²⁴ Novickis A. Generalinio štabo pulkininkas Kazys Škirpa. P. 130.

на обломках империи, причем возникавшие «новые» армии, в зависимости от ситуации, могли принимать как национальный, так и революционный или контрреволюционный характер²⁵.

Несмотря на существенные региональные различия и специфику вооруженных сил новых государств, возникших в Восточной Европе, следует согласиться с мнением о важной роли организационного опыта, полученного еще в конце 1917 — начале 1918 г. Развивая эту гипотезу применительно к литовцам, хочется отметить, что решающее влияние здесь имели не отдельно взятые факторы (внутренние или внешние), а сложное сочетание изначальной, глубинной мотивации и актуальных событий. Так, в начале 1917 г. в состав национальных формирований влилась сравнительно небольшая часть солдат-литовцев²⁶, однако после появления на карте независимой Литвы ситуация изменилась. Как представляется, именно вопрос сохранения национальной государственности оставался для Шкирпы центральным и определяющим. Недаром в межвоенный период он разделял идею философа Стасиса Шалкаускаса о Литве как балансирующей между Россией, Германией и Польшей²⁷. В этом плане сотрудничество с Третьим рейхом в представлении Шкирпы, очевидно, было своеобразным аналогом инструментальной русификации дореволюционного времени, включавшим, как и ранее, следование неким формальным признакам, не отменявшим изначальную заданную ориентации. Другой вопрос, что у нацистов были совершенно иные принципы определения лояльности и свой взгляд на будущее литовской государственности.

Литература

- Вилимас Д.* Великое Княжество Литовское: стереотипы исторической памяти в Литве // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 507–522.
- Каспаравичюс А.* Российский фактор в геополитической мысли литовского истеблишмента в первой половине XX века // *Россия и Балтия*. М.: Наука, 2015. Вып. 7. С. 253–274.
- Balkelis T.* Demobilization and Remobilization of German and Lithuanian Paramilitaries after the First World War // *Journal of Contemporary History*. 2015. N 1. P. 38–57.
- Dieckmann Ch.* Deutsche Besatzungspolitik in Litauen, 1941–1944. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011.
- Jokubauskas V.* An Army never Created: Lithuanian National Units in Russia and their Veterans Organization in Lithuania in the Interwar Period // *The Great War in Lithuania and Lithuanians in the Great War: experiences and memories*. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla, 2017. P. 101–122.

²⁵ *Balkelis T.* Demobilization and Remobilization of German and Lithuanian Paramilitaries after the First World War // *Journal of Contemporary History*. 2015. N 1. P. 40–42.

²⁶ *Jokubauskas V.* An Army never Created... P. 119.

²⁷ *Каспаравичюс А.* Российский фактор... С. 266.

Novickis A. Generalinio štabo pulkininkas Kazys Škirpa. Jo septyniasdešimties metų sukakties proga // *Karys*. 1965. N 5. P. 130–137.

Sanborn J. *Drafting the Russian nation: military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003.

Truska L. *Litauische Historiographie über den Holocaust in Litauen* // *Holocaust in Litauen: Krieg, Judenmorde und Kollaboration im Jahre 1941*. Köln: Böhlau, 2003.

References

Balkelis, T., 2015. Demobilization and Remobilization of German and Lithuanian Paramilitaries after the First World War. *Journal of Contemporary History*, 1, pp. 38–57.

Dieckmann, Ch., 2011. *Deutsche Besatzungspolitik in Litauen, 1941–1944*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Jokubauskas, V., 2017. An Army never Created: Lithuanian National Units in Russia and their Veterans Organization in Lithuania in the Interwar Period. In: Safronovas, V., ed., 2017. *The Great War in Lithuania and Lithuanians in the Great War: experiences and memories*. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla, pp. 101–122.

Kasparavichius, A., 2015. Rossiiskii faktor v geopoliticheskoi mysli litovskogo isteblishmenta v pervoi polovine XX veka [The Russian Factor in the Geopolitical Thought of Lithuanian Establishment in the first half of the 20th century]. In: Chubar'ian, A., ed., 2015. *Rossiiia i Baltiia* [Russia and Baltic region]. Moscow: Nauka, pp. 253–274.

Novickis, A., 1965. Generalinio štabo pulkininkas Kazys Škirpa. Jo septyniasdešimties metų sukakties proga. *Karys*, 5, pp. 130–137.

Sanborn, J., 2003. *Drafting the Russian nation: military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925*. DeKalb: Northern Illinois University Press.

Truska, L., 2003. *Litauische Historiographie über den Holocaust in Litauen*. In: Bartusevičius, V., Tauber, J., Wette, W., eds, 2003. *Holocaust in Litauen: Krieg, Judenmorde und Kollaboration im Jahre 1941*. Köln: Böhlau, pp. 262–276.

Vilimas, D., 2004. Velikoe Kniazhestvo Litovskoe: stereotipy istoricheskoi pamiati v Litve [The Grand Duchy of Lithuania: Stereotypes of Historical Memory]. *Ab Imperio*, 4, pp. 507–522.

ПОИСКИ СОЮЗНИКА. КОНТАКТЫ СОВЕТСКИХ ДИПЛОМАТОВ В ЛАТВИИ С К.Б. ЕЗОВИТОВЫМ В 1925–1926 ГГ.

Дарья Александровна Короткова —

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: dasza1981@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена малоизученным страницам истории белорусской националистической эмиграции в 1920-е гг., а именно деятельности одного из ее лидеров в Латвии К.Б. Езовитова. Планы советской дипломатии по установлению связей с местным белорусским населением и расширению коммунистической пропаганды в Латвии потребовали контактов с лидерами белорусского движения, в частности с Езовитовым. Сотрудничество с советскими дипломатами, в том числе конфиденциальное, как и тесные контакты с представителями БССР, в условиях безденежья и весьма подозрительного отношения латвийских властей было практически неизбежным для белорусских деятелей в Латгалии, где проживало большинство белорусского населения. Местным белорусским деятелям приходилось бороться за влияние на латгальских крестьян, которые зачастую не могли еще определиться со своей национальной принадлежностью, с гораздо более активными и влиятельными польской и русской диаспорами. Советское представительство оказывало финансовую поддержку прессе и школьному образованию на белорусском языке, но взамен вынуждало представителей диаспоры выполнять свои требования. Анализ ряда архивных документов показывает, что вопреки устоявшемуся представлению о просоветских настроениях Езовитова эти контакты были для него, по крайней мере в середине 1920-х гг., вынужденными и нежелательными, а его попытки проводить более самостоятельную политику, такие, как создание белорусской партии, пресекались его руководителями в советском представительстве. При этом и у советской стороны не было более подходящей кандидатуры для установления контакта с белорусским сообществом Латгалии, что вынуждало ее продолжать сотрудничество.

Ключевые слова

Латгалия, К.Б. Езовитов, Общество белорусов-выборщиков, С. Козюра, С.И. Боркусевич, «Голас Беларуса»

Статья поступила в редакцию 21 мая 2020 г.

Цитирование: *Короткова Д.А.* Поиски союзника. Контакты советских дипломатов в Латвии с К.Б. Езовитовым в 1925–1926 гг. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 47–58.

SEARCHING FOR AN ALLY. THE SOVIET DIPLOMATS IN LATVIA AND THEIR CONTACTS WITH KASTUS EZAVITAU 1925–1926

Daria A. Korotkova,

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: dasza1981@yandex.ru

Abstract

This article is dedicated to the research of unknown fragments of national Belarusian emigrant groups' history. Soviet diplomatic plans to establish ties with the local Belarusian population and to expand Communist propaganda in Latvia required contact with the leaders of the Belarusian movement, including Ezavitau. The main subject is the activity of Kastus Ezavitau in the middle of the 1920s. There was no possibility for Belarusian activists in the region of Latgale, where most Latvian Belarusians lived, to avoid collaboration with the Soviet permanent mission because of a lack of money and the discrimination policy of Latvian authorities. Local Belarusian activists had to fight for influence over the Latgale peasants, who often could not yet decide on their national identity, with the much more active and influential Polish and Russian diasporas. The Soviet mission provided financial support to the press, and for school education in Belarusian, but forced them to carry out their demands in return. Analysis of a number of archival documents shows that, contrary to the widespread idea of his pro-Soviet mood, this collaboration was involuntary and undesirable for Ezavitau during this period, as we may see in the documents. He tried to provide more independent activity, such as the creation of the Belarusian party, but was permanently stopped by his supervisors in the Soviet mission. Soviet diplomats were not satisfied by collaboration with Ezavitau either but had no other candidate with whom to establish a permanent contact.

Keywords

Latgale, Kastus Ezavitau, the Society of Belarusian electors, Sergey Koziura, Sigizmund Borkusevitch, "Voice of Belarusian"

Received 21 May 2020.

How to cite: Korotkova, D.A., 2020. Poiski soiuznika. Kontakty sovetskikh diplomatov v Latvii s K.B. Ezavitovym v 1925–1926 gg. [Searching for an Ally. The Soviet Diplomats in Latvia and Their Contacts with Kastus Ezavitau 1925–1926]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 47–58.

Белорусский вопрос в Латвии касался примерно ста тысяч крестьян в районе Латгалии, или, как его называли поляки, Инфлянт Польских, и в Илукстском уезде Земгалии. Восточная граница Латвии оформилась после передачи в ее состав Двинского, Режицкого и Люцинского уездов Витебской губернии вместе с частью Островского уезда Псковской губернии с городом Пыталово по мирному договору с РСФСР 11 августа 1920 г.¹

¹ Воробьева Л.М. История Латвии от Российской империи к СССР. М.: ФИВ, 2011. С. 173.

Район Латгалии был важен для Советской России с военно-политической точки зрения — там пересекались железнодорожные пути и располагалась крепость Двинск (Даугавпилс).

Положение белорусского меньшинства в Латвии в межвоенный период до недавнего времени практически не привлекало внимания исследователей. Только в 2012 г. стартовал совместный белорусско-латвийский проект «Латыши и белорусы: вместе сквозь века», в рамках которого был освещен ряд аспектов проблемы. Вопросами взаимоотношений лидеров белорусской колонии с латвийскими властями занимается также белорусско-польский исследователь Ю. Грибовский. Контакты же советской дипломатии с различными эмигрантскими кругами, повлиявшие как на положение национальных меньшинств за рубежом, так и на общие установки советской внешней политики привлекают меньше внимания, хотя являются, по моему мнению, весьма перспективным направлением исследований. Материалы российских архивов, в частности Архива внешней политики РФ, предоставляют возможность не только проследить историю таких контактов, но и, что немаловажно, узнать планы и намерения сторон, увидеть изнанку известных событий.

Количество белорусов в независимой Латвии в 1920 г. оценивается исследователями примерно в 75 тыс. чел.² Латвийские белорусы не были религиозно едины: по данным 1930 г., 62% из них исповедовали католицизм, 25% — православие, 11% были старообрядцами. Умели читать среди белорусов в возрасте десяти лет и старше в 1930 г. только 64,7% (среди русских — 62,8%, тогда как среди латышей — 90%, среди евреев — 89%). Белорусы жили в полиэтнической среде вместе с русскими, поляками и латышами Латгалии. Политическое и национальное самосознание населения, которое относят к латгальским белорусам, жившего очень бедно и в силу этого во многом культурно отсталого по сравнению с соседями, было развито слабо. Люди нередко официально меняли свою национальность на основании конфессиональной принадлежности и используемого дома языка, что не всегда отвечало их этническому происхождению. Так называемые «тутейшие» зачастую вообще не могли определить свое этническое происхождение и просто ассоциировали его с местом жительства или верой. Они знали несколько местных языков. Учебные заведения, религиозные организации и организации национальных меньшинств старались приобщить таких людей, особенно их детей, к какой-либо школе, обучающей на национальном языке³. Белорусское движение стихийно начало там появ-

² Екабсонс Э. Политика Латвийского государства в отношении белорусов // Латвия — Беларусь, 1918–2018 / гл. ред. М. Королев. Минск: Издательство «Четыре четверти», 2018. С. 122.

³ Голдманис М. «Белорусский» дискурс в латышской прессе (1920–1934): эволюция представления о белорусах как о самостоятельном национальном меньшинстве // Латыши и белорусы: вместе сквозь века: сб. науч. ст. / ред. С.П. Кулик [и др.]. Минск: РИВШ, 2016. Вып. 5. С. 69.

латься только после революции, в частности в виде белорусских комитетов в армии и отправки делегатов на 1 Всебелорусский съезд в декабре 1917 г., но развития, в силу того, что этот регион оказался в эпицентре боевых действий и речь шла об элементарном выживании и без того обнищавшего населения, не получило⁴.

Тем не менее предпринимать попытки решить белорусский вопрос новому правительству новой страны пришлось практически с самого начала, а именно с 1920 г. Связано это было с переездом в Ригу деятелей белорусского движения из других городов региона.

В Латвию переехало, в преддверии рижских переговоров, белорусское правительство в изгнании во главе с В. Ластовским. Была создана Белорусская дипломатическая миссия. Одним из самых активных ее деятелей стал Кастусь (Константин Борисович) Езовитов — бывший царский офицер, директор Люцинской белорусской гимназии, член правительства БНР. В начале 1920-х годов он вел активную дипломатическую переписку с представителями других стран, не теряя надежды добиться признания БНР. Кроме того, получив в 1921 г. латвийское гражданство, он начал и организацию местного белорусского движения. Так, в том же 1921 г. в Двинске И. Харлап и К. Езовитов создали культурно-просветительское общество «Бацькаўшчына»⁵. В 1922 и 1924–1925 гг. Езовитов безуспешно пытался добиться избрания в латвийский сейм. Советский дипломат А.С. Черных считал закономерным, что в 1924 г. белорусский список проиграл христианским демократам, поскольку среди белорусского населения Латвии было много католиков. Неудачу белорусов Черных связал еще и с тем, что они не договорились с левыми политиками. Последние, в свою очередь, были на этих выборах совершенно дезориентированы и также не провели ни одного кандидата⁶. Сам же Езовитов причину своих неудач видел в беспрецедентной травле белорусского движения со стороны борющихся за влияние на «тутейших» русского и польского меньшинств, которые обвиняли белорусов, помимо прочего, и в том, что они являются агентами коммунистической Москвы⁷. Кроме того, давление оказывали и собственно латвийские власти.

В 1924 г. латвийские власти инициировали судебный процесс против Езовитова и других деятелей белорусского движения. Причиной стала жалоба некоего чиновника Министерства образования о том, что в Капинской волости в белорусской основной школе он якобы нашел карту Белорусского государства, в которую включена часть территории Латвии. Латвий-

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 04. Оп. 51. П. 316. Д. 54754. Л. 11.

⁵ *Ezaviťaj K.* Беларусь ў Латвіі // *Запісы. Беларускі Інстытут навукі і мастацтва*. New-York; Miensk: Belarussian Institute of Arts and Sciences in the USA, 2013. Т. 36. С. [52]–[53].

⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 316. Д. 54754. Л. 7.

⁷ *Ezaviťaj K.* Беларусь ў Латвіі. С. [55].

ским Политуправлением был начат судебный процесс против работников белорусских школ, которые подозревались в сепаратизме и противогосударственной деятельности⁸. Езовитов провел десять месяцев в латвийской тюрьме. Белорусский процесс имел тяжелые и далекоидущие последствия для белорусского меньшинства: уменьшилось число белорусских школ и количество белорусов при последующих переписях населения (в 1920 г. — 75 630 чел., в 1925 г. — 36 794 чел., в 1935 г. — 26,8 тыс. чел.). Белорусская пресса в Латвии однозначно связывала эти неблагоприятные обстоятельства с судебным процессом. Уменьшение численности белорусов нельзя объяснить только естественными демографическими изменениями, так как численность русского населения в то же время неожиданно возросла почти вдвое⁹. 10 июля 1925 г. была закрыта Люцинская белорусская гимназия. Среди причин назывались уменьшение количества учеников, что делало содержание каждого из них слишком дорогим (порядка 700 лат на каждого), а также сокращение общего количества белорусов по переписи населения 1925 г. Ученики были переведены в Двинскую белорусскую гимназию, а учителя уволены. Трех учителей — граждан Литвы — П. Медёлко-Гриба, Я. Красовского и А. Якубецкого — выдворили из Латвии в административном порядке¹⁰.

Возрождение белорусского движения началось в 1925 г. в связи с подготовкой к новым выборам в сейм. Белорусские деятели попытались снова собрать рассеявшиеся белорусские организации. Езовитов взялся за организацию предвыборного блока под названием «Общество белорусских wyborщиков». Решение о его создании было принято 24 апреля 1925 г.¹¹ Советская сторона предоставила Езовитову финансовую помощь, благодаря которой он наладил выпуск газеты «Голас Беларуса» (первый номер вышел 10 июня 1925 г.) с приложением «Беларуская школа ў Латвіі» (обе газеты выходили на белорусском языке) и агитационных материалов. «Голас Беларуса» выходил нерегулярно, пока в 1926 г. БССР не начала субсидировать газету на постоянной основе¹².

При этом, несмотря на оказываемую поддержку, отношение советских дипломатов к деятельности Езовитова было весьма критичным. В частности, по поводу планируемой поездки на Берлинскую конференцию белорусских деятелей в сентябре 1925 г. член Коллегии НКВД Ф.А. Ротштейн написал полпреду СССР в Латвии А.С. Черных, что Минск не вполне дове-

⁸ *Голдманис М.* «Белорусский» дискурс... С. 72.

⁹ *Езавітаў К.* Беларусы ў Латвіі. С. [39]–[40].

¹⁰ *Казачёнок К.* «Белорусский процесс» в Латвии: обвинение, оправдание, наказание // *Латыши и белорусы: вместе сквозь века. Сборник научных статей / под общ. ред. М.Г. Королёва.* Минск: РИВШ, 2012. С. 39.

¹¹ *Грыбоўскі Ю.* Удзел беларусаў у парламенцкіх выбарах у Латвіі // *Беларускі гістарычны агляд.* 2018. Т. 25. Сш. 1–2 (48–49). С. 145.

¹² *АВП РФ.* Ф. 4. Оп. 51. П. 316. Д. 54754. Л. 12.

ряет латвийским белорусам и, должно быть, боится их присутствия¹³. В ответ Черных согласился с этим и добавил: «...газета “Голос Белорусса” безусловно нас не удовлетворяет. Езовитову соответствующее указание дано», — но оговорился, что Езовитову только недавно «начали посылать “Звезду” и “Советскую Белорусь”». До этого у него не было откуда черпать материалов о Советской Белоруссии. Сейчас обещает все упущения исправить, конечно считаясь с местными условиями»¹⁴.

На этот раз деятельность блока оказалась довольно успешной — он набрал на выборах, несмотря на сильное противодействие правительства и социал-демократов, 40 тыс. голосов (своего кандидата в сейм провести не удалось, для этого нужно было набрать не менее 50 тыс. голосов, но и такой результат считался вполне успешным). Однако безымянный агент, писавший Черных, сетовал, что агитационная литература белорусского блока была неубедительна. Составлялась она без участия советской стороны и наглядно показала «внутреннее содержание Езовитовской группы: мягкотелые, трусливые интеллигентики, желающие играть политическую роль в перчатках»¹⁵. Советская сторона постоянно требовала от Езовитова и его сторонников более радикальных высказываний и действий, на что тот, судя по всему, соглашался с большим трудом.

Некоторый свет на обстоятельства деятельности Езовитова в эти годы проливает дипломатическая переписка сотрудников советского постоянного представительства в Латвии как с членами Коллегии НКВД, так и с руководством БССР. Как известно, в середине 1920-х гг. происходит существенное смягчение внешнеполитической риторики советского руководства. Это, как и нэп, позволило многим эмигрантам надеяться на перерождение советского режима и, соответственно, строить планы возвращения на родину. Такими настроениями весьма умело пользовались не только советские дипломатические представительства, но и их могущественный «сосед» — Иностранный отдел ГПУ. Важной составляющей советской внешней политики того времени была борьба за симпатии национальных меньшинств в сопредельных странах. Если Польша и балтийские государства в своей пропаганде делали упор на то, что советские национальные республики являются только фасадом для коммунистической диктатуры, то СССР оказывал их национальным меньшинствам существенную поддержку деньгами и литературой. В 1923–1927 гг. шла широкомасштабная акция по переманиванию эмигрантов на советскую сторону, временами превращавшаяся в прямую вербовку агентов. Некоторые сотрудничали добровольно (как, например, А. Цвикевич, который сам еще с 1921 г. пытался наладить по-

¹³ Письмо Ф. Ротштейна полпреду СССР в Латвии А.С. Черных, Рига, 16 IX 1925 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 316. Д. 54754. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 6.

стоянное сотрудничество с советским постпредством в Литве, что было во многом обусловлено его без преувеличения отчаянным финансовым положением), других приходилось долго и осторожно склонять на свою сторону (как, например, Ластовского).

Но если в Литве советская дипломатия имела довольно широкий выбор как добровольных, так и вынужденных помощников и в конце концов оставшаяся там белорусская колония стала практически филиалом компартии, то в Латвии ситуация была значительно сложнее. Сочувствующих коммунистам было мало, особенно на селе, поскольку проводившаяся с 1920 г. аграрная реформа и ожидание земли сделали на некоторое время сельскохозяйственных рабочих и малоземельных крестьян невосприимчивыми к коммунистической пропаганде¹⁶. Более того, трудно было найти даже информаторов в белорусских кругах. А без них сложно было рассчитывать найти подход к крестьянам-белорусам.

Установить контакт удалось лишь с Езовитовым и В. Пигулевским. Езовитов, по данным белорусских и латвийских исследователей, в 1924–1935 гг. был информатором советского посольства по кличке Озолс¹⁷. Кроме того, он поддерживал переписку с братом главы правительства БССР А.Г. Червякова, который жил в Таллине¹⁸. По переписке советских представителей в Латвии с Коллегией НКВД в 1926 г. можно установить основные моменты развития этого сотрудничества. Езовитов, судя по этой корреспонденции, не был послушным орудием в руках советских дипломатов.

Так, например, вызвала большой переполох самостоятельность Езовитова в сентябре 1926 г. 26 сентября в Двинске должен был состояться съезд Общества белорусских выборщиков. При очередном посещении постпредства Езовитов сообщил поверенному в делах СССР в Латвии С.И. Боркусевичу повестку дня съезда. В тот момент, по словам советского дипломата, повестка не вызвала никаких возражений: «Там стоял вопрос о пятилетию белорусского национального движения в Латвии, о положении белорусского отдела и школе, отчет президиума и прочие хорошие вещи, намеченные в опубликованной газетой “Голос Белорусса” повестке дня...»

О вопросах, помеченных в пунктах а) и б) и текущих делах, мне Езовитов не сказал ни слова»¹⁹. Что это были за пункты, Боркусевич узнал из

¹⁶ Воробьева Л.М. История Латвии... С. 192.

¹⁷ Екабсонс Э. Белорусы в Латвии в 1918–1940 годах // Беларуская дыяспара як пасредніца ў дыялогу цывілізацый. Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў / пад рэд. Мальдзіс А.І. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. С. 53–54; Grzybowski J. Савецкая рэчаіснасць на бачынах беларускай газеты ў Латвіі «Голас Беларуса» (1925–1929 г.) // “Światła masz tyle w sobie...”. Ze studiów wschodniosłowiańskich. Księga pamiątkowa dedykowana Profesorowi Aleksandrowi Barszczewskiemu w osiemdziesiątą piątą rocznicę urodzin / red. M. Kaczmarczyk, A. Nowacki, M. Sidor, B. Siwek. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2015. S. 210.

¹⁸ Казачёнок К. «Белорусский процесс» в Латвии... С. 36.

¹⁹ АВР РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 316. Д. 54754. Л. 13.

газет уже после отъезда Езовитова из Риги в Двинск. Советский дипломат «немедленно командировал туда одного работника Торгпредства с поручением вызвать Езовитова и заявить ему, что Минск категорически возражает против поставленных им двух вопросов: а) участия белорусских меньшинств в общеевропейских конференциях и б) создания союза белорусских меньшинств, проживающих на территории Латвии, Литвы и Польши», и потребовал «немедленно снять эти вопросы с повестки дня»²⁰. После резкого протеста советской стороны Езовитов, хотя и не без колебаний, согласился не выносить эти вопросы на обсуждение съезда. Таким образом, амбициозные планы белорусского политика не осуществились из-за того, что шли вразрез с политикой Советской России (а в данном случае БССР, поскольку именно ее представители курировали работу с белорусским меньшинством в Латгалии и довольно активно, как мы видим, вмешивались в работу посольства с ним). Боркусевич считал эти внезапные для него изменения повестки проявлением «обычного его авантюризма и желания во что бы то ни стало выдвинуться и греметь. Но можно, конечно, полагать и что-нибудь другое», — многозначительно добавлял он.

Последствий для сотрудничества с советским постпредством это, судя по всему, не возымело: уже в октябре 1926 г. Езовитов просил поддержки, прежде всего финансовой, для своего нового проекта — издания русскоязычной просоветской газеты. Он заявил, что руководство этой газетой готов взять на себя «сильно полежавший член сейма» — некто Калистратов, старообрядец русской фракции. Газета, по предложению Езовитова, могла бы издаваться при редакции «Голаса Беларуса». По плану Езовитова, выходить новая газета должна была один раз в неделю и «обслуживать широкие крестьянские массы Латгалии и рабочих города Двинска». Интересно, что он привел приблизительную смету нового издания: «500 руб. в месяц, т.е. сколько мы тратим на “Голос Белорусса”»²¹, то есть из этой переписки мы можем узнать, сколько обычно тратило советское представительство на поддержку белорусской прессы. Ответа на этот запрос белорусский деятель, судя по всему, не получил. Из дальнейшей переписки советских дипломатов становится ясно почему.

В декабре 1926 г. уполномоченный НКВД при правительстве БССР С. Козюра написал два письма, посвященных положению в Латвии и Литве, — советнику полпредства СССР в Польше А.Ф. Ульянову, курировавшему белорусские дела, и Боркусевичу. В рассуждениях он не мог обойти фигуру Езовитова. Козюра считал, что субсидии от БССР белорусский политик использует только для того, чтобы на эти деньги обеспечить избрание в сейм и «в любом случае сохранить свое националистическое настроение, вплоть до противопоставления себя в дальнейшем Минску». Более

²⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 316. Д. 54754. Л. 13.

²¹ Письмо С.И. Боркусевича Б.С. Стомонякову, Рига, 23 X 1926 г. // Там же. Л. 15.

того, советский чиновник видел в этой деятельности даже опасность, что «белорусское движение он поведет на компромисс с [латвийским] правительством, а не на борьбу с ним»²².

Езовитов в этот период спорил с постпредством, не желая делать «Голас Беларуси» более радикальным, как того требовали представители БССР. В то же время латгальское направление Козюра считал слишком важным, чтобы оставить всё как есть. В письме Ульянову от 7 декабря он предлагал, во-первых, направить в Латвию специального человека для ведения исключительно белорусской работы, а во-вторых, забрать Езовитова в Минск, чтобы он окончательно не дискредитировал коммунистическую пропаганду в Латвии. Езовитова необходимо было сменить на более лояльного сотрудника («честного белоруса») ²³. Самого же белорусского политика советская сторона нелестно характеризовала как явного проходимца и авантюриста с «ярко выраженной национал-демократической физиономией»²⁴.

В продолжение этой темы 8 декабря 1926 г. С. Козюра написал Боркусевичу о том, как он видит работу с белорусскими эмигрантами в Латвии. Он считал, что Езовитов преследует в этом сотрудничестве свои собственные цели. Как убежденного националиста и социал-демократа, его следовало бы отстранить от дальнейшего ведения белорусской работы в Латвии. Отказаться от его услуг сразу не было возможности, но Минск искал новые контакты, не желая больше терпеть «выбрыков» Езовитова²⁵. В чем же заключались эти «выбрыки»? Это были планы создания легальной белорусской партии, которая могла бы избираться в сейм, по образцу Белорусской рабоче-крестьянской громады в Польше. Козюра писал Боркусевичу: «Пока не будет твердой уверенности, что эта организация будет являться орудием компартии, а не социал-демократии, — мы не можем допустить организации такой Громады (я не говорю уже о том, что при отсутствии руководства компартии такой Громадой, а значит всевозможных ее вывихов и уклонов в сторону социал-демократии и мещанского либерализма с ее стороны, мы дискредитировали бы роль и значение Рабоче-Селянской Громады²⁶ в Польше как органа революционной борьбы широких беспартийных рабочих и крестьянских масс)»²⁷. Боркусевичу рекомендовалось твердо заявить, что Минск категорически против организации такой Громады в условиях Латвии. Кроме того, речь шла и об уже упомянутом проекте Езовитова по созданию объединенного комитета национальных меньшинств Польши,

²² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 316. Д. 54755. Л. 12.

²³ Там же. При этом С. Козюра считал, что дрейф Езовитова в направлении СД был в некоторой степени и виной советских дипломатов в Латвии, которые подтолкнули его в свое время к сближению с этой партией, вместо того чтобы нейтрализовать ее влияние на белорусского политика, и без того довольно сильное.

²⁴ Там же. Л. 9.

²⁵ Там же. Л. 8.

²⁶ Имеется в виду Белорусская крестьянско-рабочая громада.

²⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 316. Д. 54755. Л. 9.

Литвы и Латвии. Трудно сказать, насколько реальным было в тех условиях осуществление такого плана, но, скорее всего, в этом проявилось известное современникам «пржектёрство» этого деятеля.

Тем не менее даже пока еще не особо имевшие под собой почвы рассуждения достаточно серьезно обеспокоили представителя БССР. Козюра настаивал на том, чтобы от Езовитова требовали декларировать отрицательное отношение к Лиге Наций как прикрывающей капиталистическую эксплуатацию национальных меньшинств организации, а также отказаться от идеи объединения национальных меньшинств Польши, Литвы и Латвии и публично сообщить об этом в своей газете, отметив попутно, что все белорусские меньшинства в борьбе за национальное и социальное освобождение должны ориентироваться на БССР, а не на какие-либо другие комитеты и организации²⁸. Подводя итог, Козюра писал: «У меня лично глубокое убеждение, что Езовитов нашим никогда не будет, что у него достаточно хорошо развита мимикрия и он, внешне выполняя наши требования и директивы, гнет свою особую линию. У меня нет основания согласиться с оценкой его как провокатора, уверен также, что он пока особым вниманием не пользуется и у Латпра (латвийского правительства. — Д.К.), но глубоко убежден, что белорусскую работу в дальнейших ее стадиях (и даже настоящей) он вести не сможет и не должен. Помимо того, что этот авантюрист заражен национал-демократическими настроениями безнадежно, он еще находится под сильным влиянием с[оциал-]д[емократов], и свою работу в белорусском деле он будет вести, неизбежно окрашивая ее идеологией социал-демократии, отдавая должную дань национал-демократическим верованиям, которые заложены в нем сильно. Он скорее способен пойти на любой компромисс с Латпра, чем совершить хотя бы один решительный радикальный (я уже не говорю революционный) шаг, который мы бы потребовали от него в случае нужды»²⁹.

Таким образом, доверия советской стороны за два года сотрудничества Езовитов так и не заслужил. Слишком было очевидно, насколько это сотрудничество вынужденно. Езовитов нуждался в контактах с советской стороной: финансовая помощь полпредства помогала издавать газету, оказывать помощь ученикам белорусских заведений, в целом продолжать политическую борьбу. Тем не менее оставаться послушным орудием советского внешнеполитического ведомства он не мог или не желал. Его самостоятельные шаги постоянно вызывали недовольство кураторов. Как мы видим из архивных документов, планировалось серьезно работать с белорусским населением — создавать низовые организации и в дальнейшем подчинить их коммунистической партии Латвии. Таким образом, контакты с эмигрантским руководством белорусского меньшинства имели далекоидущие цели, и поэтому поиски замены велись весьма интенсивно.

²⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 316. Д. 54755. Л. 9.

²⁹ Там же. Л. 16.

Впрочем, не только Езовитов вызывал подозрения в нелояльности. Так, о сопернике Езовитова Пигулевском советские дипломаты отзывались еще более нелестно³⁰. Тем не менее это сотрудничество продолжалось, поскольку замены Езовитову не было, а без контактов, связанных с ним, была совсем потеряна надежда на доступ к белорусскому меньшинству в Латвии.

Литература

- Воробьева Л.М. История Латвии от Российской империи к СССР. М.: ФИВ, 2011.
- Голдманис М. «Белорусский» дискурс в латышской прессе (1920–1934): эволюция представления о белорусах как о самостоятельном национальном меньшинстве // Латыши и белорусы: вместе сквозь века: сб. науч. ст. / редкол.: С.П. Кулик [и др.]. Минск: РИВШ, 2016. Вып. 5. С. 68–76.
- Грыбоўскі Ю. Удзел беларусаў у парламенцкіх выбарах у Латвіі // Беларускі гістарычны агляд. 2018. Т. 25. Сш. 1–2 (48–49). С. 135–172.
- Екабсонс Э. Политика Латвийского государства в отношении белорусов // Латвия — Беларусь, 1918–2018 / гл. ред. М. Королев. Минск: Издательство «Четыре четверти», 2018. С. 122–142.
- Екабсонс Э. Белорусы в Латвии в 1918–1940 годах // Беларуская дыяспара як пасредніца ў дыялогу цывілізацый. Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў / пад рэд. Мальдзіс А.І. Мінск: Беларускі Кнігазбор, 2001. С. 47–71.
- Казачёнок К. «Белорусский процесс» в Латвии: обвинение, оправдание, наказание // Латыши и белорусы: вместе сквозь века. Сборник научных статей / под общ. ред. М.Г. Королёва. Минск: РИВШ, 2012. С. 29–43.
- Grzybowski J. Савецкая рэчаіснасць на бачынах беларускай газеты ў Латвіі «Голас Беларуса» (1925–1929 г.) // “Światła masz tyle w sobie...”. Ze studiów wschodniosłowiańskich. Księga pamiątkowa dedykowana Profesorowi Aleksandrowi Barszczewskiemu w osiemdziesiątą piątą rocznicę urodzin / red. M. Kaczmarczyk, A. Nowacki, M. Sidor, B. Siwek. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2015. S. 207–222.

References

- Goldmanis, M., 2016. “Belorusskii” diskurs v latyshskoi presse (1920–1934): evolutsiia predstavleniia o belorusakh kak o samostoitel’nom natsional’nom men’shinстве [“Belarusian discourse” in Latvian press (1920–1934): the evolution of the idea of Belarusians as of the independent national minority]. In: Kulik, S.P., et al., eds, 2016. *Latyshi i belorusy: vmeste skvoz’ veka: sb. nauch. st. Vyp. 5* [Latvians and Belarusians: together through the ages: collection of scientific articles. Issue 5]. Minsk: RIVSh, pp. 68–76.

³⁰ С. Козюра характеризовал его так: «О Пигулевском мало что могу сказать. Это тип альфонса, с.демократ, влез к Езовитову, чтобы обрабатывать последнего. Это просто жулик, способный на провокацию и предательство. Его пребывание в БССР закончилось тем, что соседи его в Москву не пустили, куда он по каким-то делам хотел проскочить фуксом». См.: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 316. Д. 54754. Л. 21.

- Grzybowski, J., 2015. Savetskaia rechaisnasts' na bachynakh belaruskai hazety u Latvii "Holas Belarusa" (1925–1929 h.) [Soviet reality on the pages of the Belarusian newspaper in Latvia "Voice of the Belarusian" (1925–1929)]. In: Kaczmarczyk, M., Nowacki, A., Sidor, M., Siwek, B., eds, 2015. *"Światła masz tyle w sobie..." Ze studiów wschodniosłowiańskich. Księga pamiątkowa dedykowana Profesorowi Aleksandrowi Barszczewskiemu w osiemdziesiątą piątą rocznicę urodzin* ["So much light in you..." From East Slavic Studies. The book dedicated to the 85 years of prof. Aleksandr Barszczewski]. Lublin: Wydawnictwo KUL, pp. 207–222.
- Grzybowski, J., 2018. Udział belarusów u parlamentykh vybarakh u Latvii [Belarusians' participation in parliament elections in Latvia]. *Belaruskii historychny ahliad*, 25 (1–2 (48–49)), pp. 135–172.
- Jekabsons, E., 2001. Belorusy v Latvii v 1918–1940 godakh [Belarusians in Latvia in 1918–1940] In: Mal'dzis, A.I., ed., 2001. *Belaruskaja dyiaspara iak pasrednit-sa u dyialohu tsyvilizatsyi. Materyialy III Mizhnarodnaha kanhresa belarusistau* [Belarusian diaspora as a mediator in the dialogue of civilizations. The materials of the 3rd congress of experts in Belarusian studies]. Minsk: Belaruskii Knihazbor, pp. 47–71.
- Jekabsons, E., 2018. Politika Latviiskogo gosudarstva v otnoshenii belorusov [Latvian state's policy in relation to Belarusians]. In: Korolev, M., ed., 2018. *Latviia — Belarus' 1918–2018* [Latvia — Belarus, 1918–2018]. Minsk: Izdatel'stvo "Chetyre chetverti", pp. 122–142.
- Kazachenok, K., 2012. "Belorusskii protsess" v Latvii: obvinenie, opravdanie, nakazanie ["Belarusian process" in Latvia: prosecution, justification, punishment]. In: Korolev, M.G., ed., 2012. *Latyshi i belorusy: vmeste skvoz' veka. Sbornik nauchnykh statei* [Latvians and Belarusians: together through the ages. Collection of scientific articles]. Minsk: RIVSh, pp. 29–43.
- Vorob'eva, L.M., 2011. *Istoriia Latvii ot Rossiiskoi imperii k SSSR* [History of Latvia from Russian Empire to USSR]. Moscow: FIV.

**ЗА КУЛИСАМИ НАРКОМИНДЕЛА
(СЕРЕДИНА 1930-Х ГОДОВ).
К ВЫХОДУ В СВЕТ ПУБЛИКАЦИИ
DEUTSCHLAND UND DIE SOWJETUNION 1933–1941.
DOKUMENTE AUS RUSSISCHEN UND DEUTSCHEN ARCHIVEN
(2019)**

Карола Тишлер —

доктор философии (Ph.D.),
научный сотрудник,
Институт современной истории,
Мюнхен — Берлин
Почтовый адрес: Леонардштрассе, 46b,
Мюнхен, 80636, Германия
Электронный адрес: carola.tischler@diplo.de

Аннотация

Изучение международных отношений в современной исторической науке более не ограничивается дипломатическими связями, но также включает в себя экономическое и культурное сотрудничество. Другой фактор, который не следует упускать из виду — это сами люди, личности, которые определяли политику. Статья посвящена этому кругу проблем в контексте германско-советских отношений в 1930-е годы, как в центре, в Москве, так и в советском представительстве в Берлине. В основу положены архивные материалы, выявленные и опубликованные в рамках документального проекта «Германия и Советский Союз 1933–1941. Документы из российских и германских архивов», осуществляемого под патронатом Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Методологической основой послужили работы западных историков. Документы раскрывают функционирование одного из важнейших инструментов внешней политики — дипломатического аппарата Советского Союза и Германии. В документах второго тома освещается деятельность сотрудников Народного комиссариата иностранных дел, занимавшихся советско-германскими отношениями, внутренняя жизнь советского полпредства в Берлине и работа центрального аппарата в Москве. На основе внутриведомственной переписки сотрудников Наркоминдела, их информационных записок, а также впечатлений немецких дипломатов можно составить мнение об уровне компетентности по крайней мере некоторых советских дипломатов. В целом, благодаря введению в научный оборот большого массива документов из российских и германских архивов, историки разных стран смогут проводить исследования по весьма широкому кругу вопросов, связанных с международными отношениями 1930-х — начала 1940-х годов, чрезвычайно важных для понимания причин и механизмов, приведших ко Второй мировой войне.

Ключевые слова

Советско-германские отношения, полпредство СССР в Берлине, аппарат дипломатической миссии

Статья поступила в редакцию 6 мая 2020 г.

Цитирование: *Тишлер К.* За кулисами Наркоминдела (середина 1930-х годов). К выходу в свет публикации *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Dokumente aus russischen und deutschen Archiven* (2019) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 59–72.

**BEHIND THE CURTAINS
OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR FOREIGN AFFAIRS
IN THE MIDDLE OF THE 1930S.
ON THE EDITION *DEUTSCHLAND
UND DIE SOWJETUNION 1933–1941*.
DOKUMENTE AUS RUSSISCHEN UND DEUTSCHEN ARCHIVEN
(2019)**

Carola Tischler,

Ph.D., Researcher,
Institute of Contemporary History,
Munich — Berlin
Postal address: Leonrodstraße 46b,
München, 80636 Deutschland
E-mail: carola.tischler@diplo.de

Abstract

Research on international relations today is no longer limited to diplomatic contacts but also includes economic and cultural ties. Another factor that should not be neglected is the people themselves; the personalities who shaped politics. This text focuses on those concerned with German-Soviet relations in the 1930s, both at the “centre” in Moscow and at the Soviet plenipotentiary representation in Berlin. This article deals with this range of problems against the background of Soviet-German relations in the 1930s both in the Kremlin and in the Soviet mission in Berlin. The article is based on archival materials discovered and published in the framework of the edition project “Germany and the USSR 1933–1941” pursued under the aegis of the Joint Commission on the Study of Contemporary History in Russian-German Relations. The methodological guidelines are borrowed from the works of Western historiography. The documents under scrutiny shed the light on the functioning of one of the primary foreign-political instruments — the diplomatic corpus of the Soviet Union and Germany. In the documents published in Volume 2, three main areas of the People’s Commissariat for Foreign Relations’ (Narkomindel) functioning are covered: the personnel responsible for the Soviet-German relations, the inner life of the Soviet mission in Berlin, and the work of the central apparatus in Moscow. On the basis of the interdepartmental correspondence of the Narkomindel staff, their memoranda, and the impressions of the German diplomats, one can get an impression of the level of professionalism of at least some Soviet diplomats. In summary, owing to the publication of such a large amount of documents from the Russian and German archives, historians from different countries can now pursue research on a wide range of problems related to the international relations of the 1930s and early 1940s, which is extraordinarily important for understanding the causes and mechanisms which led to World War Two.

Keywords

Soviet-German relations, the USSR diplomatic mission in Berlin, personnel of the diplomatic mission

Received 6 May 2020.

How to cite: Tischler, K., 2020. Za kulisami Narkomindela (seredina 1930-kh godov). K vykhodu v svet publikatsii *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Dokumente aus russischen und deutschen Archiven* (2019) [Behind the Curtains of the People’s Commissariat for Foreign Affairs in the middle of the 1930s. On the Edition *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Dokumente aus russischen und deutschen Archiven* (2019)]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 59–72.

В январе 1928 г. в Берлине по предложению Германского общества по изучению Восточной Европы прошла «Русская историческая неделя». В ходе осуществляемых в ее рамках мероприятий один из ведущих советских историков того времени М.Н. Покровский (1868–1932) сообщил об издании в СССР официальных документов из архивов императорского и Временного правительств с целью разоблачить империалистический характер политики царской России и возложить на нее частичную вину за развязывание Первой мировой войны. Это намерение совпадало со стремлением немецких историков опровергнуть единоличную ответственность Германии за начало войны. Так в 1930 г. возникло сотрудничество между немецкими и советскими историками, в результате которого многотомное издание вышло в свет как на русском, так и на немецком языках. Сотрудничество продолжилось и после того, как Гитлер захватил власть в 1933 г.¹ Более того, даже нападение Германии на Советский Союз не помешало выходу в Германии в 1943 г. последнего тома².

После Второй мировой войны западные историки из стран — союзников СССР по антигитлеровской коалиции и их советские коллеги также очень быстро приступили к реализации замысла, связанного с публикацией официальных документов, раскрывающих причины Второй мировой войны. Тем не менее споры о причинах как Первой, так и Второй мировых войн, несмотря на обилие доступных источников, продолжают и поныне. Юбилейные годы, похоже, только подстегивают дискуссии на эти темы. И хотя предыстория Второй мировой войны не исчерпывается германо-советскими отношениями, во многом именно они оказали серьезное влияние на ход последующих событий в мире. Целостное исследование этой проблемы европейского масштаба невозможно без всестороннего изучения и понимания развития отношений между Берлином и Москвой на протяжении 1930-х годов³.

¹ Недавно скончавшийся профессор Дитмар Вульф (1955–2020), приглашенный преподаватель Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге, представил подробное описание этого сотрудничества после 1933 г. См. Вульф Д. О сотрудничестве немецких и советских историков в годы национал-социалистической диктатуры в Германии. Размышления на базе новых документов // Международный диалог историков. Россия и Германия: опыт межкультурного взаимодействия. 1990–2020: материалы Международной научной конференции (г. Липецк, 24–25 окт. 2019 г.) / отв. ред. Н.Э. Ватшау. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 76–93.

² См.: Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства 1878–1917 гг. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931–1938. Сер. 3. Т. 1–10; М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938–1940. Сер. 2. Т. 18–20. На немецком языке документы опубликованы под названием: Die internationalen Beziehungen im Zeitalter des Imperialismus. Dokumente aus den Archiven der Zaristischen und der Provisorischen Regierung. Berlin: Steiniger, 1931–1934. Reihe 1. Bd. 1–5; Berlin: Steiniger, 1934–1936. Reihe 2. Bd. 6–8; Berlin: Steiniger, 1939–1943. Reihe 3. Bd. 1–2, 4. Нумерация серий и томов в советском и немецком изданиях, а также годы издания отдельных томов не совпадают.

³ См.: Ватлин А.Ю. Германская дипломатия и «немецкая операция» НКВД 1936–1938 годов // Российская история. 2013. № 1. С. 180–204; Рошин А. НКВД в 30-е годы // Ди-

Серьезную поддержку этим исследованиям может оказать и осуществляемый под патронатом Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений⁴ проект «Германия и Советский Союз 1933–1941. Документы из российских и германских архивов»⁵. Помимо материалов по внешнеполитическим вопросам, позволяющих судить также о европейских международных связях, издание содержит большое количество документов, касающихся важных составляющих внешней политики (экономики, военного потенциала, разведывательной и контрразведывательной деятельности, а также культурных и научных связей)⁶. Документы показывают работу одного из важнейших инструментов внешней политики — дипломатического аппарата⁷ обоих государств. Центральное место среди документов, опубликованных во втором томе упомянутого проекта, занимает делопроизводство Народного комиссариата иностранных дел (Наркоминдела)⁸. В документах освещается деятельность людей, занимавшихся советско-германскими отношениями, внутренняя жизнь полпредства в Берлине и работа центрального аппарата в Москве⁹. Конечно, эти сферы пересекаются, но для более ясного понимания их роли в отношениях между Германией и СССР я анализирую их последовательно.

Дипломаты Наркоминдела и Германия. Главные действующие лица с советской стороны — это, несомненно, народный комиссар иностранных дел М.М. Литвинов (1876–1951)¹⁰ и его первый заместитель Н.Н. Крестинский

пломатический ежегодник / отв. ред. С.К. Романовский. М.: Международные отношения, 1995. С. 195–212.

⁴ Совместная комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений [сайт]. URL: <https://www.rossijsko-germanskaja-komissija-istorikov.ru> (дата обращения: 29.03.2019).

⁵ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Dokumente aus russischen und deutschen Archiven (далее — Deutschland und die Sowjetunion) / hrsg. von S. Slutsch, C. Tischler. München: De Gruyter, 2014; 2019. Bd. 1–2.

⁶ О методологических аспектах изучения истории международных отношений см.: *Lehmkuhl U.* Diplomatiegeschichte als internationale Kulturgeschichte: Theoretische Ansätze und empirische Forschung zwischen historischer Kulturwissenschaft und Soziologischem Institutionalismus // Geschichte und Gesellschaft. 2001. Н. 4. S. 394–423.

⁷ Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. / пер. с фр. Э.М. Кустовой. М.: РОССПЭН, 2009.

⁸ Knoll V. Das Volkskommissariat für Auswärtige Angelegenheiten im Prozeß außenpolitischer Entscheidungsfindung in den zwanziger und dreißiger Jahren // Zwischen Tradition und Revolution. Determinanten und Strukturen sowjetischer Außenpolitik / hrsg. von L. Thomas, V. Knoll. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. S. 73–155; Kocho-Williams A. Russian and Soviet Diplomacy 1900–39. Houndmills, Basingstoke; New York: Palgrave-Macmillan, 2012.

⁹ См.: Соколов В.В. Деятельность советского посольства в Берлине. 1918–1941 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 102–121.

¹⁰ Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Издательство политической литературы, 1989; Соколов В. Наркоминдел Максим Литвинов // Международная жизнь. 1991. № 4. С. 107–122; Dullin S. Litvinov and the People's Commissariat of Foreign Affairs: the Face of an Administration under Stalin, 1930–39 // Russia in the Age of Wars 1914–1945 / ed. by S. Pons, A. Romano. Milano: Feltrinelli, 2000. P. 121–146.

(1883–1938)¹¹. Имя Крестинского упоминается в двухтомнике чаще, чем наркома, поскольку он регулярно бывал на заседаниях Лиги Наций в Женеве. Заведующим 2-м Западным отделом, в сферу деятельности которого входили государства Центральной Европы и Балкан, с 1931 г. был Д.Г. Штерн (1900–1937). Его помощник Ф.В. Линде в январе 1936 г. стал советником полпредства СССР в Дании. Вместо него помощником Штерна был назначен В.Л. Левин, который до этого работал референтом по Германии. В Берлине советником полпредства с середины 1933 г. служил С.А. Бессонов (1892–1941)¹². Полпред в Берлине Я.З. Суриц (1882–1952)¹³ вступил в должность в октябре 1934 г., а в апреле 1937 г. был переведен в Париж. Новым 1-м секретарем полпредства в феврале 1935 г. стал родившийся в Дрездене Е.А. Гнедин (1898–1983)¹⁴, сын Александра Парвуса-Гельфанда, который скончался в Берлине в 1924 г. Опыт дипломатической службы Гнедин приобрел уже в 1920-е годы. Приходилось ему работать и журналистом, поэтому в Берлине он был назначен заведующим Отделом печати. Еще один первый секретарь полпредства, А.В. Гиршфельд (1897–1962), в публикуемых документах — на заднем плане: в сентябре 1935 г. он был переведен в Кёнигсберг на место генерального консула. Затем должность первого секретаря полпредства на протяжении почти целого года занимал Н.Г. Поздняков (1900–1948).

Важнейшим кадровым изменением в период, которому посвящен второй том издания (январь 1935 г. — апрель 1937 г.), стало назначение Д.В. Канделаки (1895–1938) новым главой советского торгпредства в Берлине. Однако это ведомство было подчинено Наркомату внешней торговли, так что я оставляю его в стороне, равно как и К. Радека (1885–1939), который заведовал Бюро международной информации (БМИ), просуществовавшим до конца 1936 г.

Все вышеназванные лица, за исключением Литвинова и Сурица, а также двух первых секретарей полпредства — Гиршфельда и Позднякова, были репрессированы¹⁵. Именно в этом кроется одна из причин, почему так мало известно о деятельности сотрудников среднего звена Наркоминдела и его периферийного аппарата.

Уже во время работы над первым, а затем и над вторым томом, стало очевидно, сколь высока была профессиональная квалификация Д.Г. Штерна. На основании его переписки и записей в служебном дневнике можно су-

¹¹ Соколов В.В. Н.Н. Крестинский — революционер, дипломат (1883–1938) // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 120–142.

¹² Bürgel M. Als trotzkistischer Verschwörer an der sowjetischen Botschaft in Berlin: der "Bucharinist" Sergej Bessonov und der dritte Moskauer Schauprozess // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. 2016. S. 57–74.

¹³ Сизоненко А.И. Полпред СССР Я.З. Суриц // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 100–117.

¹⁴ Гнедин Е.А. В Наркоминделе. 1922–1939 // Память. М.; Париж: La Presse Libre, 1981–1982. Вып. 5. С. 354–396.

¹⁵ См., например: Соколов В.В. Трагическая судьба дипломата Г.А. Астахова // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 167–183.

дить о том, насколько точно он анализировал политику Германии. Должно быть, он приобрел обширные знания, когда с 1928 по 1931 г. заведовал Отделом печати полпредства в Берлине. Даже те немногие биографические данные о Штерне, которыми мы располагаем, почерпнуты исключительно из архивных документов. Он родился в 1900 г. в Бессарабии в семье врача. Не окончив университет, сначала работал в ГПУ, затем в разных советских торгпредствах, а с 1931 г. — в центральном аппарате Наркоминдела. Уже больной туберкулезом, в мае 1937 г. он был арестован в больнице и через некоторое время умер в тюрьме после объявленной в знак протеста голодовки.

На основе внутриведомственной переписки сотрудников Наркоминдела, их информационных записок, а также впечатлений немецких дипломатов можно составить мнение об уровне компетентности по крайней мере некоторых советских дипломатов (М.М. Литвинова, Н.Н. Крестинского, Я.З. Сурица, Д.Г. Штерна, С.А. Бессонова, Б.Д. Виноградова (1903–1938), Е.А. Гнедина и некоторых других), а также судить, кто в беседах с немцами (например, Крестинский) вел себя, как правило, осторожно, какие отношения существовали между сотрудниками, например, между Литвиновым и Сурицем или Штерном и Бессоновым. В обоих случаях они, хотя и различались, были, несомненно, дружеские. Прочитую здесь отрывок из письма Бессонова Штерну от 5 апреля 1935 г., характеризующий доверительный характер отношений обоих дипломатов: «Ходят слухи относительно того, что немцы собираются заменить полицию в демилитаризованной зоне рейхсвером. Так как я знаю, что ты не особенно веришь слухам, то сообщаю тебе это просто для очистки совести»¹⁶.

Полпредство СССР в Берлине. Поскольку в распоряжении разработчиков документального проекта находилась только переписка между полпредством и Наркоминделом, а внутренние документы полпредства были недоступны, это сводит к минимуму информацию об отношениях между дипломатами в самом полпредстве в Берлине. Правда, о профессиональных качествах того или иного дипломата сведения можно почерпнуть из сопоставления их отчетов о контактах с представителями разных германских ведомств с соответствующими отчетами немецких дипломатов, представителей деловых и военных кругов.

Опубликованные документы также показывают, что как советское полпредство в Берлине, так и германское посольство в Москве¹⁷ находились под постоянным наблюдением спецслужб, причем нередко весьма интенсивным. В ноябре 1936 г. была организована проверка документов при входе в здание полпредства в Берлине в качестве ответной меры на проверку при входе в Германское посольство в Москве. Разумеется, гестапо также

¹⁶ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 111. S. 416.

¹⁷ Hilger G. Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Frankfurt a. Main; Berlin: Metzner, 1955.

было заинтересовано в информации о внутренней жизни полпредства. В январе 1935 г. государственная железнодорожная компания *Deutsche Reichsbahn-Gesellschaft* хотела ознакомиться с состоянием помещений полпредства, расположенных на расстоянии 50–70 м от строительства городской железной дороги. По понятным причинам сотрудники полпредства стремились по возможности предотвратить доступ в любые помещения на территории, обладавшей экстерриториальным статусом. Как показал позже другой инцидент, на самом деле существовала опасность, что в здание могут проникнуть нежелательные лица. В марте 1937 г. гестапо попыталось в рамках проверки, проводимой местной больничной кассой, направить в торгпредство в Берлине своего сотрудника. Однако МИД Германии выразил несогласие с этим планом, поэтому можно предположить, что он не был осуществлен. Уязвимым местом во внутренней жизни полпредства, особенно в условиях резкого обострения двусторонних отношений, было наличие среди технического персонала подданных Германии. В издании представлено сообщение о звонке из полиции на служебный номер телефона служащему полпредства с очень распространенной фамилией Шмидт (по этой причине найти более детальные сведения об этом человеке не представляется возможным) и о его попытке скрыть содержание разговора, так как при этом присутствовал советский сотрудник. Немецкие документы, содержащие информацию о наблюдении за полпредством, свидетельствуют, что гестапо было слабо информировано о его внутреннем распорядке. Тем не менее в полпредстве были убеждены (в данном случае в лице управляющего делами полпредства Я.М. Магалифа), что «абсолютно все немецкие служащие в той или иной мере связаны с полицией»¹⁸. В этой связи, как свидетельствуют представленные документы, безотлагательной стала необходимость замены всех служащих — подданных Германии подготовленными советскими гражданами. Это оказалось совсем не простой задачей, особенно в атмосфере нараставшей подозрительности и недоверия в СССР.

С одной стороны, было приложено немало усилий, чтобы создать как можно более изолированную систему внутренней жизни полпредства, но, с другой, — в круг непосредственных служебных обязанностей дипломатов входили постоянные контакты с представителями разных социальных кругов. Организованные в самом полпредстве мероприятия позволяли совместить это общение с культурной политикой СССР. Например, в марте 1936 г. полпредство провело своего рода «культурную неделю», пригласив на нее более широкий круг лиц, чем обычно на разных приемах: состоялось несколько кино вечеров с отрывками из последних советских художественных и научно-популярных фильмов; для военных кругов отдельно был организован показ документального фильма «Битва за Киев», посвященного

¹⁸ См. письмо Я.М. Магалифа Н.Н. Крестинскому, 19 февраля 1936 г. // *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 390. S. 1057.*

осенним маневрам Киевского военного округа осенью 1935 г. Кроме того, с концертом выступили скрипач Давид Ойстрах (1908–1974) и пианист Григорий Гинзбург (1904–1961). Во втором томе документов опубликованы два отчета сотрудников полпредства об этих мероприятиях. В одном из них советник Бессонов писал: «В общем, получилось, что в течение двух недель грозный призрак “советской культуры” в той или иной форме начал гулять по Берлину, и никакие приказы здесь не помогут. Подводя итоги, мы можем сказать, что эти три вечера оставят серьезный след на настроениях и быть может мнениях многих из берлинцев»¹⁹. Конечно, справедливость этих выводов невозможно было проверить ни тогда, ни тем более сейчас. Тем не менее отчеты позволяют получить некоторую важную информацию: какие фильмы были отобраны для пропаганды советской культуры, кто из посетителей вечеров был отмечен особо, кто из сотрудников МИД и дипломатов других стран посетил в эти дни полпредство, а кто избегал этого.

Центральный аппарат Наркоминдела в Москве. Что касается схожести методов работы дипломатов, то это в определенной степени относится и к их работе в центрах принятия решений обоих государств. Однако есть одно отличие, на которое хотелось бы обратить внимание. Выше уже шла речь о том, как гестапо пыталось оказывать влияние на некоторые стороны деятельности МИД Германии, но в 1935–1937 гг. всё еще обращалось с запросами и учитывало позицию внешнеполитического ведомства. В СССР было иначе: Наркоминдел занимал подчиненное положение в отношениях с НКВД, хотя ему, как и МИД Германии в отношении советского полпредства, удавалось обеспечивать экстерриториальность германского посольства во избежание международного скандала. Всё более частые аресты, в том числе иностранных граждан, создавали серьезные проблемы в деятельности Наркоминдела. Его сотрудники, как правило, не получали своевременно от НКВД никакой информации об этих фактах и в ходе встреч с немецкими дипломатами оказывались в весьма затруднительном положении. И всё-таки время от времени Наркоминделу удавалось достигать хотя бы временных компромиссных решений. Так, например, в случае, когда НКВД собрался арестовать главу московской евангелическо-лютеранской общины пастора Штрека и сторожа Германского посольства Шульца (оба — советские граждане), что формально не создавало каких-либо проблем для Наркоминдела, Крестинский тем не менее обратился к Сталину со следующим предложением: «НКИД не возражает против этих арестов, но полагает, что прежде чем приступить к ним и, в частности, к аресту пастора Штрекера²⁰, необходимо довести до сведения советской и заграничной общественности о той большой контрреволюционной работе, которая ведется немцами по

¹⁹ Письмо С.А. Бессонова Д.Г. Штерну, 17 марта 1936 г. // *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 419. S. 1129.* Отчет 1-го секретаря Полпредства Е.А. Гнедина о кинопросмотре, 5 марта 1936 // *Ibid. Dok. 409. S. 1100–1101.*

²⁰ Так в документе, правильно: Штрек (Streck).

указанию их германских центров среди немецкого населения в СССР. Если такое сообщение появится до ареста пастора Штрекера, то антисоветская кампания в заграничной прессе, в связи с этим арестом, будет затруднена»²¹. Тогда, осенью 1935 г., Сталин высказался против ареста Штрека и Шульца²². Положение сотрудников Наркоминдела осложнилось в начале 1937 г., когда в ходе второго большого показательного процесса над крупными советскими функционерами были упомянуты имена германских подданных, обладавших дипломатическим иммунитетом — военного атташе генерала Э. Кёстринга (1876–1953) и пресс-атташе посольства В. Баума как находившихся в контакте с обвиняемыми в шпионаже подсудимыми. Тогда руководство Наркоминдела было вынуждено поставить перед посольством Германии вопрос об отзыве из СССР этих двух немецких дипломатов. И это притом, что кроме показаний несчастных обвиняемых, сфабрикованных в НКВД и заученных под угрозой продолжения пыток и невыносимых страданий, следствие не располагало абсолютно никакими доказательствами причастности немецких дипломатов к инкриминируемым им действиям. Под угрозой неминуемого крупного скандала и непоправимого ущерба для советско-германских отношений требование об отзыве генерала Кёстринга вскоре было снято, по всей видимости, по указанию Сталина.

Сталин, к слову, в отличие от Гитлера²³ часто вмешивался в работу Наркоминдела, иногда по собственной инициативе, но преимущественно откликаясь на обращения руководства внешнеполитического ведомства. Причем его вмешательство не ограничивалось резолютивными пометами на том или ином документе, к сожалению, далеко не всегда доступном для исследователей. Сталин, особенно в тех случаях, которым он придавал серьезное значение, редактировал меморандумы, предназначавшиеся для вручения или оглашения высокопоставленным представителям Германии. Так, например, в апреле 1934 г. Литвинов направил Сталину проект ответа Наркоминдела на отклонение правительством Германии советского предложения о подписании Балтийского протокола, гарантирующего независимость и неприкосновенность государств Балтии. Этот ответ подвергся существенному редактированию по замечаниям и дополнениям, сделанным Сталиным²⁴, прежде чем был вручен послу Германии Р. Надольному (1873–1953)²⁵. Подвергся редакции Сталина и разработанный Литвиновым один

²¹ Письмо Н.Н. Крестинского И.В. Сталину, 29 октября 1935 г. // *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941*. Bd. 2. Dok. 266. S. 789.

²² *Ibid.* Dok. 269. S. 795.

²³ Подробнее см.: *Das Auswärtige Amt in der NS-Diktatur* / hrsg. von J. Hürter, M. Mayer. Berlin; München u.a.: De Gruyter Oldenbourg, 2014; *Kaul N. Die deutsch-sowjetischen Beziehungen im Spiegel der Deutschen Botschaft Moskau 1934 bis 1939: “Es ist hier doch immer der Teufel los!”*. S. l.: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016.

²⁴ *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941*. Bd. 1. Dok. 422. S. 1145–1150.

²⁵ *Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandverstehrer? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917–1953* / hrsg. von W. Baumgart. Paderborn: Ferdinand Schöningh GmbH, 2017.

из проектов текста заявления торгпреда в Германии Д.В. Канделаки для его беседы с рейхсминистром экономики Я. Шахтом (1877–1970). На Канделаки была возложена особая миссия по налаживанию отношений между двумя странами, и Литвинов опасался, что торгпред, «неискушенный в политических вопросах», может наговорить «лишнего». Сталин определенно разделял эти опасения²⁶.

Что касается работы 2-го Западного отдела, то его повседневную деятельность характеризуют многочисленные документы как первого, так и второго тома документального проекта. В качестве примера приведу небольшую зарисовку об этом из письма Штерна Бессонову от 17 марта 1935 г.: «Я вернулся из отпуска и сразу погрузился в работу, которую приходится вести в очень неблагоприятных условиях. Дело в том, что уже больше недели больны гг. Левин и Кантер, так что на Германии никого не осталось. Одновременно с этим у меня не замещены болгарская, румынская и греческая референтура, дающие колоссальное количество работы, так что, откровенно говоря, мне приходится, выражаясь мягко, тяжело. Очень благодарен тебе за присылку материалов, в особенности “Архив дер Гегенварт”. Этот архив для нас в высшей степени полезен и представляет фундаментальную ценность»²⁷. Подобного рода на первый взгляд незначительная информация содержится во многих письмах, но, будучи проанализирована в комплексе на определенном отрезке времени, она дает возможность создать целостную картину деятельности одного из важных подразделений внешнеполитического ведомства. Более того, подобная информация и, в частности, содержащаяся в приведенной цитате, напоминает историкам о том, что, исследуя большую политику государства со всеми ее сложностями и поворотами, не следует забывать и о тех конкретных людях, которые в той или иной мере были причастны к ее воплощению в жизнь.

Вкратце о некоторых выводах, которые хотелось бы сделать, обобщая сказанное выше. В представленном тексте изложены мысли, присущие западной школе исследователей²⁸, в которой очень мало специалистов по со-

²⁶ См. записку М.М. Литвинова Сталину, 5 мая 1935 г. // *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941*. Bd. 2. Dok. 142. S. 487–491.

²⁷ Письмо Д.Г. Штерна С.А. Бессонову, 17 марта 1935 г. // *Deutschland und die Sowjetunion*. Bd. 2. Dok. 85. S. 354.

²⁸ См., например: *Ericson III E.E.* Karl Schnurre and the Evolution of Nazi-Soviet Relations, 1936–1941 // *German Studies Review*. 1998. Vol. XXI. N 2. P. 263–283; *Linke H.G.* Schicksalsgemeinschaft? Die Sowjetunion im politischen Kalkül der deutschen Botschafter in Moskau 1922–1941 // *Stürmische Aufbrüche und Enttäuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit* / hrsg. von K. Eimermacher, A. Volpert unter Mitarbeit von G. Bordjugov. München: Wilhelm Fink Verlag, 2006. S. 163–208; *Graml H.* Bernhard von Bülow und die deutsche Außenpolitik: Hybris und Augenmaß im Auswärtigen Amt. München: Oldenbourg Verlag, 2012; *Lüdiche L.* Constantin von Neurath. Eine politische Biographie. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh GmbH, 2014; *Happel J.* Der Ost-Experte: Gustav Hilger — Diplomat im Zeitalter der Extreme. Paderborn: De Gruyter, 2018; *Schmidt-Klügmann A.* Bernhard Wilhelm von Bülow (1885–1936). Eine politische Biographie. Paderborn: Brill, 2020.

ветской внешней политике, а что касается историков в целом, то у них имеются только общие представления о советской дипломатии 1930-х годов. Кроме народных комиссаров западным историкам известны, как правило, имена только двух советских послов: Александры Коллонтай (1872–1952), потому что она женщина, и Ивана Майского (1874–1952), потому что он вел дневник, который был опубликован также на Западе²⁹. Жаль, что имена других советских дипломатов, в том числе и принадлежавших к среднему звену, практически никому не известны. А ведь они тоже были людьми высокопрофессиональными: я имею в виду, прежде всего, Штерна, Бессонова, Виноградова, Гнедина.

Изучая новое документальное издание, можно выявить различия между двумя аппаратами внешнеполитических ведомств — немецким и советским. Однако для меня гораздо более очевидно их сходство, причем не только сходство работы в условиях тоталитарных систем, но и сходство бюрократических аппаратов, функционировавших на транснациональном уровне и потому относительно более устойчивых в столкновении с чрезмерными идеологическими требованиями. Самое трудное — это определить степень независимости внешнеполитического аппарата от руководства государства, от «Инстанции», то есть от Сталина. Конечно, у нас слишком мало документов, чтобы сделать полностью достоверные выводы. Очевидно, что Сталин, по сути, позволял Наркоминделу действовать довольно самостоятельно и лишь иногда занимал более прогерманскую позицию. Однако из документов второго тома следует, что в случае с Канделаки использовалась другая стратегия³⁰.

В заключение очень коротко о подготовке четырехтомного документального издания «Германия и Советский Союз 1933–1941. Документы из российских и германских архивов». К настоящему времени опубликованы первые два тома, которые содержат 1256 преимущественно архивных, впервые введенных в научный оборот документов. В настоящее время идет интенсивная работа над третьим томом, который должен выйти в свет в первой половине 2022 г. Насколько широк будет круг заинтересованных в этом издании историков? Однозначно ответить на такой вопрос, особенно человеку, уже более десяти лет вовлеченному в подготовку этого издания, совсем не просто. Ведь нередко бывает, что интерес распознается и пробуждается лишь со временем. Впрочем, об одном уже сейчас можно говорить с полной уверенностью. Благодаря введению в научный оборот большого массива документов из российских и германских архивов историки разных

²⁹ См.: Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943: в 2 кн. / отв. ред. А.О. Чубарьян; сост. Л.В. Поздеева и др. М.: Наука, 2006. Кн. 1. 1934 — 3 сентября 1939 г.; *Majskij I.M. Memoiren eines sowjetischen Botschafters*. Berlin: Dietz, 1967; *Idem. Die Maiski-Tagebücher: ein Diplomat im Kampf gegen Hitler 1932–1943*. München: C.H. Beck, 2016.

³⁰ См.: Случ С.З. Германия и СССР 1933–1939: от программной установки до тактической уловки // *Славяноведение*. 2019. № 5. С. 37–57.

стран, причем не только специалисты по советско-германским отношениям, смогут проводить исследования по весьма широкому кругу вопросов, связанных с международными отношениями 1930-х — начала 1940-х годов, чрезвычайно важных для понимания причин и механизмов, приведших ко Второй мировой войне.

Литература

- Вульф Д.* О сотрудничестве немецких и советских историков в годы национал-социалистической диктатуры в Германии. Размышления на базе новых документов // Международный диалог историков. Россия и Германия: опыт межкультурного взаимодействия. 1990–2020: материалы Международной научной конференции (г. Липецк, 24–25 окт. 2019 г.) / отв. ред. Н.Э. Вашкау. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 76–93.
- Ватлин А.Ю.* Германская дипломатия и «немецкая операция» НКВД 1936–1938 годов // Российская история. 2013. № 1. С. 180–204.
- Дюллен С.* Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2009.
- Роцин А.* НКВД в 30-е годы // Дипломатический ежегодник / под ред. С.К. Романовского. М.: Международные отношения, 1995. С. 195–212.
- Сизоненко А.И.* Полпред СССР Я.З. Суриц // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 100–117.
- Слущ С.З.* Германия и СССР 1933–1939: от программной установки до тактической уловки // Славяноведение. 2019. № 5. С. 37–57.
- Соколов В.В.* Н.Н. Крестинский — революционер, дипломат (1883–1938) // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 120–142.
- Соколов В.* Наркоминдел Максим Литвинов // Международная жизнь. 1991. № 4. С. 107–122.
- Соколов В.В.* Трагическая судьба дипломата Г.А. Астахова // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 167–183.
- Соколов В.В.* Деятельность советского посольства в Берлине. 1918–1941 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 102–121.
- Шейнис З.С.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Издательство политической литературы, 1989.
- Das Auswärtige Amt in der NS-Diktatur* / hrsg. von J. Hürter, M. Mayer. Berlin; München: De Gruyter Oldenbourg, 2014.
- Bürgerl M.* Als trotzkistischer Verschwörer an der sowjetischen Botschaft in Berlin: der “Bucharinist” Sergej Bessonov und der dritte Moskauer Schauprozess // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. 2016. S. 57–74.
- Dullin S.* Litvinov and the People’s Commissariat of Foreign Affairs: the Face of an Administration under Stalin, 1930–39 // Russia in the Age of Wars 1914–1945 / ed. by S. Pons, A. Romano. Milano: Feltrinelli, 2000. P. 121–146.
- Ericson III E.E.* Karl Schnurre and the Evolution of Nazi-Soviet Relations, 1936–1941 // German Studies Review. 1998. Vol. XXI. N 2. P. 263–283.
- Graml H.* Bernhard von Bülow und die deutsche Außenpolitik: Hybris und Augenmaß im Auswärtigen Amt. München; Oldenbourg Verlag, 2012.
- Happel J.* Der Ost-Experte: Gustav Hilger — Diplomat im Zeitalter der Extreme. Paderborn: De Gruyter, 2018.

- Kaul N. Die deutsch-sowjetischen Beziehungen im Spiegel der Deutschen Botschaft Moskau 1934 bis 1939: "Es ist hier doch immer der Teufel los!". S.l.: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016.
- Knoll V. Das Volkskommissariat für Auswärtige Angelegenheiten im Prozeß außenpolitischer Entscheidungsfindung in den zwanziger und dreißiger Jahren // Zwischen Tradition und Revolution. Determinanten und Strukturen sowjetischer Außenpolitik / hrsg. von L. Thomas, V. Knoll. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. S. 73–155.
- Kocho-Williams A. Russian and Soviet Diplomacy 1900–39. Houndmills, Basingstoke; New York: Palgrave–McMillan, 2012.
- Lehmkuhl U. Diplomatiegeschichte als internationale Kulturgeschichte: Theoretische Ansätze und empirische Forschung zwischen historischer Kulturwissenschaft und Soziologischem Institutionalismus // Geschichte und Gesellschaft. 2001. H. 4. S. 394–423.
- Linke H.G. Schicksalsgemeinschaft? Die Sowjetunion im politischen Kalkül der deutschen Botschafter in Moskau 1922–1941 // Stürmische Aufbrüche und Enttäuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit / Hrsg. von K. Eimermacher, A. Volpert unter Mitarbeit von G. Bordjugov. München: Wilhelm Fink Verlag, 2006. S. 163–208.
- Lüdicke L. Constantin von Neurath. Eine politische Biographie. Paderborn: Ferdinand Schöningh GmbH, 2014.
- Schmidt-Klügmann A. Bernhard Wilhelm von Bülow (1885–1936). Eine politische Biographie. Paderborn: Ferdinand Schöningh GmbH; Brill Deutschland, 2020.

References

- Bürgel, M., 2016. Als trotzkistischer Verschwörer an der sowjetischen Botschaft in Berlin: der "Bucharinist" Sergej Bessonov und der dritte Moskauer Schauprozess. *Jahrbuch für historische Kommunismusforschung*, pp. 57–74.
- Dullin, S., 2000. Litvinov and the People's Commissariat of Foreign Affairs: the Face of an Administration under Stalin, 1930–39. In: Pons, S., Romano, A., eds, 2000. *Russia in the Age of Wars 1914–1945*. Milano: Feltrinelli, pp. 121–146.
- Dullin, S., 2009. *Stalin i ego diplomat: Sovetskii Soiuz i Evropa, 1930–1939 gg.* [Stalin and his diplomats: the Soviet Union and Europe 1930–1939] Moscow: ROSSPEN.
- Ericson III, E.E., 1998. Karl Schnurre and the Evolution of Nazi-Soviet Relations, 1936–1941. *German Studies Review*, XXI (2), pp. 263–283.
- Graml, H., 2012. *Bernhard von Bülow und die deutsche Außenpolitik: Hybris und Augenmaß im Auswärtigen Amt*. München: Oldenbourg Verlag.
- Happel, J., 2018. *Der Ost-Experte: Gustav Hilger — Diplomat im Zeitalter der Extreme*. Paderborn: De Gruyter.
- Hürter, J., Mayer, M., eds, 2014. *Das Auswärtige Amt in der NS-Diktatur*. Berlin; München: De Gruyter Oldenbourg.
- Kaul, N., 2016. *Die deutsch-sowjetischen Beziehungen im Spiegel der Deutschen Botschaft Moskau 1934 bis 1939: "Es ist hier doch immer der Teufel los!"*. S. l.: CreateSpace Independent Publishing Platform.
- Knoll, V., 2000. Das Volkskommissariat für Auswärtige Angelegenheiten im Prozeß außenpolitischer Entscheidungsfindung in den zwanziger und dreißiger Jahren. In: Thomas, L., Knoll, V., eds, 2000. *Zwischen Tradition und Revolution. Determinanten und Strukturen sowjetischer Außenpolitik*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, pp. 73–155.

- Kocho-Williams, A., 2012. *Russian and Soviet Diplomacy 1900–39*. Houndmills, Basingstoke; New York: Palgrave–McMillan.
- Lehmkuhl, U., 2001. Diplomatiegeschichte als internationale Kulturgeschichte: Theoretische Ansätze und empirische Forschung zwischen historischer Kulturwissenschaft und Soziologischem Institutionalismus. *Geschichte und Gesellschaft*, 4, pp. 394–423.
- Linke, H.G., 2006. Schicksalsgemeinschaft? Die Sowjetunion im politischen Kalkül der deutschen Botschafter in Moskau 1922–1941. In: Eimermacher, K., Volpert, A., Bordjugov, G., eds, 2006. *Stürmische Aufbrüche und Enttäuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit*. München: Wilhelm Fink Verlag, pp. 163–208.
- Lüdicke, L., 2014. *Constantin von Neurath. Eine politische Biographie*. Paderborn: Ferdinand Schöningh GmbH.
- Roshchin, A., 1995. NKID v 30-e gody [The NKID in the 1930s]. In: *Diplomaticheskii ezhegodnik* [Diplomatic Yearbook]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, pp. 195–212.
- Schmidt-Klügmann, A., 2020. *Bernhard Wilhelm von Bülow (1885–1936). Eine politische Biographie*. Paderborn: Ferdinand Schöningh GmbH; Brill Deutschland.
- Sheinis, Z.S., 1989. *Maksim Maksimovich Litvinov: revoliutsioner, diplomat, chelovek* [Maksim Maksimovich Litvinov: a revolutionary, diplomat and man]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury.
- Sizonenko, A.I., 1991. Polpred SSSR Ia.Z. Surits [The USSR Minister Ia.Z. Suritz]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 3, pp. 100–117.
- Sluch, S.Z., 2019. Germaniia i SSSR 1933–1939: ot programmnoi ustanovki do takicheskoi ulovki [Germany and the USSR in 1933–1939: from a programme statement to a tactical trick]. *Slavianovedenie*, 5, pp. 37–57.
- Sokolov, V., 1991. Narkomindel Maksim Litvinov [People's Commissar of Foreign Affairs Maksim Litvinov]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 4, pp. 107–122.
- Sokolov, V.V., 1989. N.N. Krestinskii — revoliutsioner, diplomat (1883–1938) [N.N. Krestinskii — a revolutionary and diplomat]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 5, pp. 120–142.
- Sokolov, V.V., 2006. Deiatel'nost' sovetskogo posol'stva v Berline. 1918–1941 gody [Activity of the Soviet embassy in Berlin 1918–1941]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2, pp. 102–121.
- Sokolov, V.V., 1997. Tragicheskaiia sud'ba diplomata G.A. Astakhova [The tragic destiny of the diplomat G. Astakhov]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 1, pp. 167–183.
- Vatlin, A.Iu., 2013. Germanskaia diplomatiia i “nemetskaia operatsiia” NKVD 1936–1938 godov [German diplomacy and the “German operation” of the NKVD in 1936–1938]. *Rossiiskaia istoriia*, 1, pp. 180–204.
- Vul'f, D., 2019. O sotrudnichestve nemetskikh i sovetskikh istorikov v gody natsional-sotsialisticheskoi diktatury v Germanii. Razmyshleniia na baze novykh dokumentov [On the cooperation of German and Russian historians in the years of national-socialist dictatorship in Germany. Reflections on the basis of new documents]. In: Vashkau, N.E., ed., 2019. *Mezhdunarodnyi dialog istorikov. Rossiia i Germaniia: opyt mezhkul'turnogo vzaimodeistviia. 1990–2020: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Lipetsk, 24–25 okt. 2019 g.)* [International dialogue of historians. Russia and Germany: experience of intercultural interaction. 1990–2020: proceedings of the international scientific conference (Lipetsk, October 24–25, 2019)]. Lipetsk: LGPU imeni P.P. Semenova-Tian-Shanskogo, pp. 76–93.

АРЕСТ И СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД КАРДИНАЛОМ ЙОЖЕФОМ МИНДСЕНТИ В 1948–1949 ГГ. ЧАСТЬ 1. «ОН ХОЧЕТ СТАТЬ МУЧЕНИКОМ, НО Я НЕ ОКАЖУ ЕМУ ЭТОЙ ЛЮБЕЗНОСТИ»

Маргит Балог —

доктор Венгерской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт истории
Центра гуманитарных исследований
Почтовый адрес: Тот Калман у., 4,
Будапешт, 1097, Венгрия
Электронный адрес: balogh.margit@btk.mta.hu

Аннотация

После Второй мировой войны в Венгрии началась борьба за власть между противниками и сторонниками советской модели общественного развития. В этих условиях единственным независимым институтом оставалась католическая церковь во главе с Эстергомским архиепископом кардиналом Йожефом Миндсенти. Статья посвящена политическому процессу против клирика и показательному суду над ним. 26 декабря 1948 г. князь-примас венгерской католической церкви был арестован по обвинению в государственной измене, подготовке переворота, направленного на свержение республиканского строя, шпионаже и валютных спекуляциях, что является шаблонными обвинениями неудобных в тоталитарных режимах. Все по делу Миндсенти проходило семеро фигурантов, которых можно разделить на три группы: «заговорщики-легитимисты», «предатели-шпионы» и «спекулянты иностранной валютой», обвиненные в финансировании заговора. Мировая общественность с ужасом узнала о взятии под стражу венгерского примаса. Святой престол потребовал от католиков строжайшей дисциплины, запретив вести любые переговоры с венгерским правительством. Сразу после ареста начались допросы кардинала. Вначале он был тверд духом. Более поздние протоколы, однако, свидетельствуют о применении методов воздействия, практиковавшихся Управлением государственной безопасности: тексты подвергались серьезной редакции и пестрят самоговорами. Статья основана на документах из фондов Венгерского национального архива, Исторического архива венгерских спецслужб, Архива примаса (Эстергом), Архива внешней политики Российской Федерации, Национального управления архивов и документации (США) и др.

Ключевые слова

Арест венгерского кардинала, дипломатия, коронация, свержение республиканского строя, мученичество, народный суд, заговор, политические партии в Венгрии, политическая полиция, пропаганда, римско-католическая партия в Венгрии, показательный процесс, папа римский Пий XII, Святой престол

Статья поступила в редакцию 19 февраля 2020 г.

Цитирование: *Балог М.* Арест и судебный процесс над кардиналом Йожефом Миндсенти в 1948–1949 гг. Часть 1. «Он хочет стать мучеником, но я не окажу ему этой любезности» // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 73–88.

ARREST AND CONVICTION OF CARDINAL JÓZSEF MINDSZENTY 1948–1949. PART 1. “HE WANTS TO BE A MARTYR, BUT I WOULD NOT DO HIM THIS FAVOUR”

Margit Balogh,

Doctor of the HAS,
Chief Leading
Researcher Institute of History,
Centre for the Humanities
Postal address: Tóth Kálmán u., 4,
Budapest 1097 Hungary
E-mail: balogh.margit@btk.mta.hu

Abstract

As a result of the intense political struggle after the Second World War, the Catholic Church, led by Cardinal József Mindszenty, Archbishop of Esztergom, remained the only independent institution in Hungary. This study deals with the political process against Mindszenty and his show-trial. On 26 December 1948, Cardinal Mindszenty was taken into police custody, having been accused of treachery, espionage, foreign currency manipulation, and conspiring to overthrow the republic. All of these charges were stereotypical accusations made by totalitarian regimes. There were seven defendants in the Mindszenty case, comprising three groups: “legitimist conspirators”, “traitorous spies”, and the “foreign currency speculators”, who were the alleged financiers of the conspiracy. The world was shocked to hear of the arrest of the Hungarian primate, Cardinal Mindszenty. The Holy See imposed the gravest discipline on Catholics. Mindszenty was interrogated immediately after his arrest. He initially stood firm. The subsequent interrogation records clearly reflect, however, the methods of the State Protection Authority: a series of self-accusatory and factitious sentences are to be found in the manipulated texts. This article is based on documents held by the Hungarian National Archives, the Historical Archives of the State Security Services, the Esztergom Primate Archives, the Archives of Foreign Policy of the Russian Federation, the National Archives and Records Administration (USA), and others.

Keywords

Arrest of a Hungarian Cardinal, conspiracy, coronation, diplomacy, Holy See, martyrdom, overthrow the republic, people’s court, political parties in Hungary, political police, Pope Pius XII, propaganda, Roman Catholic Church in Hungary, show trial

Received 19 February 2020.

How to cite: Balogh, M., 2020. Arest i sudebnyi protsess nad kardinalom Iozhefom Mindsenti v 1948–1949 gg. Chast’ 1. “On khochet stat’ muchenikom, no ia ne okazhu emu etoi liubeznosti” [Arrest and Conviction of Cardinal József Mindszenty 1948–1949. Part 1. “He wants to be a martyr, but I would not do him this favour”]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 73–88.

В XVI в. солдаты Франсиско Писарро, оккупировавшие империю инков, приговорили ее последнего правителя Атауальпу к сожжению на костре. Но когда тот согласился перед казнью принять крещение, из милости его задушили. В XVII в. маньчжуры завоевали Китай и для упрочения своей власти отстранили китайцев от руководящих должностей. Отстоявшая от них на несколько тысяч километров Османская империя была терпимее: тот, кто приносил клятву верности султану и переходил в ислам, мог рассчитывать на безбедное существование и карьеру. В истории не редкость, когда победитель просто сметает с пути побежденных или, правильно понимая свой интерес, позволяет, чтобы побежденные поклонялись его богам.

* * *

Арест кардинала Йозефа Миндсенти (1892–1975) и показательный процесс над ним в 1949 г. вызвали широчайший резонанс, о чем свидетельствуют журналистские репортажи, дипломатическая корреспонденция из Будапешта и воспоминания венгерских эмигрантов. Я посвятила более 20 лет написанию биографии Й. Миндсенти на основании ранее не использовавшихся источников из венгерских и зарубежных архивов. В статье предпринята реконструкция короткого, но крайне важного эпизода в его жизни. Помимо воссоздания героической борьбы кардинала, в статье развенчиваются некоторые популярные заблуждения, например, что процесс был инициирован советским руководством, или что Миндсенти последовательно выступал против переговоров между государством и церковью. В первой части статьи говорится о событиях, предшествовавших аресту, и времени, проведенном в заключении; во второй части рассказывается о двух судебных слушаниях и затянувшемся на полгода ожидании вынесения приговора, а также рисуется психоэмоциональный портрет примаса Римско-католической церкви Венгрии, именовавшего себя «самым ничтожным узником в стране».

В Венгрии, оказавшейся в сфере интересов СССР, рвавшиеся к власти левые силы были в более трудном положении, чем когда-то конкистадоры, маньчжуры или османы, поскольку у них не было своей военной базы, и они могли лишь постепенно усиливать влияние в государственных силовых органах. К тому же вхождение Венгрии в сферу интересов СССР было закреплено в международных соглашениях. Под его влиянием в Венгрии к 1948 г. постепенно избавились от большинства элементов буржуазного порядка. Лишь один духовный оплот и социальный институт не удалось уничтожить и покорить: религию и церковь¹.

¹ На русском языке см.: *Стыкалин А.С. Кардинал Миндсенти на политической арене Венгрии (1945–1956 гг.) // Государство и церковь в XX веке. Эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 288–313; Белякова Н.А.*

Йозеф Миндсенти начиная с того момента, когда 2 октября 1945 г. папа Пий XII поставил его во главе Римско-католической церкви Венгрии, делал всё от него зависящее, чтобы противостоять советизации и приходу к власти коммунистов-атеистов. Кардинал был твердо привержен своим убеждениям, исторической конституции, и ни мнение церковной оппозиции, ни собственные размышления о том, к каким последствиям для церкви это может привести, не могли поколебать его решимости. Запуганное общество со временем увидело «того, вокруг кого могут объединиться все венгры, кто близко к сердцу принимает восстановление страны, лежащей в скорбных руинах»². Характер, решительность и высокий пост выдвинули его на роль вождя оппозиции. Йозеф Миндсенти — как кардинал и Эстергомский архиепископ — не мог избежать predetermined, порой не совсем подходящей ему роли, и находясь во главе церкви, готовясь к мученичеству, он принял вызов³. Это был вопрос времени: когда первосвященника, вышедшего на битву после битвы, настигнет низведенное до инструмента партийной политики «правосудие».

СЦЕНАРИИ ЛИШЕНИЯ САНА

Когда в феврале 1948 г. заместитель председателя правительства, глава венгерских коммунистов Матяш Ракоши находился в Москве по случаю подписания советско-венгерского экономического соглашения, он заявил советским товарищам, что без труда найдет «хороших психиатров, которые признают Миндсенти душевнобольным»⁴. Иными словами, вопрос был не в том, нужно ли устранять Миндсенти с поста предстоятеля Римско-католической церкви Венгрии, но — каким образом. Ряд моментов указывает на то, что самого Ракоши устроило бы «более безболезненное» решение. Он часто повторял, что Миндсенти любой ценой «хочет стать мучеником, но я не окажу ему этой любезности, сделать из себя мученика»⁵. Посол

Кардинал Миндсенти — «неудобная» фигура в комбинациях холодной войны. Рец.: Balogh, Margit (2014) *Kardinal Josef Mindszenty. Ein Leben zwischen kommunistischen Diktatur und kaltem Krieg*. Berlins Osteuropa Zentrum Berlin-Verlag, 2014. 672 S. // Государство — религия — церковь. 2017. № 1 (35). С. 322–333; Балог М. Между лояльностью и оппозиционностью: венгерская католическая церковь в «ловушке» церковной политики Яноша Кадача // Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX в. / отв. ред. Г.П. Мурашко, А.И. Филимонова. М.: Нестор-История, 2014. С. 294–318.

² PL. Processus Josephi Card. Mindszenty — Mindszenty periratok (далее — Processus) 2. doboz (далее — d.). V-700/11. Fol. 39.

³ Klimó A., von. Catholic identity in Hungary: The Mindszenty case // *Hungarian Studies*. 2010. Vol. 24. N 2. P. 189–213.

⁴ Краткая запись беседы М.А. Суслова с М. Ракоши о положении в Венгрии и в компартии страны. 19 февраля 1948 г. // Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. В 2 т. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. I. 1944–1948 / сост.: Н.В. Барина, Т.В. Волокитина, Т.М. Исламов и др. С. 761–762 (Док. № 259).

⁵ Pünkösti Á. Rákosi a csúcson, 1948–1953. Budapest: Európa Könyvkiadó, 1996. 76–77. old.

Венгрии в Париже Михай Каройи, который, по собственным признаниям, был равнодушен к делам католической церкви, призывал к осторожности и в одном из майских донесений цитировал многозначительный ответ советского посла в Париже А.Е. Богомолова на провокационный вопрос, может ли венгерское правительство арестовать Миндсенти: тот «лишь отрицательно покачал головой, но не проронил ни слова»⁶. Удивительно, но официальная позиция Москвы не поменялась и к осени. Посол в Будапеште Г.М. Пушкин лично заявил Ракоши, что не нужно спешить с устранением Миндсенти, не следует вступать в переговоры и заключать соглашения с церковью⁷. Очевидно, не стала секретом инициатива кабинета Ракоши связаться через Эгерского архиепископа Дюлю Цапика со Святым престолом, чтобы как-то решить будущее Миндсенти⁸. Но выяснилось, что в затруднительной ситуации Рим отправит в Венгрию папского нунция. Таким образом, раз, по мнению правительства, разжигаемую истерию нельзя было остановить мирными методами, в его арсенале остались только насильственные.

На партийной конференции 3 ноября 1948 г. Матяш Ракоши объявил о начале войны: «Демократия из оборонительной позиции переходит к решительному наступлению на католическую церковь. <...> Священников, политизирующих с кафедры, отправляют прямо в лагеря для перемещенных лиц, в тюрьмы»⁹. Запрет, увольнение, тюремное заключение стали ключевыми понятиями новой стратегии. Это была публичная речь, произнесенная перед узким кругом лиц. Тем временем политическая полиция подготовила личное дело Миндсенти — сведения о его выступлениях, письмах, прошлом. На одной из папок глава политической полиции Г. Петер написал характерным каллиграфическим почерком следующие слова: «Товарищ Ракоши, я подчеркнул те строки, на основании которых (когда придет время) можно будет привлечь Миндсенти к уголовной ответственности»¹⁰. Осенью 1948 г. началось новое наступление на церковь и Миндсенти: бесконечные демонстрации, газетные статьи, «разоблачения»; на рабочих местах и за школьной партой заполнялись «анкеты бдительности» и звучали требования найти управу на кардинала. Примас попал на страницы сатирического еженедельника, в котором высмеивали и пузатого буржуа,

⁶ М. Каройи — М. Ракоши, Париж, 31 мая 1948 г. // PIL. 274. f. 10/10. ő. e. 28-29. old. Опубликовано в: Károlyi Mihály levelezése. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2003. V. köt. 1945-1949 / szerk. T. Hajdu. 534. old.

⁷ Донесение посла Г.М. Пушкина о беседе с Михаем Фаркашем 14 октября 1949 г., Будапешт // АВП РФ. Ф. 077. Референтура по Венгрии. Оп. 28. П. 125. Д. 6. Л. 100.

⁸ Rákosi M. Visszaemlékezések 1940-1956. Budapest: Napvilág, 1997. I. köt. 513-515. old.

⁹ Секретное донесение кардиналу от участника партийного совещания, обнаруженное в доме Миндсенти при обыске // ÁBTL. 3.1.9. V-700/11. 8-9. old.

¹⁰ Подготовительные материалы к суду над Миндсенти, 18 октября 1945 г. — 20 мая 1948 г. // PIL. 274. f. 248. ő. e. 172. old.

и не менее коррумпентного, прячущего под сутаной оружие «клерикального реакционера». Прогрессисты левого толка опустили до сектантского фанатизма, пропагандой заправляла примитивная демагогия. Но здесь вступило в действие правило бумеранга: население стало высмеивать пошлую кампанию, сводки о состоянии общественных настроений вместо роста ненависти к примасу фиксировали усиление чувства уважения, и эти чувства разделяли некаатолики и атеисты.

УВЕРТЮРА

Первую проверку на прочность пришлось пройти секретарю примаса Андрашу Закару. 19 ноября 1948 г. прямо на улице, по дороге с заутрени во дворец примаса, его схватили сотрудники госбезопасности. Накануне ночью у него побывал американский дипломат венгерского происхождения Стивен Эндрю Коцак, который лишь двадцать лет спустя решился назвать подлинную цель визита: он пытался уговорить секретаря бежать вместе с кардиналом¹¹.

А. Закар поначалу отказывался давать показания, но через пару дней сделал первое пробное компрометирующее признание о политических намерениях и шагах Миндсенти¹². Затем Г. Петер, в очередной раз продемонстрировав высокий класс «ручного управления», запросил у Ракоши инструкции: «В каком направлении и как далеко идти дальше?»¹³. Направление в тот же день указал обыск во дворце примаса и ряд арестов потенциальных обвиняемых. 13 декабря был готов окончательный вариант признательных показаний Закара: этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы составить обвинительное заключение. Узнав об этом, министр иностранных дел Ласло Райк немедленно отменил только-только начавшееся в Риме дипломатическое зондирование¹⁴.

Итак, судьба Миндсенти была решена: о сделке не могло быть и речи, только полное уничтожение. Не хватало лишь одобрения Москвы. Без этого даже Ракоши не решился бы на арест пользовавшегося, как представитель Ватикана, дипломатической неприкосновенностью Миндсенти.

¹¹ Об этом говорится в дневнике главы венгерских пиаристов Винце Томека (1892–1986), запись от 10 октября 1971 г. Дневник хранится в центральном архиве ордена в Риме. В работе над статьей была использована копия документа, любезно предоставленная монахом ордена францисканцев Кальманом Перегрином.

¹² Протокол допроса А. Закара, 19 ноября и 22 ноября 1948 г. // ÁBTL. 3.1.9. V-700/2. 120–130. old. Замечу, что готовность Закара к сотрудничеству объясняется полученным им от кардинала освобождением от сохранения служебной тайны.

¹³ MNL OL. M-KS 276. f. 67/215. ő. e., kézirásos feljegyzés. Fol. 20/a.

¹⁴ «Венгерское Министерство внутренних дел получило сведения, которые не позволяют и в дальнейшем проводить в отношении Йозефа Миндсенти прежнюю корректную и выжидательную политику». Л. Райк, министр иностранных дел — Л. Величу, послу в Риме, Будапешт, 14 декабря 1948 г. // MNL OL. XIX-J-1-j-IV-14-15. főszám/1948. Vatikán TÜK-iratok.

Ракоши попросился на прием к Сталину, что можно назвать событием исключительной важности: в 1946–1949 гг. он встречался с генералиссимусом ровно пять раз. О том, как это происходило, не известно почти ничего, но с уверенностью можно сказать, что в ночь с 16 на 17 декабря 1948 г., с 22 ч. 5 мин. до 1 ч. 15 мин. Ракоши находился в Кремле и большую часть времени провел в приемной генсека. Когда же дверь кабинета от силы на 15 минут для него приоткрылась, Сталин принял его в обществе трех румынских политиков. Именно тогда Ракоши мог задать волновавший его вопрос: можно ли подвергнуть кардинала тюремному заключению? Сталин не любил отдавать приказы при свидетелях. Скорее, он великодушно предоставил самому Ракоши право поступить так, как тот считал нужным. Можно предположить, что Сталина мало волновал вопрос жизни или смерти какого-то венгерского священника: в глазах православных католицизм был хуже язычества, о чем он помнил со времен обучения в духовной семинарии. В этом его могла поддержать и румынская делегация: Георгиу-Дежу доставляла немало неудобств оппозиция католического клира его коммунистическим преобразованиям.

По возвращении из Москвы у Ракоши не оставалось ни малейших сомнений. 23 декабря был проведен обыск в Эстергоме. Секретарь примаса Закар отвел полицейских в подвал резиденции и показал им футляр с «секретным архивом», который они вместе с Миндсенти закопали 27 октября. «Разоблачительная» фотография с находкой обошла мир: долговязый худой священник (Андраш Закар) вместе с другим, коренастым (Янош Фабиан) указывают на металлический футляр, который в лучшие времена служил для хранения карт. Долгое время считалось, что это подделка, но сегодня доподлинно известно, что и футляр, и документы в нем действительно существовали. Закар не сжег компрометирующие бумаги, только из осторожности в конце писем ножницами вырезал имена отправителей. Оловянный футляр как вещественное доказательство вины хранили до осени 1956 г., затем в образовательных целях передали в Школу следователей им. О. Корвина, для использования в качестве наглядного пособия¹⁵.

Тем временем Йозеф Миндсенти со стоическим спокойствием готовился к неизбежному. Доверенным лицам он передал знаменитое письмо, которое следовало вскрыть в случае его ареста: «Nullius conspirationis particeps fui et sum. [Не был и не являюсь участником каких-либо заговоров.] Ни о каком отречении, расписках и пр. не может быть и речи. Если об этом говорят, это либо клевета, либо из-за невыносимого для человека насилия заведомо не имеет юридической силы»¹⁶. Он был тверд духом, но не был готов к тому, что с ним случится в ближайшее время.

¹⁵ ÁBTL 3.1.9. V-700/7.2. kötet. B.II.461/1950. sz. végzés, Budapest, 1952. október 23.

¹⁶ PL. Processus. 1. d. V-700/1. Fol. 271. Mindszenty József kéziratoss feljegyzése, k. n. Письмо попало в посольство США в Будапеште, оттуда — к английским дипломатам, которые немедленно переправили его в Лондон.

АРЕСТ

Левые «решили» вопрос силой: после дипломатических и политических колебаний 26 декабря 1948 г., во второй день Рождества, в 6 ч. вечера по обвинению в 1) предательстве, 2) действиях, направленных на уничтожение республики, 3) шпионаже и 4) валютных спекуляциях, этом шаблонном наборе обвинений, используемых тоталитарными режимами, Йозеф Миндсенти, кардинал Святой римско-католической церкви, венгерский примас, Эстергомский архиепископ был подвергнут полицейскому аресту. Дату выбрал лично Матяш Ракоши, без согласования с членами Совета министров. После заседания 23 декабря 1948 г. правительство в следующий раз собралось только 31 декабря. Заседание началось с того, что Ракоши поздравил с 50-летием председателя Совета министров Иштвана Доби — «простого сына своего народа». Только после этого министр внутренних дел Янош Кадар проинформировал об аресте Миндсенти¹⁷.

В период между 19 ноября 1948 г. и серединой января следующего года вместе с примасом были арестованы 20 человек¹⁸. В январе Управление государственной безопасности провело «отбор фигурантов»: в конце концов по делу Миндсенти обвинения были предъявлены семерым. Их можно разделить на три группы (по формальным основаниям для ареста): «заговорщиков-легитимистов» (Юстин Бараняи, Андраш Закар), «шпионов — предателей родины» (Бела Ишпанки, Ласло Тот) и «валютчиков», спонсировавших заговор (Пал Эстерхази¹⁹, Миклош Надь). Все три группы объединяла фигура примаса как руководителя заговора. Из этих семи пятеро были рукоположенными священниками, но появляться на слушаниях в белом священническом воротничке позволили только Миндсенти и его секретарю. Из светских лиц Пал Эстерхази был крупным землевладельцем, а Ласло Тот — журналистом. «Остальные» 13 человек выступали «только» свидетелями по делу; позднее, как это нередко происходило в 1950-е годы при отправлении правосудия, они признали вину в менее масштабных судебных делах.

В мире арест предстоятеля Римско-католической церкви Венгрии вызвал волну возмущения. Информационные агентства передавали нескончаемый поток правдивых и ложных новостей. Реакция Святого престола была самой резкой: с 28 декабря 1948 г. все, кто «поднял руку на Его Преосвя-

¹⁷ Протокол заседания Совета министров, 31 декабря 1948 г. // MNL OL XIX-A-83-a/270. sz. Fol. 2.

¹⁸ A Mindszenty-per / szerk. J. Gergely, L. Izsák. Budapest: Reform Rt., 1989; Mindszenty József emlékezete / szerk. J. Török. Budapest: Márton Áron Kiadó, 1995 (Studia Theologica Budapestinensia. Vol. 13); Kahler F. A főcsapás iránya: Esztergom. Mindszenty bíboros pere. Budapest: Magyarországi Mindszenty Alapítvány, 1998.

¹⁹ Gergely J. Fürst Pál Esterházy im Mindszenty-Prozess // Paul Esterházy, 1901–1989: Ein Leben im Zeitalter der Extreme / hrsg. von S.A. Lütgenau, Innsbruck; Vienna; Bozen: Studien Verlag, 2005. S. 85–131.

шенство кардинала Римской церкви, Эстергомского архиепископа Йожефа Миндсенти», отлучался от церкви²⁰. Всего за нескольких дней канцелярия папы Пия XII оказалась завалена телеграммами: архиепископы и епископы, тысячи верующих и священников выражали сочувствие и возмущение. У венгерских дипломатических представительств собирались толпы протестующих. По сути, случившееся одобряла только международная коммунистическая пресса. В Венгрии мирное рождественское настроение сменилось возмущением. В прессе появился ряд не просто гнусных, но полных ненависти статей. Авторы не жалели эпитетов, изо дня в день кардинала клеймили как «труса», «мерзавца», «червяка», «безумца», «преступника» и пр.; самым хлестким, возможно, был ярлык «проповедника смерти»²¹. Красноречиво молчали только католические средства массовой информации.

В сводках правительству о состоянии общественного мнения говорилось о смешанных чувствах отчаяния и возмущения, бессилия и ужаса. То здесь, то там Миндсенти называли мучеником. Безудержная демагогия, помноженная на страх, давала двойной эффект. Даже если толпа не кричала «Распни его!», то в обстановке ледящего душу страха и потоков лжи нашлись католические священники и верующие, которые начали вести себя «по-умному». Конференция епископов не выступила открыто против ареста примаса, хотя паства ждала хотя бы одного публичного молебна или письма протеста. И пастыри, и паства, по понятным причинам, испугались.

39 ДНЕЙ СЛЕДСТВИЯ В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ

Общественное мнение не всколыхнулось даже тогда, когда в Будапеште, в доме 60 на проспекте Андраши, в знаковом месте политического террора²², полным ходом началось следствие по делу кардинала под руководством подполковника Дюлы Дечи в полном соответствии с инструкциями, полученными от Ракоши²³.

На основании материалов из 70 толстых папок, подготовленных в ходе расследования, события можно восстановить с точностью до дня. Сразу после ареста Миндсенти допрашивали с 23 ч. до рассвета следующего дня. О том, что произошло, можно лишь догадываться по полным драматизма словам из протокола: «Я подвергся великому унижению, самому сильному в моей жизни, и, послушайте, каким голосом со мной говорили во время

²⁰ Documents Pontificaux de Sa Sainteté Pie XII 1948 / réunis et présentés par R. Kothen. Paris; Louvain: Lebargerie-Warny, 1950. P. 464–465.

²¹ A halál prédikátora // Szabad Nép. 1948. 17 X. 6. évf. 240. sz. 5. old.

²² В 1940 г. Партия «скрещенные стрелы» устроила в здании штаб-квартиру, в феврале 1945 г. в него въехала новая политическая полиция. В подвальном этаже была оборудована тюрьма. С 2002 г. здесь действует Музей «Дом террора» (*Terror Háza Múzeum*).

²³ Ракоши писал в «Воспоминаниях», что регулярно получал от главы Управления государственной безопасности Г. Петера протоколы допросов Миндсенти. См.: *Rákosi M. Visszaemlékezések 1940–1956*. 712. old.

допроса, и что происходило в соседней комнате, мне нелегко дались самообладание и какая-никакая готовность к продолжению разговора... Эта унижительная, грязная речь, которой я стал свидетелем, глубоко удручает, что культурные венгерские полицейские могут так грубо выражаться. <...> Они не могут быть вежливыми с иерархом церкви, с кардиналом, одним из 51-го во всём мире, и венгерскую полицию не смущает такое поведение»²⁴. Возмущение Миндсенти относилось не к избиениям, но к грубому и унижительному обращению. На фоне охранников-хамов руководивший расследованием Д. Дечи был сама вежливость. Он называл Йозефа Миндсенти исключительно князем-примасом, допрос именовал «разговором», как если бы речь не шла о серьёзном преступлении. Миндсенти на вопросы отвечал осторожно, лаконично, не называя имен, часто говорил «не помню». Какие бы мысли ни приходили ему в голову в холодной тюремной камере, он, должно быть, удивлялся, что о нем известно гораздо больше, чем он когда-либо мог предположить.

За доброжелательным разговором последовала настоящая УГБ-шная, безжалостная ночь. Чего не добились ласковым словом, решили выбить дубинкой. «Я не хотел подписывать протокол, потому что на бумаге были не мои признания, а это уже, простите, фальсификация. <...> Меня увели в соседнюю комнату и там, извольте, майор бил меня резиновой дубинкой, полуголого, и когда я уже не мог терпеть, понимаете, забрался (под стол. — М. Б.)»²⁵, — рассказал примас адвокату об обстоятельствах составления протокола несколько недель спустя. Так был составлен первый протокол, все три страницы которого Миндсенти собственноручно подписал²⁶. Третья подпись искажена до неузнаваемости, как будто его терзала боль, ему стало плохо или он потерял сознание, и имя соскакивает на самый край страницы. И всё-таки ему хватило сил к каждой подписи добавить две буквы: с. f.

Матяш Ракоши, которого больше всего бесило, что Миндсенти через два дня после ареста подал прошение об обжаловании решения о предварительном аресте, обратил внимание на необычную подпись. Г. Петер на вопрос о значении букв только и смог ответить, что это «какая-то религиозная ерунда». Но Ракоши возразил: «Нет, это не религиозная ерунда, это значит “ни слова правды”»²⁷. Действительно, буквы «с. f.» означали не что

²⁴ Расшифровка стенограммы допроса Миндсенти, вечер 27 декабря 1948 г. // ÁBTL 3.1.9. V-700/5. Fol. 21-22. Следует отметить, что в то время число кардиналов составляло 70 человек. Однако при Пие XII 15 кардинальских шапок были вакантны, а некоторые в этот период скончались.

²⁵ Вторая беседа кардинала Йозефа Миндсенти с адвокатом, д-ром Кальманом Кицко, Будапешт, 28 января 1949 г. // ÁBTL 3.1.9. V-700/5. Fol. 136-138.

²⁶ Сфабрикованный протокол допроса, Будапешт, 27 декабря 1948 г. // PL. Processus, 1. d. V-700/1. Fol. 19-20.

²⁷ Рукопись Г. Петера «Mi az igazság?» («Что есть истина»), 10 июля 1956 г. // MNL OL M-KS 288. f. 9/1962/51b. 27. old.

иное, как «coactus feci», или «сделал под принуждением». Наказанием священнику стала резиновая дубинка²⁸. Впоследствии кардинал крайне редко говорил о деталях физических наказаний. В 1960 г., подавленный известием о кончине матери, он признался одному французскому журналисту, что «часто пускалась в ход “matraque” (резиновая дубинка. — М. Б.), и ему пришлось перенести самые разные формы телесных наказаний; взгляд кардинала мрачнеет, когда он вспоминает о невыносимых страданиях, которым его подверг мастер пыток — майор УГБ, допрашивавший с пристрастием с 10 час. вечера до 5 час. утра. К тому же, допросы проходили круглосуточно. Его лишили сна и отдыха (тюремщики были негодяями, они намеренно унижали, мучали и калечили кардинала). Поскольку он опасался, как бы ему не дали наркотического вещества, то в течение 13 дней не принимал пищу, что только усугубило телесную слабость. Ко всему прочему, он не мог принимать лекарства от базедовой болезни (гипертиреоза), от которой давно страдал, поскольку к нему не допускали лечащего врача. Могло случиться так, что перед судом предстала бы человеческая развалина»²⁹.

Новые протоколы допросов от 5, 9 и 11 января 1949 г. уже соответствовали методам УГБ: страницы пестрят самооговорами, общий тон — очень осторожный. Но Ракоши был недоволен на скорую руку составленными следственными материалами, по его мнению, «политику крайне затрудняет работа людей, не имеющих представления о государственной безопасности»³⁰. В конце концов, он просто продиктовал, чего ждет. В соответствии с полученными инструкциями, протоколы допросов неоднократно дописывались и переписывались. Словами жонглировали до тех пор, пока они не подходили под предъявляемые обвинения. Так невинная встреча превратилась в «секретную сходку», поиск безопасного места для хранения короны стал «возвращением на престол короля». «Проект» сводного протокола полон исправлений, вставок, редакторских правок, и в ряде мест почерк явно не князя-примаса³¹.

²⁸ «Буквы c. f. (coactus feci) означают насилие, тем самым я хотел дать понять, что дал признательные показания под принуждением». См.: Собственноручная записка Й. Миндсенти, Будапешт, 3 января 1949 г. // PL. Processus, 1. d. V-700/1. Fol. 9.

²⁹ Записка советника французского посольства Эдуарда Ютта: интервью с кардиналом Йозефом Миндсенти, 5 февраля 1960 г. // Archives du Ministère des Affaires étrangères, Archives diplomatiques, Série: Europe, 1956–1960, sous-série: Hongrie, dossier: 103. Questions religieuses, juillet 1958 — décembre 1960. P. 221. Копию интервью см.: NARA. RG 84. Foreign Service Posts of the Department of State. Hungary, Budapest, Subject Files Relating to Cardinal Mindszenty 1956–1972, Entry 2691-B, Box 1, Mindszenty-Classified 1960, 570.3 Religion (Mindszenty).

³⁰ Машинописная неподписанная записка // MNL OL M-KS 276. f., 65/356. ö. e. Fol. 39. Замечу, что впоследствии Ракоши был точно так же недоволен результатами допроса в ходе процесса над Л. Райком: «Стучал по столу, что УГБ-шники ничего не понимают, и дело стоит на месте». См.: MNL OL M-KS 288. f. 9/1962-51/a. ö. e. 10. old.

³¹ Проект сводного протокола допроса Й. Миндсенти // PL. Processus, 1. d. V-700/1. Fol. 147-167.

Один из самых важных документов — самообличительное признание, помеченное 11 января. Начало текста, возможно, было надиктовано: неровные буквы словно отражают внутренние душевные терзания. Позднее Миндсенти придумал, как дать об этом знать: стал делать грубые грамматические ошибки в тексте. Абсолютно исключено, чтобы всегда особо внимательный к правописанию, не одно десятилетие писавший и редактировавший тексты ученый иерарх допускал бы такие огрехи (ко всему прочему он «перепутал» дату, когда был назначен князем-примасом). Тем самым он, несомненно, посылал сигнал в будущее. К строптивой уловке, буквам с. f., он больше не прибегал, у него не было других способов дать знать благочестивому читателю: «Не верь глазам своим, ибо то, что ты читаешь, ложь!» В мемуарах, вышедших в свет в 1974 г., Миндсенти прямо назвал эти признания подделкой и назвал имена фальсификаторов: Ласло Шульнер с супругой Ханной Фишхоф. Оба были графологами и 6 февраля 1949 г. — в разгар судебного процесса — сбежали в Австрию³². Достоверная информация об их роли содержится в показаниях, записанных в лагере беженцев и хранящихся в американских архивах³³. После их бегства стало невозможно выдавать за признания, письма и записи Миндсенти те документы, которые на самом деле были подделаны четой графологов. Ласло Шульнер указал на три «доказательства», которые изготовил лично он, что же касается признательных показаний 11 января, заявил, что это *не подделка*, но написано лично примасом. (Ибо если бы документ изготовили он или его жена, в тексте не было бы стольких примитивных ошибок.) По ряду особенностей почерка графолог определенно заявил, что это писал кардинал, но не составило труда доказать, что он писал под давлением. К тому же выводу в 1989 г. пришли специально приглашенные судебные эксперты: «Это рука Миндсенти, но дух ему чужд».

За самооговор Миндсенти был вознагражден: с 13 января он вновь мог служить службы у себя камере³⁴. Разрешение отправлять службу³⁵ — как средство поощрения и наказания — стало формой психологического давления и было направлено на разрушение личности: заключенный — пусть подсознательно — видит, что может удовлетворять свои повседневные духовные потребности только через «товарообмен» (за подпись, за признание). Через пару дней был готов новый протокол допроса. Даже неискушенному

³² *Mindszenty J. Emlékirataim.* Budapest: Helikon Kiadó, 1989. 276. old.

³³ Показания Л. Шульнера и Х. Фишхоф, данные под присягой, Зальцбург, 18 марта 1949 г. // NARA RG 59. General Records of the Department of State. Bureau of European Affairs, Office of Eastern European Affairs, Records Relating to Hungary 1941-1977, Entry A-1(5577), Lot 71 D 313, Box 9, Sulner Case.

³⁴ Запись Й. Миндсенти, 31 марта 1949 г. // PL. Processus, 12. d. V-700/33. Fol. 250.

³⁵ Миндсенти служил службы 30–31 декабря 1948 г., 1 января 1949 г., затем последовал 12-дневный перерыв, и вновь разрешение служить было получено только 13 января. См.: Запись Й. Миндсенти, 31 марта 1949 г. // PL. Processus, 12. d. V-700/33. Fol. 250.

читателю с первого взгляда ясно, что он написан под диктовку: в нем содержатся столь кондовые обороты речи, что вряд ли кто-то написал бы такое по доброй воле, не говоря уже о высокообразованном, посвятившем себя служению Богу иерархе церкви. Каждая страница подписана красноречиво свидетельствующей о его подавленном состоянии, но подлинной подписью.

Миндсенти неустанно искал пути выхода на свободу. Иногда грамотно, иногда бездумно. 29 декабря он опротестовал постановление прокуратуры о своем аресте. Запросил в камеру уголовный кодекс, чтобы подготовиться к слушаниям. Когда прокурор Дюла Алапи 21 января ознакомил его с обвинительным заключением, решительно отрицал виновность: «Я понял инсинуации, виновным себя не признаю»³⁶. Уверенность в себе говорит о ясной голове и внутренней решимости. Но он тут же мог проявить крайнюю степень наивности и принять на веру слова волка в овечьей шкуре: провокатор из УГБ подбивал его на побег, предлагал направить письмо с просьбой о помощи американскому послу. Кардинал не почувствовал подвоха и написал три компрометирующих его письма Селдену Чапину: два 7 января и еще одно 23 января. Сомнений в их подлинности нет, они написаны со всей интеллектуальной мощью Миндсенти, но ему явно изменила способность к трезвому анализу. Он поверил даже тому, что его спасение откладывается, потому что поле, выбранное в качестве взлетной полосы, нужно очистить от кротовых нор, чтобы случайно не сломать шасси... *Оригиналы* всех трех писем осели в следственном деле УГБ, а это значит, что *ни одного* из них провокаторы из УГБ *не передали* сотрудникам американской миссии, точнее *передали, но другие письма*. Из дипломатических донесений известно: человек, назвавшийся тюремным охранником, принес письмо, предположительно написанное Миндсенти, в посольство США³⁷. Весь трюк, точнее ловушка, с побегом преследовал двойную цель — *скомпрометировать и получить доказательства*. В этой системе координат правдивость деталей не имеет значения, потому что факт написания письма сам по себе подтверждает намерение сбежать. На суде Миндсенти не отрицал подлинность писем, но лишь десятилетия спустя рассказал о факте принуждения³⁸.

До судебного процесса оставалось еще две недели, за это время предстояло заставить кардинала открыто признать себя виновным. Какие карты были в руках у политической полиции? В последние недели содержания в предварительном заключении к кардиналу применяли метод кнута и пря-

³⁶ Протокол прокурорского допроса Й. Миндсенти, Будапешт, 21 января 1949 г. // PL. Processus, 1. d. V-700/1. Fol. 169. Копию см.: ÁBTL 3.1.9. V-700/56a. Fol. 36.

³⁷ Донесение посла С. Чапина № 81, 8 февраля 1949 г. // NARA RG 59. General Records of the Department of State. CDF 1945-49, Box 6888, 864.404/2-849. В приложении — листок бумаги с собственноручной припиской Миндсенти: «M. testvér! Sürgösen eljuttatni Ch-hez. +J.» (Сестра М! Срочно передать Ч. +Й.).

³⁸ Gyarmati Gy. A Mindszenty-ügy «diplomáciai» rendezésének kudarca // Történelmi Szemle. 2000. Vol. 42. évf. 1-2. sz. 69-90. old.

ника. Из этого он сделал вывод, что на воле происходят важные события, не исключено, что дело дойдет до освобождения, поэтому-то тюремщики так с ним обращаются. Новостей он не получал, поэтому не знал, что папа римский приказал епископской конференции уклоняться от любых переговоров. Обвинительное заключение, а еще более адвокат его напугали. Появилось чувство, что суд может закончиться вынесением смертного приговора! Разочарование принесло примасу общение с адвокатом, который постоянно сообщал не о проявлениях сочувствия, но об осуждении, в том числе со стороны епископов. Миндсенти с удивлением обнаружил, что остался один, рассчитывать на помощь извне не приходилось. Он пребывал в полной растерянности: бежать, вести переговоры, слушаться, принять унижение или отправиться на виселицу? В нем одновременно зрело сознание мученического призвания главы церкви, приносящего себя в жертву возлюбленному народу, и нарастал страх простого человека, впавшего в отчаяние и ищущего пути спасения. После предательства и разочарования в нем окрепла воля к жизни: защищаться, сделать всё, чтобы выйти из этого судебного процесса победителем — живым. Ведь только живым он мог что-то сделать для церкви и родины. Об этой внутренней борьбе говорят впечатления адвоката К. Кицко: «Его состояние удовлетворительное, но боится смерти и надеется на благоприятный исход»³⁹.

Воспользовавшись отчаянием кардинала, его душевной надломленностью, ему с легкостью устроили новую ловушку. Руководивший следствием Д. Дечи убедил Миндсенти подать прошение на имя министра юстиции Иштвана Риса: признать ошибочность своей церковной политики, предложить «временный» отход от дел и попросить прекращения судебного процесса. С чужих слов, под диктовку, но он написал и подписал прошение. 30 января с пришедшим его исповедовать епископом Миклошем Дудашем он завел разговор о содействии епископской конференции⁴⁰. Кардинал говорил о том, что нарушил государственные законы — растерянный примас в душе постепенно перестроился с борцовского сопротивления на покорное согласие. Накануне начала слушаний в суде, 2 февраля, он попросил главу УГБ об удовлетворении своего «прошения об отходе от дел»⁴¹. Теперь Ракоши играл с узником-примасом, как кошка с мышкой. Он хотел стереть его в порошок, не мог отказать себе в «удовольствии», чтобы Миндсенти перед страной и миром признал себя виновным. Таким образом, об особом отношении не могло быть и речи⁴².

Перевод с венгерского О.В. Хавановой

³⁹ Письмо, подписанное буквой «К», к Маргит Шлахте (той самой «сестре М.»), 1 февраля 1949 г. // Szociális Testvérek Társasága Történeti Irattára, 1241/83.

⁴⁰ Донесение, Будапешт, 30 января 1949 г. Тема: Прощение Миндсенти к правительству // ÁVTI 3.1.9. V-700/49. Fol. 178.

⁴¹ Й. Миндсенти — Г. Петеру, 2 февраля 1949 г. // PL. Processus, 12. d. V-700/33. Fol. 22–23.

⁴² Окончание статьи — в следующем номере журнала (Т. 15. № 3–4).

Список сокращений

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации
 УГБ — Управление государственной безопасности
 ÁBTL — Állambiztonsági Szolgálatok Történeti Levéltára, Budapest
 MNL OL — Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest
 NARA — National Archives and Records Administration, College Park, Maryland
 PIL — Politikatörténeti és Szakszervezeti Levéltár, Budapest
 PL — Prímási Levéltár, Esztergom
 RG — Record Group

Литература

- Балог М.* Между лояльностью и оппозиционностью: венгерская католическая церковь в «ловушке» церковной политики Яноша Кадара // Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX в. / отв. ред. Г.П. Мурашко, А.И. Филимонова. М.: Нестор-История, 2014. С. 294–318.
- Белякова Н.А.* Кардинал Миндсенти — «неудобная» фигура в комбинациях холодной войны. Рец.: Balogh, Margit (2014). Kardinal Josef Mindszenty. Ein Leben zwischen kommunistischen Diktatur und kaltem Krieg. Berlin: Osteuropa Zentrum Berlin-Verlag, 2014. 672 s. // Государство — религия — церковь. 2017. № 1 (35). С. 322–333.
- Стыкалин А.С.* Кардинал Миндсенти на политической арене Венгрии (1945–1956 гг.) // Государство и церковь в XX веке. Эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 288–313.
- A Mindszenty-per / szerk. J. Gergely, L. Izsák.* Budapest: Reform Rt., 1989.
- Balogh M.* Mindszenty József (1892–1975). Budapest: MTA BTK, 2015. 1–2 köt.
- Gergely J.* Fürst Pál Esterházy im Mindszenty-Prozess // Paul Esterházy, 1901–1989: Ein Leben im Zeitalter der Extreme / hrsg. von S.A. Lütgenau, Innsbruck; Vienna; Bozen: Studien Verlag, 2005. S. 85–131.
- Gyarmati Gy.* A Mindszenty-ügy “diplomáciai” rendezésének kudarca // Történelmi Szemle. 2000. 42. évf. 1–2. sz. 69–70. old.
- Kahler F.* A főcsapás iránya: Esztergom. Mindszenty bíboros pere. Budapest: Magyarországi Mindszenty Alapítvány, 1998.
- Klimo A., von.* Catholic identity in Hungary: The Mindszenty case // Hungarian Studies. 2010. Vol. 24. N 2. P. 189–213.
- Püinkösti Á.* Rákosi a csúcson, 1948–1953. Budapest: Európa Könyvkiadó, 1996.

References

- Balogh, M., 2014. Mezhdú loial'nost'iu i oppozitsionnost'iu: vengerskaia katolicheskaia tserkov' v "lovushke" tserkovnoi politiki Ianosha Kadara [Between loyalty and opposition: the Hungarian Catholic Church "trapped" by the church policy of Janosh Kadar]. In: Murashko, G.P., Filimonova, A.I., eds, 2014. *Gosudarstvo i tserkov' v SSSR i stranakh Vostochnoi Evropy v period politicheskikh krizisov vtoroi poloviny XX v.* [The State and the Church in the USSR and Eastern Europe during the period of political crises of the second half of the twentieth century]. Moscow: Nestor-Istoriia, pp. 294–318.
- Balogh, M., 2015. *Mindszenty József (1892–1975)*. Budapest: MTA BTK, 1–2.
- Belyakova, N.A., 2017. Kardinal Mindsenti — "neudobnaia" figura v kombinatsiakh kholodnoi voyny. Rets. [Cardinal Mindsenty as an "uncomfortable" figure in Cold War combinations. Rec.] Balogh, Margit (2014) Kardinal Josef Mindszenty. Ein Leben zwischen kommunistischen Diktatur und kaltem Krieg. Berlin: Osteuropa Zentrum Berlin-Verlag, 2014. 672 s. *Gosudarstvo — religiia — tserkov'*, 1 (35), pp. 322–333.
- Gergely, J., 2005. Fürst Pál Esterházy im Mindszenty-Prozess. In: Lütgenau, S.A., ed., 2005. *Paul Esterházy, 1901–1989: Ein Leben im Zeitalter der Extreme*. Innsbruck; Vienna; Bozen: Studien Verlag, pp. 85–131.
- Gergely, J., Izsák, L., eds, 1989. *A Mindszenty-per*. Budapest: Reform Rt.
- Gyarmati, Gy., 2000. A Mindszenty-ügy "diplomáciai" rendezésének kudarcá. *Történelmi Szemle*, 42 (1–2), pp. 69–90.
- Kahler, F., 1998. *A főcsapás iránya: Esztergom. Mindszenty bíboros pere*. Budapest: Magyarországi Mindszenty Alapítvány.
- Klimo, A., von, 2010. Catholic identity in Hungary: The Mindszenty case. *Hungarian Studies*, 24 (2), pp. 189–213.
- Pü nkösti, Á., 1996. *Rákosi a csúcson, 1948–1953*. Budapest: Európa Könyvkiadó.
- Stykalin, A.S., 2011. Kardinal Mindsenti na politicheskoi arene Vengrii (1945–1956 gg.) [Cardinal Mindszenty on the political arena of Hungary (1945–1956)]. In: Filimonova, A.I., ed., 2011. *Gosudarstvo i tserkov' v 20 veke. Evoliutsiia vzaimootnoshe-nii, politicheskii i sotsiokul'turnyi aspekty. Opyt Rossii i Evropy*. Moscow: Knizhnyi dom "LIBROKOM", pp. 288–313.

ПРАЖСКАЯ ВЕСНА 1968 Г. И РАЗНОГЛАСИЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ЛАГЕРЕ*

Александр Сергеевич Стыкалин —

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: zhurslav@gmail.com

Аннотация

В статье анализируются разногласия среди лидеров социалистических стран по вопросу об отношении к Пражской весне и августовской интервенции пяти стран восточного блока 1968 г. в Чехословакию. Хотя в Москве пытались представить силовую акцию по подавлению чехословацкого эксперимента как проявление общей заботы о «спасении» социалистических завоеваний в одной из стран блока, она не получила, хотя и по разным причинам, полной поддержки даже тех стран, которые входили в Организацию Варшавского договора (против нее выступили Румыния, а также Албания, уже давно дистанцировавшаяся от восточного блока). С колебаниями ее восприняло руководство Венгрии. Кроме того, коллективная акция от 21 августа не была поддержана второй коммунистической державой мира — Китаем — и влиятельной внеблоковой социалистической страной — титовской Югославией. В статье уделено главное внимание позиции Румынии и Югославии и связанным с этим проблемам советско-румынских и советско-югославских отношений. Автор показывает, что разногласия по чехословацкому вопросу, хотя и сохранялись, но к началу 1970-х гг. уже не сильно отягощали советско-югославские отношения. Что касается Румынии, где реально опасались аналогичного военного вмешательства, то ее лидер Н. Чаушеску уже осенью 1968 г. предпринял первые меры в целях нормализации отношений с СССР.

Ключевые слова

Августовская интервенция пяти стран-членов Организации Варшавского договора, Чехословакия, Югославия, Румыния, Л.И. Брежнев, Й. Броз Тито, Н. Чаушеску, Я. Кадар

Статья поступила в редакцию 24 апреля 2019 г.

Цитирование: *Стыкалин А.С.* Пражская весна 1968 г. и разногласия в социалистическом лагере // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 89–107.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00573: Москва и Восточная Европа: Югославская модель социализма и страны советского блока, 1950–1960-е гг.). В основе статьи лежит русскоязычная версия доклада на английском языке, зачитанного на международной конференции «August 1968. Operația Duna» (Братислава, 20–21 сентября 2018 г.).

PRAGUE SPRING OF 1968 AND DISAGREEMENTS IN THE SOCIALIST CAMP

Alexandr S. Stykalin,

Ph.D, Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: zhurslav@gmail.com

Abstract

The article analyses the different views of the leaders of the socialist countries on the Prague Spring and the August 1968 intervention of five countries — members of the Warsaw Pact — in Czechoslovakia. Although Moscow tried to present the military action to suppress the Czechoslovak experiment as a manifestation of common concern for the “salvation” of Socialism in one of the countries of the bloc, the intervention did not receive, for various reasons, the full support of even all those countries that were members of the Warsaw Pact (Romania opposed it, as well as Albania, who had long distanced itself from the eastern bloc). The Hungarian leadership supported the collective action with hesitation. The intervention of 21st August was not supported by the second communist power of the world — China — and the influential non-aligned socialist country — Titoist Yugoslavia. Special attention is paid to the attitudes of Romania and Yugoslavia, which caused new problems in Soviet-Romanian and Soviet-Yugoslav relations. Although disagreements on the Czechoslovak question persisted, by the beginning of the 1970s, Soviet-Yugoslav relations, as the author shows, did not deteriorate further. As for Romania, where they feared a similar military intervention, its leader N. Ceaușescu as early as in the autumn of 1968 took the first measures to normalize relations with the USSR.

Keywords

Prague Spring of 1968, August 1968 intervention of five member countries of the Warsaw Pact in Czechoslovakia, Czechoslovakia, Yugoslavia, Romania, Leonid Brezhnev, Josip Broz Tito, Nicolae Ceaușescu, János Kádár

Received 24 April 2019.

How to cite: Stykalin, A.S., 2020. Prazhskaia vesna 1968 g. i raznoglasii v sotsialisticheskom lagere [Prague Spring of 1968 and Disagreements in the Socialist Camp]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 89–107.

Разрабатывая план ввода войск в Чехословакию в целях отстранения от власти реформаторской команды А. Дубчека и пресечения демократических процессов, широко развернувшихся в стране, брежневское руководство СССР первоначально стремилось осуществить сценарий, схожий с тем, что был реализован при подавлении венгерского восстания в ноябре 1956 г. Речь идет о приведении к власти альтернативного, приемлемого для Москвы и находящегося под ее полным контролем правительства.

Известно, что в конкретных чехословацких условиях августа 1968 г. этот проект сорвался. Вопреки неадекватным расчетам советского посольства в ЧССР, на протяжении многих месяцев дававшего в Москву иска-

женную картину общественных настроений в стране и соотношения сил в руководстве коммунистической партии Чехословакии (КПЧ), так называемые здоровые силы (т.е. противники обновления системы, сопротивлявшиеся реформам) так и не сумели добиться большинства в Президиуме ЦК КПЧ, президент Л. Свобода отказывался признавать любое марионеточное правительство «друзей Москвы». Как Национальное собрание ЧССР, так и открывшийся в условиях интервенции XIV (высочанский) съезд КПЧ осудили акцию. На ее незаконный характер указал и представитель Чехословакии на заседании Совета Безопасности ООН, где 21 августа состоялись жаркие дебаты¹. Поскольку вариант с приведением к власти новой команды по венгерскому (1956 г.) образцу не сработал, тактику пришлось менять на ходу. Уже в опубликованном в самый день интервенции, 21 августа, заявлении ТАСС было указано, что с просьбой об «оказании неотложной помощи, включая помощь вооруженными силами», обратилось не сформированное новое правительство (как это было в случае с Венгрией в 1956 г.), а неназванные партийные и государственные деятели ЧССР. Вывезенных в СССР под конвоем членов руководства КПЧ А. Дубчека, Ф. Кривея, Й. Смирковского, О. Черника, Й. Шпачека и Б. Шимона пришлось усадить за стол переговоров в числе представителей чехословацкой стороны и начать обсуждать с ними возможности выхода из той ситуации, которая сложилась в результате вторжения армий пяти стран-членов Организации Варшавского договора (ОВД). В результате им был навязан ряд жестких условий, нашедших отражение в опубликованном 28 августа двустороннем советско-чехословацком коммюнике.

При всём сходстве первоначальных планов тактика, избранная официальной Москвой и ее союзниками в августе 1968 г., с самого начала принципиально отличалась от тактики, примененной в Венгрии в 1956 г., в решении другого важного вопроса. Осенью 1956 г. руководство СССР предпочло осуществить акцию собственными силами, отказавшись от использования союзнических армий². Однако в августе 1968 г. Москва изначально пыталась представить происходящее в Чехословакии как общее дело стран социалистического лагеря, а саму военную акцию — как проявление общей заботы о «спасении» социалистических завоеваний в одной из стран блока. Не случайно уже начиная с совещания 23 марта 1968 г., состоявшегося в Дрездене (ГДР), и вплоть до братиславской встречи начала августа положение в Чехословакии неоднократно обсуждалось на совместных заседа-

¹ *Израэлян В.Л.* 105-е вето Советского Союза // *Международная жизнь*. 1990. № 10. С. 125–126.

² Не только из многократно издававшихся мемуаров Н.С. Хрущева, но и из других, заслуживающих большего доверия источников известно, что румынская сторона предлагала Москве свою военную помощь. См., в частности, запись беседы Н.С. Хрущева и Г.М. Маленкова с югославскими лидерами Й. Брозом Тито, Э. Карделем и А. Ранковичем на о. Бриони в Адриатике в ночь со 2 на 3 ноября 1956 г.: *Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы*. М.: РОССПЭН, 1998. С. 526.

ниях лидеров компартий стран Варшавского договора (наряду с албанцами, с начала 1960-х гг. дистанцировавшимися от СССР, на эти встречи не приглашались румыны, занимавшие особую позицию)³, и военная акция по вводу войск в Чехословакию была запланирована, осуществлена и декларирована именно как коллективная акция пяти стран-союзниц по военно-политическому лагерю. Вместе с тем уже в самый момент ее осуществления было очевидно, что эта акция не получила, хотя и по разным причинам, полной поддержки даже тех стран, которые входили в ОВД. Интервенция в Чехословакию была решительно осуждена Румынией; Албания, которая, впрочем, уже начиная с 1962 г. не принимала участия в работе ОВД, формально вышла из этой организации 5 сентября 1968 г., опасаясь, что ее пребывание в составе ОВД может дать повод для аналогичного военного вмешательства в дела страны со ссылкой на коллективную ответственность за положение в одном из государств блока.

Кроме того, коллективная акция от 21 августа не была поддержана, опять-таки по разным причинам, второй коммунистической державой мира — Китаем — и довольно влиятельной внеблоковой социалистической страной — титовской Югославией, одним из основателей и лидеров Движения неприсоединения. По меньшей мере неоднозначной была реакция на интервенцию в Чехословакию не только в социалистических странах, но и в мировом коммунистическом движении. С особенно явным непониманием восприняли ее в двух сильнейших и наиболее самостоятельных западных компартиях — французской и итальянской⁴. Предложение о скорейшем созыве совещания европейских компартий с целью выработки принципиального мнения по чехословацкому вопросу нашло довольно широкую поддержку в западноевропейских коммунистических кругах⁵. Проявившиеся разногласия с Москвой стали симптомом нарастающего кризиса в мировом коммунистическом движении, дальнейшее углубление которого показало и состоявшееся в Москве в июне 1969 г. большое совещание коммунистических и рабочих партий мира. Часть компартий, включая компартию Китая и Союз коммунистов Югославии (СКЮ), его, в силу разных причин, игнорировали, а некоторые из принявших участие не одобрили жесткую линию КПСС в вопросах советско-китайских отношений. К этому можно добавить, что даже руководства стран, участвовавших в августовской интервенции, не заняли одинаковую позицию. Так, венгерский лидер Янош Кадар довольно

³ Материалы этих встреч публиковались в сборниках, подготовленных на основе проектов Российского государственного архива новейшей истории (далее — РГАНИ): «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2010; Чехословацкий кризис 1967–1969 годов в документах ЦК КПСС. М.: РОССПЭН, 2010.

⁴ «Мы спасли социализм в этой стране». Из записи переговоров с делегацией ИКП 13–14 ноября 1968 г. // Источник. 1994. № 5. С. 77–87.

⁵ «Пражская весна» и позиция западноевропейских компартий / Публикацию подготовили Г.П. Мурашко, Т.А. Джалилов // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 3–23.

долго колебался, отдавая предпочтение политическому решению, и, по сути, не скрывал от своего Политбюро, что подключается к акции только из соображений блоковой солидарности, чтобы не испортить отношений с Москвой и сохранить условия для проведения начатых экономических реформ⁶.

Готовя свою акцию, Москва придавала немалое значение позиции титовской Югославии, осознавая как ее статус одного из лидеров Движения неприсоединения, так и большой международный авторитет маршала Тито, единственного политика, осмелившегося в свое время бросить вызов Сталину на международной арене. В конце апреля 1968 г. Тито посетил Москву по окончании своего длительного турне по азиатским странам и имел 29 апреля длительную беседу с Л.И. Брежневым и другими советскими лидерами; ситуация в Чехословакии стала одним из главных предметов обсуждения⁷. Руководство СССР надеялось на близость точек зрения сторон, принимая во внимание, что отношения двух стран находились на подъеме. Ведь в 1965–1966 гг. состоялся обмен полноценными визитами на высшем уровне⁸, в июне 1967 г. Югославия полностью солидаризировалась с советской позицией в условиях «шестидневной войны» на Ближнем Востоке, в ноябре 1967 г. Тито побывал в Москве на торжествах в связи с 50-летием Октябрьской революции. Правда, СКЮ продолжал занимать особую позицию по многим проблемам мирового коммунистического движения, и его представители в апреле 1967 г. так и не приняли участие в конференции компартий стран Европы по вопросам европейской безопасности в Карловых Варах⁹. Тем не менее в Москве питали надежды, что югославские лидеры с пониманием воспримут советские оценки внутривосточных процессов, развернувшихся в Чехословакии. Брежнев не скрывал от югославских собеседников обеспокоенности ослаблением контроля руководства КПЧ над общественной жизнью и прессой и уже в это время, за неполные четыре месяца до интервенции, откровенно высказал мнение, во многом корреспондировавшее с так называемой доктриной ограниченного суверенитета («доктриной Брежнева»), получившей после 21 августа 1968 г. развитие в ряде статей и документов¹⁰. 29 апреля генеральный секретарь ЦК

⁶ Подробнее о его позиции см.: *Стыкалин А.С.* Опыт 1956 года в 12-летней ретроспективе. «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // *Стыкалин А.С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 403–446.

⁷ См.: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. М.: Международный фонд «Демократия», 2017. Т. 2: 1965–1980. С. 211–230.

⁸ Записи бесед см. в том же издании.

⁹ См. в этой связи запись беседы Л.И. Брежнева и Й. Броза Тито 30 января 1967 г. во время краткосрочного приезда югославского лидера в СССР // Там же. С. 165–185.

¹⁰ О становлении этой доктрины см.: *Стыкалин А.С.* Эволюция официальных советских оценок венгерского кризиса 1956 г. в условиях смены политических систем в Восточной Европе и пересмотра «доктрины Брежнева» // *Выбор пути развития: польский и российский исторический опыт конца XX столетия* / отв. ред. Л.Е. Горизонтов. М.: Собрание, 2016. С. 259–280.

КПСС говорил лидеру СКЮ: «Нужны какие-то радикальные шаги с нашей стороны с тем, чтобы помочь Чехословакии устоять на позициях социализма. Не следует бояться слова “вмешательство”. Ведь мы пролетарские интернационалисты и нам безразличны судьбы социализма в других странах. Есть вопросы, которые нельзя рассматривать как чисто советские или чисто югославские. У нас есть общие задачи и обязанности, вытекающие из принципов пролетарского интернационализма. Нас очень волнует и нам не безразлично, как идут дела у наших друзей, в том числе и в Югославии», где экономическая реформа, «по-товарищески говоря, как нам кажется, пока не дала положительных результатов»¹¹. Тито, хотя и высказал ряд критических замечаний по поводу ситуации в Чехословакии, вместе с тем прямо дал понять, что стоит на позиции поддержки действующего руководства страны, которое, если оказать ему соответствующую помощь, может справиться с обстановкой. Таким образом, советский лидер должен был принять к сведению, что силовое решение по Чехословакии едва ли будет поддержано югославской стороной.

Как известно, интервенция 21 августа получила осуждение руководства Югославии¹², между КПСС и СКЮ возникла острая межпартийная полемика¹³. В Москве проявили особую обеспокоенность тем, что ряд деятелей реформаторского крыла КПЧ, и прежде всего действующие министры правительства (в том числе вице-премьер О. Шик, курировавший экономические реформы, а также министр иностранных дел И. Гаек), проводившие в это время свой отпуск на Адриатике в Югославии, могли объявить о создании чехословацкого правительства в эмиграции, ссылаясь на то, что являются членами свергнутого законного правительства. Если И. Гаек из Югославии отправился в Нью-Йорк, чтобы принять участие в заседании Совета Безопасности ООН, то О. Шик выехал в Румынию, где участвовал в мероприятиях по случаю национального праздника 23 августа. Критика югославских и румынских руководителей, поощряющих чехословацких, по определению официальной Москвы, «контрреволюционеров», попала и на страницы «Правды», где в сообщении ТАСС от 25 августа отмечалось, что «именно в Белграде и Бухаресте плетут свои интриги политические авантюристы из Праги, оказавшиеся в эти дни за пределами Чехословакии». Беседа Тито с советским послом И.А. Бенедиктовым проходила 31 августа в довольно напряженной атмосфере. Лидер Югославии указал послу, что интервенция в Чехословакию была предпринята вопреки воле ее руководства и что у чехов и словаков было достаточно сил самим решить свои проблемы.

¹¹ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 2. С. 223–224.

¹² См. запись беседы Тито с послом СССР в Югославии И.А. Бенедиктовым от 31 августа 1968 г. // Там же. С. 231–241.

¹³ См. изложение югославской позиции в письме Тито Брежневу от 5 ноября 1968 г. // Там же. С. 244–246.

Вследствие политики Москвы, по его мнению, был нанесен серьезный удар по социализму в международном масштабе. Что же касается Югославии, то Тито дал понять послу СССР, что руководство страны всегда самостоятельно решает свои проблемы и не допустит, чтобы кто бы то ни было вмешивался в ее внутренние дела извне. Если же югославскому государству кто-либо будет угрожать с Востока или с Запада, а тем более, если дело дойдет до прямого нападения на нее, «Югославия будет решительно сражаться, защищая свою независимость. В этом можно не сомневаться»¹⁴.

Следующая встреча Тито с Бенедиктовым состоялась 19 октября. К этому времени под давлением Москвы уже было подписано соглашение о временном пребывании советских войск в Чехословакии. Это несколько успокоило югославского лидера, решившего не придавать приоритетного значения чехословацкому вопросу. Тито заявил советскому послу: «Сейчас важна добрая воля. Я сказал сегодня, что не вижу причин, чтобы каждый день в наших газетах писалось о Чехословакии. В Москве подписан договор»¹⁵. Мы ни в чем не хотели бы мешать его проведению в жизнь»¹⁶. А 4 сентября 1969 г. (уже после значительных кадровых перестановок в партийно-государственном аппарате, удаления многих реформаторов с ответственных должностей) Тито, принимая министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, подтвердил свое и всего югославского руководства мнение о том, что военное вторжение нанесло «большой ущерб как для социализма в Чехословакии, так и для социализма вообще». «Мы высказались, — продолжил он, — заняли свою принципиальную позицию относительно событий в Чехословакии и не отступаем от нее. Но мы в то же время сочли, что не следует драматизировать ситуацию вокруг Чехословакии, и смогли минимизировать публикации в нашей прессе. В конце концов, мы не можем быть большими чехами, чем чехи. Пусть сами чехи и словаки решают этот вопрос. А с Чехословакией, несмотря на то, кто сейчас у власти, мы стремимся к добрым отношениям»¹⁷.

К осени 1971 г., когда состоялась первая после трехлетнего перерыва встреча Брежнева и Тито, разногласия по чехословацкому вопросу хотя и сохранились, но фактически уже не сильно отягощали советско-югославские отношения. Когда в ходе беседы 23 сентября Брежнев в сердцах выразил обиду на югославов («Я никогда так сильно не расстраивался, как тогда, когда услышал, как в Югославии думают, что Советский Союз думает

¹⁴ См. изложение югославской позиции в письме Тито Брежневу от 5 ноября 1968 г. // Там же. С. 236.

¹⁵ По итогам двусторонней советско-чехословацкой встречи на высшем уровне, состоявшейся 3–4 октября 1968 г. Об обязательствах, взятых на себя чехословацкой стороной, см. подробно: *Латыш М.В.* «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М.: [б.и.], 1998. Глава XII.

¹⁶ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 2. С. 243.

¹⁷ Там же. С. 263.

напасть на Югославию.»¹⁸), это было, конечно, не более чем риторическим приемом, призванным подчеркнуть общность двух стран, строящих социализм. Надо вместе с тем сказать, что, принимая меры против так называемой Хорватской весны — хорватского национального движения, активизировавшегося и подавленного в 1971 г., Тито успешно «разыграл карту» гипотетического советского силового вмешательства в югославские дела и использовал в интересах укрепления своей власти имевшиеся в обществе на сей счет опасения.

Можно вспомнить в этой связи о телефонном звонке Брежнева Тито, состоявшемся в конце апреля 1971 г., в момент, когда довольно бурно проходило заседание Президиума СКЮ, на котором ряд членов партийного руководства (особенно представители Хорватии) выступили против принятия резолюции, осуждающей усиление национализма и центробежных тенденций. Телефонный разговор состоялся во время обеденного перерыва; вернувшись в зал заседаний, Тито сообщил собравшимся, что ему звонил Брежнев и предлагал свою помощь в решении внутренних югославских проблем, угрожающих целостности федеративного государства¹⁹. Можно предположить, что Тито сознательно использовал звонок Брежнева для того, чтобы припугнуть своих соратников гипотетической советской угрозой (в свете недавних пражских событий) и заставить их, преодолев местнические амбиции, сплотиться перед лицом внешнего вызова. По некоторым данным, об угрозе советского военного вмешательства в случае, если в Югославии восторжествуют центробежные тенденции и начнется распад федеративного государства, Тито говорил и на заседании в Загребе 4 июля²⁰.

В случае с Румынией состояние острой конфронтации, в котором оказались в августе 1968 г. союзники по ОВД, было, пожалуй, даже более предсказуемым, нежели в случае с нейтральной Югославией. Ведь советско-румынские отношения с начала 1960-х гг. постепенно ухудшались. На сессиях Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) представители Румынии всё чаще выступали против планов хозяйственной интеграции, мало учитывавших, по их мнению, сложившуюся структуру экономики страны, интересы ее дальнейшего развития и нацеленных на превращение ее в аграрно-сырьевой придаток более развитых государств²¹. Румынская дипломатия начала вести двойную игру, совершив тайный ход в целях обе-

¹⁸ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 2. С. 323.

¹⁹ Там же. С. 307, 674.

²⁰ Из литературы о советско-югославских отношениях в контексте событий «Хорватской весны» см.: Романенко С.А. «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960-х–1970-х годов // Славяноведение. 2008. № 3. С. 60–75.

²¹ См.: Anton M. Iașire din cerc. București: Institutul Național pentru studiul totalitarismului, 2007.

спечения безопасности страны на случай повторения Москвой внешнеполитической авантюры, подобной размещению ракет на Кубе, вызвавшему Карибский кризис 1962 г. Так, в октябре 1963 г. в кулуарах Генассамблеи ООН в Нью-Йорке министр иностранных дел Румынии К. Мэнеску просил представителей США при возможном возникновении угрозы ядерного конфликта рассматривать Румынию не в качестве союзника СССР, а как нейтральное государство, которое не может нести ответственности за все принятые в Кремле без консультации с союзниками «пагубные» внешнеполитические решения²². В июне 1963 г. между первым секретарем ЦК Румынской рабочей партии Г. Георгиу-Дежем и советским лидером Н.С. Хрущевым на двусторонней встрече произошла настолько острая перепалка, что через полтора года, при снятии Хрущева, его соратники припомнили ему этот эпизод как проявление неумения вести нормальный уважительный диалог с главами братских партий (подобный стиль общения, как отмечалось, лишь способствует дальнейшему разброду в соцлагере)²³. Но за несколько месяцев до отставки, в июне 1964 г., Хрущев успел-таки на встрече с Й. Брозом Тито в Ленинграде попросить харизматичного югославского лидера, воспринимавшегося в Бухаресте в качестве эталона коммунистического руководителя, умеющего на равных разговаривать с Москвой, повлиять на румын, дабы те не сближались слишком сильно с Китаем (противоборство между КПСС и КПК за гегемонию в коммунистическом движении достигло к этому времени своего апогея). Тито согласился: в Пекине его считали главным ревизионистом, и прокитайского крена в политике своих румынских соседей он никогда не одобрял²⁴. Особенно раздражало Хрущева то, что в ходе встреч китайцев с румынами то и дело поднимался (в Москве знали об этом не только из агентурных донесений, но и вычитывали между строк из опубликованных в прессе коммюнике) бессарабский вопрос, по мнению обеих сторон, разрешенный несправедливо: для руководства КПК Бессарабия выступала дежурным примером того, что не только на Дальнем Востоке, но и в Европе Советский Союз обладает землями, на которые он имеет меньше прав, нежели некоторые соседние государства²⁵.

²² Garthoff R.L. When and Why Romania distanced itself from the Warsaw Pact // Cold War International History Project Bulletin. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, D.C. 1995. Issue 5. P. 111.

²³ «Зачем вам нужно Дежу говорить обидные слова?» — фиксируется в записи заседания от 13 октября 1964 г. риторический вопрос (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 1. С. 865).

²⁴ См.: Стыкалин А.С. Хрущев и Тито: долгий разговор о Румынии (Ленинград, июнь 1964 г.) // Studia Universitas Moldaviae — Științe Umanistice. 2017. № 10 (110). С. 243–259.

²⁵ Как известно, междуречье Днестра и Прута, большая часть которого принадлежала Молдавскому княжеству, вошло в состав Российской империи по итогам русско-турецкой войны 1806–1812 гг. в соответствии с Бухарестским мирным договором 1812 г. В скором времени эта земля лишилась всякой автономии, образовав Бессарабскую губернию с центром в Кишиневе. В 1918 г. она была аннексирована Румынией, в 1940 г. присоединена к СССР в соответствии с советско-германскими

После отставки в октябре 1964 г. Хрущева и кончины в марте 1965 г. Георгиу-Дежа новое, брежневское руководство СССР, преувеличивая роль субъективного фактора в ухудшении советско-румынских отношений, надеялось, что теперь удастся возобновить диалог «с чистого листа», убрав возникшие наслоения. Но это оказалось иллюзией, ведь глубина объективных противоречий была недооценена, не было принято во внимание естественное стремление не только элиты, но и всего румынского общества к расширению суверенитета страны. Так что списать всё на волюнтаризм и грубость Хрущева не удалось, тем более что новый румынский лидер, довольно молодой и амбициозный Н. Чаушеску в целях повышения своей популярности с еще большей последовательностью, чем предшественник, пытался в отношениях с СССР отстаивать независимую позицию, ссылаясь на национальные интересы, как он их себе представлял.

Осенью 1965 г. Чаушеску был с немалой помпой встречен в Москве, однако уже в первый день переговоров настроение советских лидеров сильно омрачилось, когда в ходе официальных бесед румыны призвали советское правительство полностью вернуть социалистической Румынии золотые запасы королевской Румынии, удержанные большевиками после того, как та аннексировала в 1918 г. Бессарабию. Это вызвало в Кремле эффект разорвавшейся бомбы — Брежнев и его окружение, не на шутку возмущенные «румынской неблагодарностью» за послевоенную помощь по подъему экономики страны, обещали — если в Бухаресте не перестанут упорствовать в своих требованиях — предъявить-таки Румынии новый счет за вполне реальные разрушения и мародерство, учиненные армией маршала Антонеску на оккупированных советских территориях в годы Второй мировой войны²⁶.

Попытки плотнее пристегнуть Румынию к общей внешнеполитической линии восточного блока оказывались, таким образом, безуспешными. Разногласия по широкому кругу вопросов усугублялись, угрожая серьезным конфликтом между соседними государствами. На заседаниях Политического консультативного комитета (ПКК) и совещаниях армейского командного состава ОВД представители Румынии выступали за более активное приобщение генералитета стран-союзниц к разработке военно-стратегических планов блока²⁷. В январе 1967 г. Румыния без консультаций с Москвой восстановила дипломатические отношения с ФРГ вопреки общей установке со-

договоренностями о разделе сфер влияния. По итогам Второй мировой войны — вновь в составе СССР (двух союзных республик: Молдавской ССР и Украинской ССР). О советско-румынских «войнах исторической памяти» относительно общего прошлого двусторонних отношений см.: *Стыкалин А.С.* Полемика советского посла и румынского функционера (март 1980 года) об освещении прошлого двусторонних отношений // *Славяноведение*. 2017. № 1. С. 12–30.

²⁶ См.: *Anton M.* The First Brezhnev — Ceaușescu Confrontation. Moscow, September, 1965 // *Totalitarian Archives*. 2002. № 1–2. P. 277–286.

²⁷ См.: *Pređa G., Opriș P.* România în Organizația Tratatului de la Varșovia, 1954–1968. București: Institutul Național pentru studiul totalitarismului, 2008–2009. Vol. 1–2.

циалистического лагеря не делать этого, пока в Бонне не возобладает «новая восточная политика», т.е. пока там официально не признают если не ГДР, то по крайней мере восточные границы будущей единой Германии по Одере и Нейсе²⁸. В июне того же года Румыния заняла особую, не однозначно проарабскую (как другие европейские социалистические страны), а компромиссную позицию во время «шестидневной войны» на Ближнем Востоке, отказавшись порвать отношения с Израилем, разгромившим три арабских государства²⁹. Вследствие этого в марте 1968 г. румынская делегация в ответ на звучавшие оскорбления коммунистов из арабских стран предпочла демонстративно покинуть совещание компартий в Будапеште³⁰. Через три недели разыгрался еще один нешуточный скандал в советско-румынских отношениях, когда при посещении Финляндии румынская делегация во главе с премьером И.Г. Маурером возложила венок на могилу маршала Маннергейма в память о его заслугах на румынском фронте в бытность генералом российской царской армии в годы Первой мировой войны³¹.

Что касается событий «Пражской весны», то уже начиная с марта 1968 г. лидеры румынской компартии, и в этом вопросе также отклонявшиеся от общей линии восточного блока, не приглашались на заседания руководителей европейских социалистических стран-участниц ОВД, где обсуждались пути решения «чехословацкой проблемы», остро беспокоившей официальную Москву.

Позиция руководства Румынии более отчетливо проявляется на фоне позиции лидеров других стран ОВД. В. Ульбрихт и В. Гомулка с самого начала избрали в отношении Пражской весны очень жесткую линию, которая явилась одним из дополнительных факторов давления в пользу выбора Москвой силового варианта действий. Гомулка придавал очень большое значение потенциальной германской угрозе, боясь, что ослабление позиций коммунистов в Чехословакии используют в своих целях западногерманские реваншисты. В Польше в марте 1968 г. происходили бурные события — прежде всего, студенческие волнения, и, по мнению польского лидера, позиция обновленного, реформаторского руководства КПЧ играла на руку

²⁸ Гладышева А.С. Германский вопрос на заседаниях Политического Консультативного Комитета ОВД и позиция Румынии (1956–1967) // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. XVIII–XXI вв. / отв. ред. О.В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 329–345.

²⁹ Anton M. Miza unei izidențe. Relațiile româno-sovietice și criza din Orientul Mijlociu. Iunie 1967 // Revista Istorică. 2007. № 3–4. P. 229–236.

³⁰ Речь идет о подготовительной встрече, где обсуждались вопросы созыва большого совещания компартий всего мира.

³¹ В Москве восприняли этот независимый внешнеполитический жест крайне болезненно. Посол Румынии был вызван в МИД СССР, где первый заместитель министра В.В. Кузнецов официально выразил недоумение в связи с недружественным СССР актом. См.: РГНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 19.

тем, кто хотел ослабить коммунистический режим не только в Чехословакии, но и в Польше³².

Венгерский лидер Я. Кадар, в отличие от Гомулки, чувствовал себя гораздо увереннее, он находился на пике популярности внутри страны. В Венгрии незадолго до этого была начата системная экономическая реформа, и Кадар видел в чехословацких реформаторах потенциальных союзников, не предполагая, впрочем, распространения реформ в своей стране на политическую сферу. С конца июня, правда, он проявлял больше озабоченности происходящим у северных соседей, считая, что руководство КПЧ начало утрачивать контроль над ходом событий — особое раздражение венгерского лидера вызвала статья в чехословацком литературном издании *Literární listy*, приуроченная к десятилетию казни Имре Надя³³. Но даже и после этого венгерский лидер пытался примирить советских и чехословацких коммунистов, не раз встречался с Дубчеком, объясняя ему ситуацию. Кадар подчинился блоковой дисциплине, не противопоставляя себя союзникам по ОВД, он полагал, что только таким образом он мог хоть как-то влиять на дальнейший ход событий³⁴. При этом, как уже отмечалось выше, венгерский лидер отдавал предпочтение политическому решению и, судя по некоторым его более поздним высказываниям, так и не признал внутренней целесообразности акции. Особенно он был недоволен тем, что не сработал план приведения к власти нового правительства и рухнула именно политическая подготовка запланированной операции по смене власти. В письме Брежневу от 14 сентября он не скрывал, что ввод войск в соседнюю страну явно не вызвал в Венгрии воодушевления³⁵. Надежды Кадара на то, что подключение к акции позволит ему спасти венгерские экономические реформы, явно не оправдались.

В отличие от Кадара румынский лидер Н. Чаушеску не был склонен к реформам в собственной стране, а в Пражской весне видел прежде всего движение за расширение национального суверенитета и воспринимал чехословацких коммунистов как своих союзников именно в борьбе за ослабление влияния Москвы. При этом чехословацкие реформаторы долгое время от него дистанцировались, опасаясь, что слишком тесные связи с «диссидентской» Румынией осложнят диалог с Москвой, и только в середине августа пошли на сближение — за считанные дни до интервенции Чаушеску приезжал в Прагу для продления договора о дружбе и сотрудничестве между двумя государствами.

³² Из литературы: Волобуев В.В. Об отношении польского общества к реформам в Чехословакии в 1968 г. // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива / отв. ред. Г.П. Мурашко. М.: РОССПЭН, 2010. С. 464–476.

³³ Подробнее см.: Стыкалин А.С. Венгерский кризис... С. 403–446.

³⁴ Там же.

³⁵ См.: Kedves, jó Kádár elvtárs! Válogatás Kádár János levelezéséből. 1954–1989 / Szerk. Huszár T. Budapest: Osiris, 2002. 243–347. o.

О принятом 18 августа окончательном решении осуществить масштабную силовую акцию руководство Румынии было предупреждено за несколько часов до ее начала по весьма сомнительным неофициальным каналам. На срочно созванном экстренном совместном заседании ЦК румынской компартии, госсвета и правительства страны ввод войск в Чехословакию был назван «тяжким нарушением национального суверенитета братского свободного и независимого государства, принципов, на которых основываются взаимоотношения между социалистическими государствами, и норм международного права»³⁶. После полудня 21 августа, всего через несколько часов после того, как ввод армий ряда стран ОВД в Чехословакию стал реальностью, Чаушеску выступил с речью с балкона правительственного здания на многотысячном митинге в центре Бухареста. Это был уникальный в истории страны момент единения народа и коммунистической власти. Достаточно сказать, что ряд интеллектуалов, по сути никогда не скрывавших своих антикоммунистических убеждений, включая уроженца Бессарабии, впоследствии виднейшего диссидента Паула Гому, подали заявления о приеме в компартию (конфликт между властью и интеллигенцией при Чаушеску обозначился, а потом и до предела обострился позже, уже в 1970–1980-е гг.). В стране серьезно опасались нападения с востока. Войска приводились в состояние боеготовности, формировались добровольческие дружины для оказания помощи в отпоре гипотетическому агрессору, началось возведение оборонительных сооружений на границе³⁷. По итогам встречи 24 августа с Тито в приграничном югославском городе Вршац Чаушеску должен был принять к сведению, что в случае нападения на Румынию Югославия не подключится к ее защите, поскольку это было бы равнозначно ее вступлению в войну с СССР³⁸. В этих условиях руководству Румынии пришлось идти на контакт с советским посольством, объяснив мотивы своего несогласия с интервенцией в Чехословакию³⁹. Румынская пресса с конца августа начала снижать градус критики в адрес СССР. Происходило и встречное движение. Напряженность в двусторонних отношениях разрядилась настолько, что в октябре в Румынии даже смогли пройти дни советской культуры⁴⁰.

³⁶ См. относящиеся к этим дням документы: 21 august 1968. Apoteoza lui Ceaușescu / coord. L. Betea. Iași: Polirom, 2009.

³⁷ См.: Стыкалин А.С. «Наши пограничники наблюдают развернутые работы по созданию оборонительных сооружений...» О положении на советско-румынской границе в конце августа 1968 г. // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева / отв. ред. С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 489–508.

³⁸ Istoria Comunismului din România. Iași: Polirom, 2012. Vol. 2. Documente Nicolae Ceaușescu (1965–1971). P. 435–450.

³⁹ См. запись беседы Н. Чаушеску с послом СССР А.В. Басовым, состоявшейся утром 25 августа: Ibid. P. 451–457.

⁴⁰ См.: Стыкалин А.С. Кризис в советско-румынских отношениях в августе 1968 г. и попытки его преодоления «на культурном фронте» (по архивным материалам) //

Продолжает оставаться дискуссионным вопрос, насколько реальную почву имели под собой существовавшие в мире опасения относительно того, что вторжением в Чехословакию дело может не ограничиться и СССР со своими союзниками при неблагоприятном для себя стечении обстоятельств (сопротивлении чехословацкой армии или прямом вмешательстве НАТО в конфликт) может предпринять силовые акции против потенциальных партнеров Чехословакии в ее противостоянии внешнему давлению — Румынии и даже нейтральной Югославии. Любые вводимые в научный оборот источники предоставляют дополнительный материал для конструирования различных версий. Это касается среди прочего и мемуаров А.Ф. Добрынина, тогдашнего посла СССР в Вашингтоне, впервые опубликованных еще во второй половине 1990-х гг.⁴¹ Есть ли основания считать, что именно жесткие предупреждения США о недопустимости военного вмешательства в еще одной восточноевропейской стране решающим образом повлияли на отказ советского руководства от силового решения?

Не ставя здесь целью дать подробный анализ имеющихся в литературе версий, замечу, однако, что силовое вмешательство стран ОВД в дела Румынии было, на мой взгляд, маловероятно в силу ряда причин. Как уже было сказано, Москва стремилась подключить к своей акции союзников. Но что касается потенциальной интервенции в Румынию, едва ли могла рассчитывать на поддержку сателлитов. Я. Кадара, долгие месяцы выступавшего за компромиссное решение, союзники, как уже отмечалось, с немалым трудом склонили к участию в чехословацкой акции, и почивать на лаврах ему не приходилось: в Словакии, где даже среднее поколение помнило Мюнхенский сговор 1938 г. и последовавшие за ним трагические события, «новый приход венгров» в силу исторических причин был встречен с особой враждебностью. В отличие от 1938 г. он не был поддержан и венгерской диаспорой Южной Словакии. Учитывая же традиционно еще более непростые венгерско-румынские отношения, ввод венгерских войск в Трансильванию вызвал бы в Румынии настоящую бурю. Прагматичному политику Я. Кадару это было совсем не нужно по многим причинам, и прежде всего из-за возможного усиления напряженности на границе двух стран и ухудшения положения большой (более 1 млн 600 тыс. человек) венгерской диаспоры в Румынии, за чем внимательно следило общественное мнение в самой Венгрии. Как гибкий политик Кадар, весьма болезненно воспринявший провал политической акции по приведению к власти в Чехословакии так называемых «здоровых сил», даже под сильным давлением Москвы всячески саботировал бы — в этом можно не сомневаться — участие Венгрии в гипотетическом военном вмешательстве.

Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. С. 364–381.

⁴¹ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно: посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Центрполиграф, 2016.

тетической «румынской акции». Что же касается польского лидера В. Гомулки, то его в контексте чехословацкого кризиса заботила прежде всего, как уже было отмечено выше, проблема германского реваншизма в отношении границ по Одру и Нейсе, сквозь призму этой проблемы он и воспринимал всё происходившее у южных соседей. Румыния, не граничившая с ФРГ, в отличие от Чехословакии, мало заботила Гомулку уже в силу своего географического положения. Представить себе участие Польши в акции против Румынии очень трудно.

Не менее важен и еще один момент. При том что военная операция в Чехословакии была проведена успешно, в Кремле и на Старой площади должны были извлечь уроки из полного провала акции, целью которой была смена власти в этой стране. Ведь «здоровые силы», на которые предполагалось сделать ставку, повторяя венгерский «сценарий» 1956 г., оказались слишком слабы. Так вот, в Румынии Москва вообще не имела своих ставленников в номенклатуре, их выдавили оттуда примерно к 1964 г., в условиях резкого осложнения двусторонних отношений.

Вводить в страну войска, не имея внутри этой страны лиц, на которых предполагалось опереться, было бы полной авантюрой. Судя по опубликованным материалам заседаний Политбюро и совещаний с участием лидеров «братских партий»⁴², Л.И. Брежнев и насчет ввода войск в Чехословакию довольно долго колебался, его подталкивали к более решительным действиям как некоторые соратники по партии, так и восточноевропейские лидеры — В. Ульбрихт, В. Гомулка и Т. Живков. Ситуация, когда советскому руководству пришлось выпустить, по сути дела, из заключения и посадить за стол переговоров А. Дубчека и людей его команды (за неимением других партнеров), была для Брежнева довольно унижительна. Хотел ли он ее повторения в Румынии?! В советском руководстве едва ли не понимали, что Чаушеску, своей независимой политикой приобретшего к тому времени немалую популярность внутри страны (массовый митинг 21 августа был наилучшим тому свидетельством), сместить было крайне сложно. Стоило ли, усиливая конфронтацию с Западом, принимать меры ради свержения непослушного вассала, учитывая, что никакой угрозы коммунистической диктатуре в Румынии не было, а говорить о влиянии НАТО было трудно применительно к стране, граничившей только с социалистическими государствами (тремя членами ОВД и нейтральной Югославией)?

В Кремле вряд ли не осознали: военная акция против Румынии, а тем более против нейтральной Югославии превышает возможности СССР. Даже Сталин не решился напасть на Югославию в условиях острейшего конфликта 1948–1953 гг., когда все союзники были предельно лояльны. О чем же можно говорить применительно к 1968 г.? Не удивительно, что уже через неполные две недели после военной акции 21 августа Москва

⁴² См.: «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010; Чехословацкий кризис 1967–1969 годов в документах ЦК КПСС. М.: РОССПЭН, 2010.

предприняла шаги, направленные на смягчение отношений с Румынией, как и с Югославией. Вышесказанное вовсе не опровергается тем фактом, что к советско-румынской границе были действительно подтянуты новые войсковые соединения, а в Генштабе прорабатывались планы ввода войск в Румынию. Такие планы разрабатывались на случай углубления или интернационализации чехословацкого конфликта (возможное, хотя и крайне маловероятное сопротивление чехословацкой армии войскам стран-союзниц, более активное вмешательство Запада в чехословацкие дела). Но между разработкой в генштабах военных планов (на все случаи жизни) и политическим решением по их осуществлению существует, как известно, дистанция огромного размера. Что же касается предупреждений администрации президента США Л. Джонсона в адрес советского руководства в связи с возможной военной акцией в отношении Румынии⁴³, то нет оснований считать, что этот фактор был решающим. Крайне малая вероятность военных действий СССР и его союзников на румынском и югославском направлениях была обусловлена не столько предостережениями извне, сколько реальным соотношением политических сил в Европе летом-осенью 1968 г.

Своим решительным поведением в августе 1968 г. Чаушеску заработал немалый политический капитал (и внутри страны, и вовне), который мог растратывать потом два десятилетия. Достаточно сказать, что из уважения к независимой внешней политике Румынии в августе 1969 г. Бухарест посетил новый президент США Р. Никсон. Впрочем, испытанное в августе 1968 г. чувство эйфории в условиях если не абсолютной, то очень широкой поддержки народом того, что делала коммунистическая власть, вскружило голову Чаушеску, крайне тщеславному человеку, уверило его в собственной непогрешимости, усилило проявления самодурства, достигшие к концу 1980-х гг. в его замыслах и действиях редких высот и принесшие румынскому народу огромные проблемы. В конце концов, это не благоприятствовало сохранению румынским лидером чувства адекватности в совершенно иной политической атмосфере — через 21 год, в декабре 1989 г., когда он до последнего верил, что народ, как и в августе 1968 г., не поддержит «внешних происков», направленных на подрыв румынского государства, склонного идти своим путем к социализму.

Таким образом, силовая акция по пресечению развернувшихся в Чехословакии экспериментов по либерализации коммунистического режима, осуществленная в августе 1968 г., не получила полной поддержки не только среди социалистических стран и в мировом коммунистическом движении, но и внутри восточного блока. Это стало одним из отчетливых симптомов усиления кризисных явлений в мировом коммунистическом движении,

⁴³ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно: посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). С. 172–176; Cătănuș D. Romania — Another Czechoslovakia? The Prospect of a Soviet Invasion and the Question of Foreign Support, 1968 // Arhivele Totalitarismului. 2011. N 3–4. P. 173–184.

продолжавших углубляться и в последующие десятилетия. Вместе с тем неготовность не только союзнической Румынии, но и нейтральной Югославии, сталкивавшейся с мощными центробежными вызовами, педалировать свои разногласия с Москвой довольно быстро привела к восстановлению их отношений с СССР на прежнем, «доавгустовском» уровне.

Литература

1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива / отв. ред. Г.П. Мурашко. М.: РОССПЭН, 2010.

Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. XVIII–XXI вв. / отв. ред. О.В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.

Израэлян В.Л. 105-е вето Советского Союза // *Международная жизнь*. 1990. № 10. С. 125–126.

Латыш М.В. «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М.: [б.и.], 1998.

Романенко С.А. «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960-х–1970-х годов // *Славяноведение*. 2008. № 3. С. 60–75.

Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. / отв. ред. С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017.

Стыкалин А.С. Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016.

Стыкалин А.С. Полемика советского посла и румынского функционера (март 1980 года) об освещении прошлого двусторонних отношений // *Славяноведение*. 2017. № 1. С. 12–30.

Стыкалин А.С. Хрущев и Тито: долгий разговор о Румынии (Ленинград, июнь 1964 г.) // *Studia Universitatis Moldaviae — Științe Umanistice*, N 10 (110). Chișinău, 2017. С. 243–259.

Стыкалин А.С. Эволюция официальных советских оценок венгерского кризиса 1956 г. в условиях смены политических систем в Восточной Европе и пересмотра «доктрины Брежнева» // *Выбор пути развития: польский и российский исторический опыт конца XX столетия* / отв. ред. Л.Е. Горизонтов. М.: Собрание, 2016. С. 259–280.

21 august 1968. Apoteoza lui Ceaușescu / Coord. L. Betea. Iași: Polirom, 2009.

Anton M. Ieșire din cerc. București: Institutul Național pentru studiul totalitarismului, 2007.

Anton M. Miza unei dizidențe. Relațiile româno-sovietice și criza din Orientul Mijlociu. Iunie 1967 // *Revista Istorică*. 2007. N 3–4. P. 229–236.

Anton M. The First Brezhnev-Ceaușescu Confrontation. Moscow, September, 1965 // *Totalitarian Archives*. 2002. N 1–2. P. 277–286.

Cătănuș D. Romania — Another Czechoslovakia? The Prospect of a Soviet Invasion and the Question of Foreign Support, 1968 // *Arhivele Totalitarismului*. 2011. N 3–4. P. 173–184.

Garthoff R.L. When and Why Romania distanced itself from the Warsaw Pact // Cold War International History Project Bulletin. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, D. C. 1995. Issue 5. P. 111.

Kedves, jó Kádár elvtárs! Válogatás Kádár János levelezéséből. 1954–1989 / Szerk. Huszár T. Budapest: Osiris, 2002.

References

Anton, M., 2002. The First Brezhnev-Ceaușescu Confrontation. Moscow, September, 1965. *Totalitarian Archives*, 1–2, pp. 277–286.

Anton, M., 2007. *Ieșire din cerc*. București: Institutul Național pentru studiul totalitarismului.

Anton, M., 2007. Miza unei dizidențe. Relațiile româno-sovietice și criza din Orientul Mijlociu. Iunie 1967. *Revista Istorică*, 3–4, pp. 229–236.

Betea, L., ed., 2009. *21 august 1968. Apoteoza lui Ceaușescu*. Iași: Polirom.

Cătănuș, D., 2011. Romania — Another Czechoslovakia? The Prospect of a Soviet Invasion and the Question of Foreign Support, 1968. *Arhivele Totalitarismului*, 3–4, pp. 173–184.

Danchenko, S.I., ed., 2017. *Slaviane i Rossiia: problemy voyny i mira na Balkanakh. XVIII–XXI vv.* [The Slavs and Russia. The Problems of War and Peace in the Balkans. XVIII–XX centuries]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

Garthoff, R.L., 1995. When and Why Romania distanced itself from the Warsaw Pact. *Cold War International History Project Bulletin. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington D. C.*, Issue 5, p. 111.

Huszár T., ed., 2002. *Kedves, jó Kádár elvtárs! Válogatás Kádár János levelezéséből. 1954–1989*. Budapest: Osiris.

Israelian, V.L., 1990. 105-e veto Sovetskogo Soiuzu [The 105-th veto of the USSR]. *Mezhdunarodnaia zhizn'* [The International Life], 10, pp. 125–126.

Khavanova, O.V., ed., 2017. *Vynuzhdennoe sosedsstvo — dobrovol'noe prisposoblenie v diplomaticheskikh i mezhnatsionalnykh otnosheniakh v Tsentral'noi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evrope* [Forced Neighborhood and Voluntary Accommodation in Diplomatic and Interethnic Relations in Central, Eastern and Southeastern Europe]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia.

Latysh, M.V., 1998. “Prazhskaia vesna” 1968 g. i reaktsiia Kremliia [The Prague Spring of 1968 and the Reaction of the Kremlin]. Moscow: [s.n.].

Murashko, G.P., ed., 2010. 1968 god. “Prazhskaia vesna”. *Istoricheskaiia retrospektiva* [1968. “The Prague Spring”. The Historical Retrospective]. Moscow: ROSSPEN.

Romanenko, S.A., 2008. “Khorvatskaia vesna” i sovetsko-iugoslavskie otnosheniia na rubezhe 1960-kh–1970-kh godov [“The Croatian Spring” and the Soviet-Yugoslavian Relations in the late 1960-es–early 1970-es]. *Slavianovedenie*, 3, p. 60–75.

Stykalin, A.S., 2016. Evoliutsiia ofitsial'nykh sovetskikh otsenok vengerskogo krizisa 1956 g. v usloviakh smeny politicheskikh sistem v Vostochnoi Evrope i peresmotra “doktriny Brezhneva” [The evolution of the Official Soviet Assessments of the 1956 Hungarian Crisis in the Context of a Change in Political Systems in Eastern Europe and a Revision of the “Brezhnev Doctrine”]. In: Gorizontov, L.E., ed.,

2016. *Vybor puti razvitiia: pol'skii i rossiiskii istoricheskii opyt kontsa XX stoletii* [Choice of a development path: Polish and Russian historical experience of the end of the 20th century]. Moscow: Sobranie, pp. 259–280.
- Stykalin, A.S., 2016. *Vengerskii krizis 1956 goda v istoricheskoi retrospektive* [The 1956 Hungarian Crisis in the Historical Retrospective]. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo.
- Stykalin, A.S., 2017. Khrushchev i Tito: dolgii razgovor o Rumynii (Leningrad, iyun' 1964 g.) [Khrushchev and Tito: The Long Conversation about Romania (Leningrad, June 1964)]. *Studia Universitas Moldaviae — Științe Umanistice*, 10 (110), pp. 243–259.
- Stykalin, A.S., 2017. Polemika sovetskogo posla i rumynskogo funktsionera (mart 1980 goda) ob osveshchenii proshlogo dvustoronnikh otnoshenii [The Polemics of the Soviet Ambassador and the Romanian Functionary concerning the Reflection of the Past in the Relations between two countries]. *Slavianovedenie*, 1, pp. 12–30.

П.С. МАХРОВ. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УКРАИНЕ

Андрей Владиславович Ганин —

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: andrey_ganin@mail.ru

Аннотация

Материал представляет собой комментированную публикацию отрывка из воспоминаний генерала Петра Семеновича Махрова о событиях Гражданской войны на Украине осенью 1918 — зимой 1919 г. Рукопись воспоминаний П.С. Махрова хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета в США. Это ценное свидетельство осведомленного современника переломных исторических событий является важным источником по истории Первой мировой войны, Гражданской войны в России и на Украине, а также русской военной эмиграции и охватывает период конца XIX — первой половины XX в. Публикуемый отрывок воспоминаний относится к той их части, которая носит название «Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г.» и написана в марте — ноябре 1953 г. в Каннах. П.С. Махров — высокообразованный офицер русской армии, выпускник Николаевской академии Генерального штаба, человек либеральных взглядов, блестяще владевший пером. В 1918 г. он проживал на Украине в Полтаве и оказался очевидцем череды происходивших событий, включая несколько смен власти. Мемуарист подробно осветил жизнь Украины при гетмане П.П. Скоропадском, германскую оккупацию, антигетманское восстание, падение режима П.П. Скоропадского, разгул атаманины и установление власти Директории Украинской народной республики в конце 1918 г. Воспоминания представляют собой взгляд военного, критически воспринимавшего новую украинскую государственность и ориентированного на идеологию Белого движения. Большое внимание уделено поведению офицерства в условиях независимой Украины и ее крушения.

Ключевые слова

Гражданская война, революция, Украина, офицерство

Статья поступила в редакцию 18 мая 2020 г.

Цитирование: *Ганин А.В.* П.С. Махров. Гражданская война на Украине // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 108–137.

PYOTR S. MAKHROV. THE CIVIL WAR IN UKRAINE

Andrey V. Ganin,

D.Sc., Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: andrey_ganin@mail.ru

Abstract

The material is a publication of an annotated excerpt from the memoirs of General Pyotr Semyonovich Makhrov about the events of the Civil War in Ukraine from the autumn of 1918 to the winter of 1919. The manuscript of Makhrov's memoirs is kept in the Bakhmetev archive of Columbia University in the USA. This valuable testimony of an informed contemporary of crucial historical events is an important source on the history of the First World War, the Civil War in Russia and Ukraine, and Russian military emigration, and covers the period from the late nineteenth century to the first half of the twentieth century. Makhrov was an officer of the Russian army, a graduate of the Nicholas General Staff Academy, a man of liberal views, and brilliantly wielded a pen. In 1918, Makhrov lived in Ukraine in Poltava and was an eyewitness to a series of significant events, including several changes of power. The memoir covers in detail the life of Ukraine under Hetman Pavlo P. Skoropadsky, the German occupation, the anti-Hetman uprising, the fall of the Hetmanate, the rampant ataman, and the establishment of the power of the Directory of Ukrainian People's Republic in late 1918. The memoirs represent the view of a military man who was critical of the new Ukrainian state and was focused on the ideology of the White movement. Much attention is paid to the behaviour of officers in the varied conditions of independent Ukraine and in its collapse.

Keywords

Civil War, revolution, Ukraine, officers

Received 18 May 2020.

How to cite: Ganin, A.V., 2020. P.S. Makhrov. Grazhdanskaia voina na Ukraine [Pyotr S. Makhrov. The Civil War in Ukraine]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 108–137.

Я уже не раз обращался к мемуарному наследию генерал-лейтенанта Петра Семеновича Махрова (01.09.1876–29.02.1964). Этот офицер, участник многих переломных событий первой четверти XX в., оставил потомкам внушительный по объему мемуарный свод, который охватывает конец XIX — первую половину XX в. и, вне всякого сомнения, является ценнейшим историческим источником, касающимся прежде всего истории Первой мировой войны, Гражданской войны в России и на Украине, а также русской военной эмиграции¹. Воспоминания Махрова хранятся в Бах-

¹ «Не страшны никакие Соловьи-Разбойники». Начальник штаба Врангеля о Сталинградском триумфе / публ. А.В. Ганина // Родина. 2013. № 1. С. 71–74; Ганин А.В. События 1917–1919 гг. на Украине в освещении генерала П.С. Махрова // Славянский альманах.

метевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке, и большая часть их остается неизвестной даже специалистам. Отдельной книгой с пропусками и искажениями авторского текста был издан лишь сравнительно небольшой фрагмент о периоде службы Махрова в вооруженных силах на юге России в 1919–1920 гг.²

Крайне интересна та часть воспоминаний, которая посвящена пребыванию Махрова на Украине в 1918 — начале 1919 г. Она носит общее название «Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г.» и написана в марте — ноябре 1953 г. в Каннах.

Конечно, три с половиной десятилетия, отделявшие мемуариста от описываемых им событий, повлияли на точность ряда свидетельств и предопределили ошибки памяти, которые публикатор по мере возможности постарался выявить и прокомментировать. Вместе с тем Махров пытался восполнить эти недочеты самостоятельно за счет активной и обширной переписки с прежними сослуживцами и уточнения различных деталей³. При этом воспоминания отражают субъективный взгляд их автора на происходившие события, что вполне естественно.

До сих пор мной был опубликован лишь короткий фрагмент «украинской» части воспоминаний, касавшийся жизни в Киеве в конце 1918 г., т.е. тех событий, которые послужили основой сюжета первого романа М.А. Булгакова «Белая гвардия». Разумеется, исследователям и всем интересующимся этим периодом важны не только те процессы и явления, которые нашли отражение в художественной прозе. В этом смысле значимость введения в научный оборот прежде не известных исторических источников трудно переоценить.

Об описываемых событиях мемуарист судил не понаслышке. В феврале 1918 г. Махров поселился в Полтаве в семье своего тестя, отставного полковника А.И. Бафталовского. Там он прожил до конца года, став свидетелем многих важных исторических событий. На жизнь Махров зарабатывал, устроившись помощником начальника так называемого Хлеб-бюро в Полтавской губернии — организации, занимавшейся поставками зерна представителям германских оккупационных сил. Приходилось инспектировать мукомолов, проверять количество принятого зерна и сданной муки. Затем, после падения режима гетмана П.П. Скоропадского и в связи с наступле-

2018. Вып. 1–2. С. 144–156; *Он же*. «Белая гвардия» по Булгакову и по Махрову // Родина. 2018. № 12. С. 116–119; Конец Юго-Западного фронта. Воспоминания генерал-лейтенанта П.С. Махрова о событиях на Украине в 1917–1918 гг. / публ. А.В. Ганина // Исторический архив. 2019. № 6. С. 143–163; *Он же*. Бывший начальник штаба генерала П.Н. Врангеля П.С. Махров о походе Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 г. // Славянский альманах. 2020. № 1–2. С. 461–471.

² Махров П.С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб.: Logos, 1994.

³ Там же. С. 5.

нием советских войск на Левобережную Украину, через Одессу уехал в армию генерала А.И. Деникина, где и служил в 1919–1920 гг.

Публикуемый фрагмент охватывает события осени 1918 г. — зимы 1919 г. и касается антигетманского восстания на Украине, падения режима гетмана П.П. Скоропадского, в нем описывается разгул атаманщины и непростой отъезд Махрова из Полтавы в Одессу через Киев. Для самого Махрова служба в украинской армии была неприемлема, однако он ярко и интересно показал процесс украинизации бывших офицеров русской армии, а также особенности взаимодействия бывших офицеров различной политической ориентации. Финал этой части достаточно запутан, а последние дни гетманской власти в Киеве ошибочно отнесены Махровым к январю 1919 г. вместо декабря. Тем не менее удалось восстановить хронологию событий в комментариях. Сильной стороной Махрова-мемуариста были портретные характеристики многих исторических деятелей той непростой эпохи. Представлены такого рода зарисовки и в публикуемом фрагменте.

Воспоминания публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Явные ошибки исправлены без оговорок. Неточности (исключая ошибки в фамилиях, именах и отчествах, которые исправлены в тексте) в публикуемом фрагменте поясняются в комментариях. Всё относящиеся к истории России даты до февраля 1918 г. в комментариях приведены по старому стилю. Название дано публикатором и соответствует имеющемуся в мемуарах заголовку первого публикуемого раздела, а также теме фрагмента в целом.

Вычеркнутый П.С. Махровым текст воспоминаний в тех случаях, когда он поддавался восстановлению и содержал дополнительную информацию, восстановлен в сносках.

*Вступительная статья,
публикация и примечания
А.В. Ганина*

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УКРАИНЕ

В октябре, в конце месяца⁴, в Полтаве вдруг стали появляться какие-то воинские части вроде небольших отрядов. Вид у них был жалкий. Мне приходилось видеть пехотные роты, плохо одетые, угрюмые, нестройными рядами медленно месившие грязь по улицам. У одних были винтовки на ремнях, у других — на плечах. Погон не было. Трудно было различить, кто из них был офицер, кто солдат. Мне объяснили, что это петлюровцы.

«Ну вот, — подумал я, — каков поп, таков и приход». Но куда они шли? Против кого? Не шло же это жалкое воинство сражаться с немцами? Вскоре кой-что выяснилось. Немцы выпустили Петлюру из тюрьмы⁵. Где-то на юге образовалась Директория⁶ с известным шарлатаном Винниченко⁷ и никому не известным Чеховским⁸. Петлюра стал Главным отаманом. Немцы сохранили благожелательный нейтралитет к гетману без враждебности к Директории.

На Украине начиналась Гражданская война. С одной стороны, ясновельможный гетман, не имевший войск, кроме немногочисленных сердюков, с другой — большевик Винниченко с Чеховским, располагавший бандами разбойников и грабителей под командой Петлюры, опиравшегося только на галичан. Галичане сравнительно с украинским «казачеством», несмотря на всевозможный сброд их состава (галичане, румыны, венгры, немцы, поляки, русские и украинцы), представляли из себя более или менее дисциплинированные и боеспособные воинские части. Но в Киеве, Одессе, Харькове и других городах Украины были и русские офицеры, положение которых

⁴ Речь идет о событиях первой половины ноября 1918 г. по новому стилю.

⁵ Петлюра Симон Васильевич (10.05.1879–25.05.1926) — украинский военно-политический деятель, генеральный секретарь военных дел Украинской народной республики (УНР), позднее — военный руководитель антигетманского восстания, глава Директории УНР (с 02.1919). Петлюра был освобожден из тюрьмы министром юстиции Украинской державы А.Г. Вязловым по указанию гетмана П.П. Скоропадского 12 ноября 1918 г. (по другим данным, утром 11-го), за несколько дней до антигетманского восстания, причем даже был лично принят Скоропадским (*Петлюра С. Статті. Листи. Документи. Київ: ПП Сергійчук М.І., 2006. Т. 4. С. 199*).

⁶ Директория из пяти лиц (В.К. Винниченко, С.В. Петлюра, Ф.П. Шве́ц, А.М. Андриевский, А.Г. Макаренко) была учреждена подпольным Украинским национальным союзом 13 ноября 1918 г. Ее члены выпустили воззвание о низложении гетмана. Директория переехала из Киева в Белую Церковь. Для силового захвата власти было намечено восстание и наступление на Киев. Восстание началось одновременно в Белой Церкви, Бердичеве и Харькове в ночь с 15 на 16 ноября 1918 г.

⁷ Винниченко Владимир Кириллович (16.07.1880–06.03.1951) — украинский общественно-политический деятель, писатель, драматург, глава Директории УНР (14.11.1918–10.02.1919).

⁸ Чеховский Владимир Моисеевич (19.07.1876–03.11.1937) — украинский общественно-политический деятель, первый председатель Совета министров УНР и министр иностранных дел (1918–1919). П.С. Махров ошибся — в состав Директории Чеховский не входил.

было «похмельем в чужом пиру». В Киеве русские добровольческие отряды⁹ стали под начальство генерала графа Келлера¹⁰. В Одессе сформировались добровольцы ген. Деникина¹¹. В других городах они не превосходили сотни человек. В Полтаве было около 150. Население Полтавы волновалось. Обыватели решили образовать «самоохрану». Как-то в конторе нашего «хлеб-бюро» торговый агент, еврей Каттель, мне сказал: «Почему офицеры не организуются? Пора!» Я ответил: «Почему вы считаете, что дело защищать город от разбойников лежит на обязанности офицеров?» Он возразил: «Потому что они умеют владеть оружием». Я, в свою очередь, ответил: «Исаак Абрамович, соберите ваших единомышленников, мы их обучим воевать в две недели, поставим начальниками офицеров, и пусть ваши мукомолы дадут денег, чтобы содержать воинскую часть, и всё будет справедливо...» Он почесал затылок, и мы разговор прекратили...

В киевских газетах всё чаще и чаще стало мелькать имя Энно¹². Никто не знал, что это за мифическая личность, которая от имени Франции обещала восстановить Россию, установить порядок на Украине и изгнать немцев...

Всё же это несколько успокаивало обывателя Полтавы, видевшего уже власть Петлюры и отдохнувшего при гетманском правительстве.

В первых числах ноября¹³, возвратившись с рынка, наша кухарка Настя взволнованно заявила, что в город вступают большевики... «Где вы их видели?» — спросил я. «Как, вот посмотрите, Петр Семенович, вот идут по Сенной площади на город...»

Немедленно одевшись, я вышел из дому. Действительно, по Сенной площади, левее Александрийской улицы и правее ее по Базарной, рассыпавшись, шли пехотные цепи солдат в серых шинелях с винтовками в руках в направлении к скверу кадетского корпуса.

Я догадался, что это были петлюровцы. Но против кого они наступали? Не против же немцев? А гетманских войск, кроме штаба командира кор-

⁹ Русские добровольческие отряды на Украине стали формироваться после того, как гетман П.П. Скоропадский 14 ноября 1918 г. обнародовал федеративную грамоту, в которой говорилось о будущей Украине как автономии в составе федеративной России, освобожденной от большевиков. Издание федеративной грамоты привело к активизации правых организаций, а сам гетман быстро утратил контроль над ситуацией. Подробнее см.: Ганин А.В. «Русский проект» гетмана П.П. Скоропадского: опыт Екатеринослава (ноябрь — декабрь 1918 года) // Славяноведение. 2019. № 1. С. 56–61.

¹⁰ Келлер Федор Артурович (1857–1918) — генерал от кавалерии, граф, главнокомандующий всеми вооруженными силами, действующими на территории Украины (18–26.11.1918). Убит петлюровцами в Киеве 21 декабря 1918 г. Считается одним из прототипов полковника Най-Турса из романа М.А. Булгакова «Белая гвардия».

¹¹ Деникин Антон Иванович (04.12.1872–07.08.1947) — генерал-лейтенант, главнокомандующий Добровольческой армией.

¹² Энно Эмиль — капитан французской армии. Французский вице-консул в Киеве и консул в Одессе.

¹³ То есть примерно в середине ноября 1918 г. по новому стилю.

пуса генерала Слюсаренко¹⁴ с десятком писарей, не было. Я прошел по Александровской улице к Полтавскому корпусу. Там стояла под ружьем рота немецких солдат с офицерами штаба. Перекрестки улиц были заняты немецкими небольшими группами солдат с пулеметами.

Город опустел. Я зашел в контору «хліб-бюро». Там уже собрались служащие, но никто не работал, а беседовали, сообщая друг другу новости событий. Более других оказался осведомленным Севского пех[отного] полка капитан Кальницкий (*beau frère*¹⁵ ген[ерала] Бреслера¹⁶). По его сведениям, это вступил в город авангард украинской армии атамана Болбочана¹⁷. Немцы заявили начальнику украинского отряда, что они никаких сражений и безобразий не допустят. В данный момент петлюровские парламентарии вели какие-то переговоры с немецким командованием...

Мы с генералом П.А. Маркодеевым¹⁸ сидели в нашей комнате и беседовали, желая себе представить общую обстановку и разгадать грядущие события. Ясно было, что немецкому владычеству наступил конец. Очевидно было, что союзники решили оказать содействие национальным государственным образованиям на юге России, не допустив ее расчленения, как об этом сообщили в газетах устами Энно. Но в какую форму выльется украинский вопрос, мы себе не представляли. Еще серьезнее было положение большевистской России, которая, конечно, не могла допустить отделения Украины с ее самостоятельными вождями. «Одно ясно, Петр Семенович, надо ноги уносить отсюда», — сказал Маркодеев... В это время нам подали завтрак¹⁹. Мы принялись за еду. «Павел Анисимович, как вы думаете, не выпить ли нам по рюмочке водки за здоровье Павло Скоропадского²⁰? — сказал я. — Ведь благодаря ему мы с вами полгода отдыхаем...»

¹⁴ Слюсаренко Владимир Алексеевич (02.05.1857–22.05.1933) — генерал от инфантерии. Служил в украинской армии. Командир VI Полтавского корпуса (1918). Позднее — участник Белого движения на юге России. Подробнее см.: *Слюсаренко В.А. На мировой войне, в Добровольческой армии и эмиграции. Воспоминания. 1914–1921. М.: Кучково поле, 2016.*

¹⁵ Шурин (*франц.*).

¹⁶ Бреслер Владимир Петрович (24.06.1874–1945?) — генерал-майор, сослуживец П.С. Махрова.

¹⁷ Болбочан (Балбочан) Петр Федорович (05.10.1883–28.06.1919) — полковник украинской армии. П.Ф. Болбочан в ночь на 16 ноября 1918 г. поднял восстание против гетмана в Харькове, после чего выдвинулся к Полтаве. Главнокомандующий Левобережным фронтом войск Директории (с 17.11.1918). Прототип полковника Болбо-туна из романа М.А. Булгакова «Белая гвардия». Подробнее см.: *Сидак В., Осташко Т., Вронська Т. Полковник Петро Болбочан: трагедія українського державника. Київ: Темпора, 2004.*

¹⁸ Маркодеев Павел Анисимович (05.03.1878 — не позднее 1931) — генерал-лейтенант. Впоследствии — участник Белого движения на юге России.

¹⁹ Контора «хліб-бюро» отпускала всем служащим бесплатно довольно приличный завтрак к 12 ч. дня, т[ак] к[ак] занятия велись с 9 утра до 3^х часов дня, без перерыва. — *Примеч. П.С. Махрова.*

²⁰ Скоропадский Павел Петрович (03.05.1873–26.04.1945) — генерал-лейтенант, гетман Украины (1918).

Маркодеев был сибиряк Томской губ. и любил выпить. «Выпить, так выпить», — весело откликнулся он... Нам подали водку. Он оглядел графинчик, понюхал с видом знатока и одобрил. Мы выпили за Павло и не забыли Энно...

Едва мы закончили завтрак, как к нам вошел наш «архангел». Так мы называли немца-лейтенанта, прикомандированного к нашей конторе, Артура Карловича.

Несмотря на то, что он хотел сохранить свой обычный спокойный вид, мы заметили в нем перемену.

Он обратился ко мне с некоторой тревогой, указав на то, что за октябрь месяц контора не сдала определенного количества муки немцам.

Ответ с моей стороны был самый простой: крестьяне прекратили подвоз хлеба, да и железные дороги работают с перебоем, дальше будет хуже²¹...

Всё это он проглотил. При первом моем знакомстве с этим симпатичным немцем мы как-то говорили о русской революции. Тогда я объяснял развал нашей армии не только керенщиной и большевистской пропагандой, но и благосклонным содействием немецкого командования. Немцы отлично организовали систему «братания» на фронте и чрез нее вливали в уста русских солдат яд разложения. Я тогда заметил моему собеседнику, что это психологическое оружие может стать опасным и для немецкой армии, может заразить ее. «О нет, — с некоторой гордостью возразил мне лейтенант, — наш народ значительно культурнее русского. То, что произошло у вас, у нас, немцев, не может иметь места...»

Мне неприятно было слышать его мнение о превосходстве культурном немцев над нами, но я промолчал.

Не скрою, что теперь, когда в Германии пахло революцией и когда немцам предстояло очищать Украину и уходить домой, я злорадствовал. И, стыдно сказать, не выдержал. Я напомнил ему наш разговор полгода тому назад и сказал: «Вот мы уже проходили университетский курс революции, а вы только поступаете в гимназию, но при культурности немецкого народа скоро нас догоните...»

Петлюра и его отаманы

На другой день, идя в контору утром, я увидел толпу людей у здания Крестьянского банка. У дверей стояли два парных «сичевика»²² (галичанина) и небольшой, но хороший автомобиль. Я спросил у одного из зевак: «В чем дело?» Он мне ответил, что отаман Болбочан скоро выйдет. Я ре-

²¹ Далее зачеркнуто: «Далее мы заговорили о положении самих немцев, и я, между прочим, намекнул ему, что и у немцев пахнет революцией».

²² У П.С. Махрова ошибочно «сечівика». Здесь и далее у П.С. Махрова присутствуют различные варианты написания. Нормативное украинское — сичовик, русифицированный вариант — сичевик.

шил немного подождать, чтобы увидеть этого отамана. До сих пор я только слышал о нем от офицеров, его знавших. О нем говорили, что он в русской армии был штабс-капитаном в одном из пехотных полков²³. Его знали как очень ловкого человека, всегда умевшего «показать товар лицом» и выслуживаться пред начальством. Ни образованием, ни талантами он не отличался, но достигал своих целей, держа нос по ветру. Через несколько минут открылись двери, из которых вышел маленького роста с немаленьким животом, в синей поддевке и мерлушковой шапке с русой бородой вертлявый и жестикулирующий парень.

Важно поговорив с окружавшей его «свитой», он нырнул в автомобиль со своим адъютантом. Шофер почтительно закрыл за ним дверь и повез отамана к Харьковскому вокзалу.

Такого же отамана я видел на Юго-Западном фронте в лице штаб[с]-ротмистра Кудри²⁴, ставшего в конце января 1917 г. главнокомандующим Юго-Западным фронтом.

В таком духе у Петлюры были все «щирые»²⁵ украинские начальники. Мне приходилось встречаться с самим головным отаманом Петлюрой, в бытность мою начальником штаба Юго-Западного фронта, и он производил на меня жалкое впечатление фигляра провинциального театра.

Очищение немцами Украины.

Занятие петлюровцами Одессы и вступление их в Киев²⁶

18го ноября²⁷ с утра по улицам Полтавы тянулись колонны немецких войск в направлении к Харьковскому вокзалу. Несмотря на то, что в Германии совершилась революция, что в оккупационной армии на Украине уже введены были советы солдатских депутатов, немецкая пехота в своих воинственных стальных шлемах шагала так же стройно, так же в образцовом порядке, как я ее видел вступающей в Полтаву весной. Обозы и артиллерия, следовавшие по дорогам, двигались на установленных дистанциях, имея впереди на своих местах офицеров верхом, лошади были вычищены, поводки вымыты, ездовые сидели на местах и только как революционная вольность позволяли себе курить.

Видно было, что это еще грозная, дисциплинированная сила. Были слухи, что немцы развалились, что они не подчиняются своим начальникам, но внешний вид их говорил обратное.

²³ П.Ф. Болбочан в русской армии имел чин капитана.

²⁴ Кудря Федор Евдокимович (16.02.1894-?) — штабс-капитан, член украинской партии эсеров, помощник украинского комиссара Юго-Западного фронта, революционный главнокомандующий Юго-Западного фронта (1918).

²⁵ То есть настоящие (укр.).

²⁶ Этот фрагмент воспоминаний ранее публиковался в: Ганин А.В. «Белая гвардия» по Булгакову и по Махрову // Родина. 2018. № 12. С. 116–119.

²⁷ 1 декабря 1918 г. по новому стилю.

Мне несколько раз приходилось быть на киевском и харьковском вокзалах. Я видел погрузку эшелонов, происходившую в образцовом порядке. Вот при этом зрелище я вспоминал слова немца, состоявшего при нашей конторе²⁸ о превосходстве немецкой культуры над нашей...

27го ноября²⁹ в Полтаве распространили слух, что Петлюра выпустил из тюрьмы арестантов и они начали грабить. Другие говорили, что из деревень пришли петлюровские повстанцы и это дело их рук. Никто в точности не знал, что произошло, да и были ли даже случаи грабежей. Вскоре паника улеглась и всё успокоилось.

28 ноября³⁰ стало известно, что петлюровские войска заняли Одессу. 30 ноября³¹ немцы по требованию украинского правительства увели свои войска с пунктов, прикрывавших Киев, и 1-го декабря³² «січевики» под начальством Коновальца³³ вступили в бой с гетманскими войсками³⁴. Немцы держали себя нейтрально, охраняя, однако, безопасность Скоропадского.

На стороне гетмана была только сердюкская дивизия хлеборобов, да русские добровольческие офицерские отряды, объединенные генералом графом Келлером. Я его лично знал на фронте 8-ой армии ген[ерала] Брусилова³⁵. Тогда Келлер был начальником Оренбургской казачьей дивизии³⁶. Келлер был высокого роста и imponировал своей наружностью смелого, энергичного и решительного военачальника. Чувствовалось, что это был природный воин, всегда готовый к бою, не щадя ни себя, ни своих подчиненных. И вместе с тем это был справедливый и добрый человек, любимый своими казаками. Долг и честь у него были на первом месте. Его дивизия известна была своими лихими атаками в конном строю против австрийцев.

Такого воина в прямом смысле этого слова и такого замечательного генерала я в моей жизни встретил еще только в лице генерала Павла Карловича Ренненкампа³⁷ во время войны 1904–1905 г. в Маньчжурии.

²⁸ Речь идет о Хлеб-бюро, занимавшемся поставкой зерна немцам.

²⁹ 10 декабря 1918 г. по новому стилю.

³⁰ 11 декабря 1918 г. по новому стилю.

³¹ 13 декабря 1918 г. по новому стилю.

³² 14 декабря 1918 г. по новому стилю.

³³ Коновалец Евгений Михайлович (14.06.1891–23.05.1938) — полковник украинской армии, командир отдельного полка сечевых стрельцов в Белой Церкви, активный участник антигетманского восстания, начальник Осадного корпуса. Прототип полковника Торопца из романа М.А. Булгакова «Белая гвардия».

³⁴ В самом Киеве.

³⁵ Брусилов Алексей Алексеевич (19.08.1853–17.03.1926) — генерал от кавалерии, командовал 8-й армией в 1914–1916 гг.

³⁶ Махров ошибся. В 1912–1915 гг. Ф.А. Келлер командовал 10-й кавалерийской дивизией, в состав которой входил 1-й Оренбургский казачий Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк.

³⁷ Ренненкампа Павел Карлович (17.04.1854–01.04.1918) — генерал от кавалерии.

Бой гетмана с Петлюрой был неравный. Сердюки держали себя двусмысленно и стали переходить на сторону Петлюры. Русские добровольцы были и малочисленны, и неорганизованны, да у них и не было морального подъема. У Петлюры всё же была дисциплинированная сила в лице корпуса «сичевиков» под начальством Коновальца. Опираясь на эту силу, Петлюра мог использовать своих отаманов, командовавших сбродом черни, готовой к грабежу и разбою.

Первым актом «государственной» петлюровской деятельности, как всегда, был грабёж и «щипая» украинизация.

Вступив в Киев³⁸, «сичевики» окружили ювелирные магазины и банки. Всё, что можно было, было ограблено. Называли цифру захваченного золота и золотых вещей на сумму свыше 80 миллионов рублей, да на 400 миллионов ценных бумаг³⁹.

Немедленно все вывески в городе были «украинизированы» на языке, непонятном даже самим украинцам. Начались погромы евреев и «обыски». Искали главным образом, конечно, драгоценностей и русских офицеров. Они их или убивали на месте, или тащили в Педагогический музей «в следственную комиссию», которая должна была сыграть роль Мариинского парка времен муравьевщины⁴⁰. Здесь нужно отдать должное немцам, не допустившим массового уничтожения русского офицерства.

Однако им не удалось спасти генерала графа Келлера. Его украинцы арестовали. Он был заключен в Михайловский монастырь. Во время перевода его украинцами в другое место конвойные застрелили его на площади у памятника Богдану Хмельницкому⁴¹.

³⁸ Войска Директории вступили в Киев 14 декабря 1918 г.

³⁹ Как все революционеры, конечно, и Петлюра, и Винниченко не забыли обеспечить золотом и себя. Никому не ведомый малороссийский бухгалтер Петлюра и еще менее известный «писатель» Винниченко в конце концов очутились в эмиграции в[o] Франции. Петлюра, ничего не делая, жил прекрасно в Париже, пока в тридцатых годах его не застрелил на улице, как пса, один еврей. На суде убийца самым откровенным образом заявил, что убийство им совершено из мести, т[ак] к[ак] петлюровцы уничтожили всю его семью. Свидетельские показания нарисовали картину «Вільной України» с ее отаманами и Директорией в таких красках, что суд убийцу оправдал. Винниченко купил себе прекрасное имение на юге Франции в районе Мужена, в 2 километрах от Канн. Он, как подобает социалисту, пользовался наемным трудом и благоденствовал в стране капиталистов. В 1952 он умер... помещиком во Франции, а на «Вільной Україні» его лозунгом было «Долой кулацко-офицерскую диктатуру». Его политическая программа ничем не отличалась от большевистской, и он пресмыкался пред советским правительством, желая сохранить свою призрачную власть. — *Примеч. П.С. Махрова.*

П.С. Махров неточен — С.В. Петлюра был убит в 1926 г. В.К. Винниченко умер в 1951 г.

⁴⁰ Речь идет о событиях конца января 1918 г., когда советские войска под командованием М.А. Муравьева заняли Киев и осуществляли расстрелы в Мариинском парке в центре Киева. Муравьев Михаил Артемьевич (13.09.1880–11.07.1918) — бывший подполковник, советский военный деятель. Командующий группой войск на Киевском направлении (01–02.1918). Присылал к партии левых эсеров. Главнокомандующий советским Восточным фронтом. Поднял мятеж против Советской власти, но был убит.

⁴¹ Речь идет о событиях 21 декабря 1918 г. Граф Ф.А. Келлер был убит вместе с адъютантом при переводе из Михайловского монастыря в тюрьму возле памятника Богдану Хмельницкому на Софийской площади Киева.

Киевская общественность, русская интеллигенция, была запугана и не могла себя проявить в защиту офицерства, но всё же городское самоуправление делало всё, что могло.

Начальником охраны города был назначен кооптированный городской думой в качестве члена русский адвокат Иван Яковлевич Герман⁴². Для его штаба было отведено помещение в думе. Герман был офицером военного времени, воспринявшим все лучшие традиции императорской армии.

Он быстро организовал свой штаб в лице полковника Пораделова⁴³ и Липеровского⁴⁴ и небольшой отряд с одним танком для личного выезда на места, где офицерству грозила расправа украинских большевиков. Имея большие знакомства среди киевской общественности и офицерства, держа постоянную связь с командиром 4^{-го} гетманского корпуса генералом Заболотным⁴⁵ и со своим другом проф[ессором] Одинцом, гетманским министром по русским вопросам⁴⁶, Герман всегда был осведомлен о происходящих событиях. В городской думе он отвел отдельную комнату, где давал убежище офицерству, коему грозила опасность. Мне лично известно спасение им от неминуемой смерти многих русских и гетманских офицеров, в числе их генерала Заболотного, моего товарища по академии Генерального штаба⁴⁷, и полковника Мартоса⁴⁸. Он вывез из Киева в Одессу в своем вагоне, имея охрану только в 12 человек верных русских солдат, многих военных и гражданских лиц, в том числе бывшего главнокомандующим Юго-Западным фронтом генерала Володченко⁴⁹. Интересен факт этой операции: Герман выдал всем этим лицам подложные документы от «Управления по ликвидации организаций военного времени», начальником которого якобы он был.

Его вагоны были прицеплены к поезду и прошли благополучно до станции Раздельная, где начиналась зона французской оккупации. Но здесь на-

⁴² Герман Иван Яковлевич — адвокат, прапорщик, эсер, председатель комиссии по выборам в Учредительное собрание на Юго-Западном фронте (1917), сослуживец П.С. Махрова.

⁴³ В документе ошибочно — Параделов. По-видимому, Пораделов Николай Николаевич (15.07.1887–1948) — полковник, член партии социалистов-революционеров.

⁴⁴ Липеровский Георгий (Юрий) Александрович (07.05.1879–08.1944) — полковник. Участник Белого движения на юге России.

⁴⁵ Заболотный Аркадий Моисеевич (07.01.1870–18.04.1928) — генерал-майор русской армии, генеральный хорунжий украинской армии. Начальник штаба IV корпуса (1918).

⁴⁶ Одинец Дмитрий Михайлович (07.01.1883–10.05.1950) — историк, публицист, общественный деятель. Министр великорусских дел правительства УНР (1918). Оставил свой пост с приходом к власти гетмана П.П. Скоропадского. Проживал в Одессе.

⁴⁷ А.М. Заболотный окончил академию в 1904 г., а П.С. Махров — в 1907.

⁴⁸ По-видимому, речь идет о С.Д. Мартосе. Мартос Сергей Дмитриевич (02.10.1872–?) — полковник.

⁴⁹ Володченко Николай Герасимович (20.11.1862–05.12.1945) — генерал-лейтенант. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. Жил в Одессе, позднее уехал на Дальний Восток.

чальник украинской разведки узнал одного из пассажиров, предъявившего ему свой подложный документ, выданный Германом на имя чиновника Виноградова. Момент был критический. Начальник украинского «Чека» сотник Чайковский⁵⁰ оцепил вагоны украинскими казаками, и участь пассажиров висела на волоске от смерти. Однако Герман не растерялся. Имея всюду знакомства, он указал Чайковскому на командира «коша»⁵¹ Змеевского, бывшего русского полковника, служившего с Германом в штабе армии Брусилова, и потребовал переговорить с ним. Змеевский разрешил вопрос в пользу Германа, и все члены его мнимого «Ликвидационного управления» были переданы в руки французских властей.

Подробности месячной деятельности Ив[ана] Як[овлевича] Германа в Киеве в свое время описаны в киевской газете «Киевская мысль»⁵².

Когда 1-го декабря⁵³ ворвался в Киев отряд отамана Тютюнника⁵⁴, маленького, рыжего, с изможденным лицом дегенерата, и тот хотел снять русский флаг, чтобы поднять украинский, Герман этого не допустил и потребовал решения вопроса городской думой.

Постановлено было сохранить русский и вывесить украинский рядом.

4-го декабря⁵⁵ Петлюра, штаб которого стоял в гостинице «Континенталь», вызвал Германа к себе, Герман Петлюру знал, встречался с ним в 8-ой армии, куда Петлюра приезжал в качестве представителя от Земского союза.

Головной атаман встретил Германа любезно и предложил ему поступить на украинскую службу в военное министерство, но Герман отказался⁵⁶.

⁵⁰ Чайковский Евгений (Юлиан) (1896–1921) — сотник украинской армии, начальник контрразведки Осадного корпуса.

⁵¹ То есть отряда.

⁵² Далее зачеркнуто: «Я лично знал эту мятущуюся русскую душу, сохранившую заветы седой старины и вместе с тем способную увлекаться идеями нового века. Я знал Германа как человека в высшей степени религиозного, всегда спешившего на помощь ближнему, как человека беспартийного и скромного. По русскому обычаю он был гостеприимен и за чаркой вина мог шутить, веселиться и веселить друзей до утра, чтобы потом сесть за серьезнейшее дело, которое он всегда разрешал самым продуманным образом.

Будучи человеком миролюбивым и серьезным, он иногда во имя идеи пускался в авантюры, не считаясь с опасностями.

Во всю его жизнь красной нитью проходит любовь [к] России, величину которой он хотел служить. Во время войны, став офицером, он таковым по рыцарским традициям остался навсегда».

⁵³ 14 декабря 1918 г. по новому стилю.

⁵⁴ Тютюнник Юрий Осипович (20.04.1891–20.10.1930) — украинский военно-политический деятель. На самом деле его отряд не врывался в Киев. Тютюнник освобожден из-под ареста на киевской гауптвахте и вместе с другими бывшими заключенными занял район Печерска.

⁵⁵ 17 декабря 1918 г. по новому стилю.

⁵⁶ Далее вычеркнуты различные варианты текста (приведу наиболее полный): «Тогда Петлюра поручил продолжать Герману работу по охране города.

Герман ответил, что это он будет делать, если городская дума даст свое согласие. Дума единогласно это вотировала. Так при Петлюре русский офицер и русский

Таким образом, при владычестве Петлюры русский офицер-прапорщик и русский адвокат по своей инициативе охранял в Киеве от опасности украинского разбоя русское офицерство и вообще русских людей.

Официальными представителями Добровольческой армии в Киеве были генерал Ломновский⁵⁷ и кн[язь] Долгоруков⁵⁸. Первого я хорошо знал. Он был моим начальником в штабе 8-ой армии Брусилова в 1914–1915 году. Небольшого роста блондин с бородкой, подвижной, в высшей степени работоспособный. Обладая феноменальной памятью, он в каждый момент знал, где и что происходит, и представлял себе обстановку с самыми смелыми подробностями. Эрудиция у него была большая, и он, несомненно, был выдающийся офицер Генерального штаба. Недостатком его было то, что он боялся начальства больше, чем пули неприятеля. Принять решение на свой страх он не мог, и, еще хуже, малейшая неудача на фронте его приводила в паническое состояние, и он терял равновесие духа. Во взаимоотношениях с подчиненными Петр Николаевич Ломновский был чрезвычайно деликатный. Чтобы отметить ошибки подчиненных, он вместо замечания или решительного приказа сам принимался за работу. Вместе с тем у него сильно было чувство долга. Человек он был безукоризненной честности. Конечно, во время революции ему нелегко было справляться со своими обязанностями, а тем более в период Гражданской войны. Кн[язь] Долгорукова я не знал. У Ломновского с Долгорукиным происходили нелады, не было единства действий. Как мне говорили, Долгоруков склонялся к политике признания самостоятельной Украины, Ломновский расчленения России не признавал.

В общем же ни тот ни другой никакого содействия организации русского офицерства в Киеве не оказал.

Нечего и говорить, что на деятельность, подобную⁵⁹ Герману, они были совершенно не пригодны.

адвокат еще в течение месяца продолжал быть нечто вроде коменданта г. Киева... Последним актом деятельности Германа в отношении защиты и помощи русским офицерам и общественным деятелям был вывоз из Киева в Одессу в середине января 1919 года генерала Володченко, доктора Снарского, адвоката Грузенберга и других лиц, о чем я упомянул выше».

⁵⁷ Ломновский Петр Николаевич (24.11.1871–02.03.1956) — генерал-лейтенант, представитель Добровольческой армии в Киеве, начальник Киевского главного центра Добровольческой армии.

⁵⁸ Махров ошибся как в фамилии, в оригинале — Долгорукий, так и в должности, называя его официальным представителем Добровольческой армии. Долгоруков Александр Николаевич (27.12.1872–17.01.1948) — генерал-лейтенант русской армии, главнокомандующий всеми вооруженными силами, действующими на территории Украины (сменил Ф.А. Келлера 26.11.1918). Прототип князя Белорукова из романа М.А. Булгакова «Белая гвардия».

⁵⁹ В документе — подобной.

Военная обстановка на Украине в середине декабря 1918 г. и полтавская жизнь

Попытка Болбочана обосноваться сперва в Полтаве, а потом в Харькове закончилась неудачей. Из Полтавы его вытеснили немцы 3-го декабря⁶⁰, а 7-го — из Харькова⁶¹. Его штаб перемещался в направлении на Кременчуг. Одновременно были получены сведения, что петлюровцы 5-го декабря⁶² были выгнаны русскими добровольцами из Одессы, где начали высаживаться французские войска.

Вскоре пронесся слух, что на севере Украины появились отряды «украинских повстанцев-большевиков», наступавших в направлении на Харьков, Полтаву и Конотоп.

Нам, сидевшим в Полтаве, в середине декабря обстановка представлялась так: в Киеве находился гетман, охраняемый немцами, и Петлюра. Между ними продолжалась борьба, причем Коновалец со своими «сичевиками» был хозяином положения. Одесса была в руках добровольцев белой армии Деникина. Пред Одессой почти непосредственно стояли петлюровские войска небольшой численности и еще меньшей моральной годности. У Николаева бродил отряд отамана Григорьева⁶³, авантюриста вроде Болбочана, тоже бывшего русского офицера штабс-капитана или капитана. Политически его лицо не было ясно. Он скорее склонен был действовать независимо, но пока был на стороне Петлюры и, как [и] он, занимался грабежами и еврейскими погромами. И над всей Вільной Украиной с ее гетманом, Директорией и отамами нависла с севера черная грозная туча «украинских повстанцев-большевиков», несомненно организованных по указу из Москвы⁶⁴.

⁶⁰ 16 декабря 1918 г. по новому стилю.

⁶¹ 20 декабря 1918 г. по новому стилю.

⁶² 18 декабря 1918 г. по новому стилю.

⁶³ Григорьев Николай Александрович (1878–27.07.1919) — эсер (1917–1918), затем боротьбист (1919). Штабс-капитан. Командир повстанческого отряда, затем Херсонской дивизии армии УНР. Комиссар Александрийского уезда Херсонской губернии. Фактически — диктатор в районе Херсон — Николаев. Перешел на сторону РККА. Командовал дивизией РККА. Затем поднял восстание, которое потерпело поражение, присоединился к махновцам и был убит по приказу Н.И. Махно.

⁶⁴ После аннулирования Советской Россией Брестского мира советское руководство получило возможность активизировать поддержку украинских революционеров. 28 ноября 1918 г. в Курске было провозглашено Временное рабоче-крестьянское правительство Украины. Председателем правительства стал большевик Г.Л. Пятаков. На следующий день правительство переехало в приграничный город Суджа Курской губернии и выпустило «Манифест к украинскому народу», объявив о свержении власти гетмана и призыв к борьбе за восстановление Советской власти на Украине (подробнее см.: *Солдатенко В.Ф.* В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографическое эссе. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 346–347). 30 ноября Реввоенсовет группы войск Курского направления был переименован в Реввоенсовет советской армии Украины. Ее командующим стал В.А. Антонов-Овсеенко. Постепенно на советской территории шло наращивание сил на этом направлении, но каких-либо наступательных действий до падения режима гетмана Скоропадского не предпринималось.

Наше положение в эти дни в Полтаве было тревожное. В городе к концу декабря ни гетманской, ни петлюровской власти не было. Управление населением взяла на себя городская дума. Многие жители покидали город и уезжали в направлении на юг, рассчитывая попасть в Одессу. Жизнь в Полтаве протекала мирно, не было ни грабежей, ни убийств. Тюрьма охранялась, казначейство функционировало, рынок вяло, но торговал, железнодорожное сообщение продолжало действовать.

В этом зловещем внешнем спокойствии Полтавы было что-то жуткое. Офицерство, находившееся в городе, стало организовываться. Кто был инициатором этого, я не знаю, кто дал им возможность вооружиться и даже добыть две пушки, мне неизвестно, но во главе их оказался артиллерийский подполковник⁶⁵ георгиевский кавалер Михаил Соболевский⁶⁶, которого я знал еще подпоручиком. Он участвовал в войне 1904–1905 года. Там за отличие в боях был награжден Георгиевским крестом, а после войны окончил Михайловскую артиллерийскую академию⁶⁷...

Днем 20го декабря⁶⁸ у сквера кадетского корпуса стояла жиденькая толпа обывателей, привлеченная веселой солдатской песнью. Подошел и я. По Александровской улице в направлении к харьковскому вокзалу шел маленький офицерский отряд, человек 50. Он был хорошо одет. Винтовки держались на плечах, как на параде. Сзади тащилось несколько пулеметов. Офицеры твердо отбивали такт ногой под залихватскую русскую песню, которой, видимо, они бодрили самих себя. Мое сердце больно сжималось при виде этого жеста отчаяния... Они, как я узнал, шли к ближайшей ж[елезно]д[орожной] станции к востоку от Полтавы, чтобы взорвать ж[елезно]дор[ожный] мост и задержать наступление большевиков на Полтаву.

Конечно, их жертвенность не могла остановить противника. В Полтаве не было никакой вооруженной силы, и все, кто имел возможность, спешили уехать. Чрез город время от времени проходили немецкие колонны мрачных солдат, следовавших для погрузки на ст[анцию] Киевского вокзала...

Отъезд из Полтавы в Добровольческую армию

В нашей конторе «хліб-бюро» укладывался архив. Генерал Бреслер принимал меры, чтобы дать возможность желающим служащим уехать. Было около 10–15 человек, в том числе Бреслер, Маркодеев, Фролов⁶⁹, я, полк[овник]

⁶⁵ Правильно — полковник.

⁶⁶ Соболевский Михаил Яковлевич (02.01.1883–07.07.1930) — полковник, впоследствии генерал-майор. Командир добровольческого офицерского отряда Полтавской губернии, позднее переименованного в Отдельный Полтавский добровольческий батальон. После отступления от Полтавы пробился к Кременчугу, сдался петлюровцам. Смог вместе с батальоном уехать в Германию. Позднее участвовал в Белом движении на Северо-Западе России.

⁶⁷ П.С. Махров ошибся. М.Я. Соболевский не имел академического образования.

⁶⁸ 2 января 1919 г. по новому стилю.

⁶⁹ Фролов Александр Григорьевич (08.01.1886–10.06.1924) — капитан (впоследствии — полковник). Начальник Полтавского центра Добровольческой армии. Махров именует Фролова Флоровым. Во всех случаях фамилия исправлена без оговорок.

Дон-Штрубо⁷⁰ и еще один бывший жандармский офицер, коим оставаться в Полтаве было равносильно смерти. В распоряжении Бреслера был только один небольшой вагон-салон, в котором он всех уместить не мог. Уезжавшие мукомолы обещали ему «купить» у начальника ст[анции] Харьковского⁷¹ вагон. Шли переговоры, которые затягивались не торгом, а отсутствием классного вагона, которые все захвачены немцами. Время проходило, опасность приближалась. 28го декабря⁷² Бреслер прислал ночью на квартиру моего тестя несколько ящиков с серебром, дорогими коврами и другими ценными вещами. Он просил всё это сохранить где-либо у нас, т[ак] к[ак] наш дом сравнительно с его богатой квартирой был очень скромнен, и все знали в городе, что мой тесть был в отставке и жил на получаемую пенсию. Но по наивности своей Бреслер на всех тюках его вещей сделал большими буквами надпись «Генерал В.П. Бреслер». Мой тесть поморщился, но согласился принять эти вещи на хранение⁷³.

Бреслер с женой предполагал уехать в Одессу, чтобы дальше следовать в Константинополь. Мы с Маркодеевым решили оставить наших жен в Полтаве и отправляться чрез Одессу в Добровольческую армию. Такое же решение было и у полковника Фролова.

Кончался декабрь 1918 года⁷⁴. Большевики приближались к Полтаве со стороны Харькова⁷⁵. Бреслер мне ответа насчет принятия нас с Маркодеевым в свой вагон не давал. Накануне Нового года ко мне вечером зашел Маркодеев. По нашим расчетам, в нашем распоряжении оставалось 48, самое меньшее, 36 часов. Мы решили 1го января⁷⁶ попытаться самим уехать

⁷⁰ Возможно, речь идет о В.С. Дон-Штрубо, однако он уже был генералом. Ранее в мемуарах Махров упоминал об их совместной службе в штабе Виленского военного округа. Дон-Штрубо Василий Семенович (11.04.1864-?) — генерал-майор. В 1896-1914 гг. — помощник старшего адъютанта, старший адъютант штаба Виленского военного округа. В 1918 г. — на Украине. В дальнейшем — участник Белого движения на юге России. Также известен его младший брат А.С. Дон-Штрубо. Дон-Штрубо Александр Семенович — подполковник (впоследствии — полковник). В 1918 г. — в украинской армии. В дальнейшем — участник Белого движения на юге России.

⁷¹ Видимо, речь о Харьковском вокзале.

⁷² 10 января 1919 г. по новому стилю.

⁷³ Летом 1919 года большевики по доносу узнали, что богатство Бреслера хранится в доме моего тестя, разграбили весь дом, тестя и мою жену арестовали и отправили в Чека. Только приближение к Полтаве дивизии ген[ерала] Бредова спасло их. Подробности описаны в особых тетрадях моей службы в белой армии. — *Примеч. П.С. Махрова.*

Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич (30.10.1873 — после 1944) — генерал-лейтенант, участник Белого движения на юге России, начальник 7-й пехотной дивизии.

⁷⁴ По старому стилю. То есть речь идет о событиях первой половины января 1919 г. по новому стилю.

⁷⁵ Советские войска заняли Харьков 3 января 1919 г., а Полтаву — 16 января 1919 г. Затем части П.Ф. Болбочана отбили Полтаву, но 19 января город вновь заняли советские войска.

⁷⁶ 14 января 1919 г. по новому стилю.

в одном из отходящих поездов на Киев. Моя жена пригласила Павла Анисимовича Маркодеева с его женой на завтрак 1-го января 1919 года⁷⁷, где бы, отметив день прощальный, могли бы провести несколько часов вместе.

На другой день после завтрака, которому я хотел придать характер бодрости и надежды, что мы с нашими женами скоро встретимся, мы, совершив все обрядности родной старины и благословенные нашими женами, вышли из дому. Мы были сверху одеты в штатское платье и под ним в походные военные френчи без погон и ученых значков. В руках у нас были маленькие чемоданы с самыми необходимыми вещами. Всё время, пока мы скрылись с Сенной площади, наши жены стояли на крыльце, махая платками, вероятно, мокрыми от слез...

На Киевском вокзале нам начальник станции заявил, что никаких поездов, кроме немецких воинских эшелонов, на Киев нет. Он посоветовал нам поговорить с немецким комендантом станции. Последний, узнав, что мы русские генералы, подвел нас к начальнику немецкого эшелона, подлежащего отходу на Киев, и объяснил нашу просьбу. Но последний в очень корректной форме нам отказал, т[ак] к[ак] он не имел права частных лиц принимать в поезд... Мы не настаивали и решили возвратиться ко мне домой. Там мы застали мадам Маркодееву, которая еще оставалась с моей женой.

Мы рассказали о нашей неудаче. На столе появился самовар, и мы обсуждали невеселую перспективу рано утром 2-го⁷⁸ отправиться в путь-дорогу «по образу пешего хождения».

Вдруг раздался звонок в дверь. Вошел адъютант Бреслера поручик Кальченко и доложил, что ген[ерал] Бреслер прислал за нами автомобиль, чтобы мы немедленно ехали на Харьковский вокзал, где нас ждет вагон для отъезда из Полтавы. Мы еще раз простились с нашей семьей и вышли из дому. Автомобиль принадлежал мукомолу Науму Владимировичу Когану, который нас любезно и принял. Он объяснил нам, что ему удалось «купить» классный вагон, в котором разместились чины «хліб-бюро», подлежащие отъезду, а мы приглашены в вагон-салон Бреслера.

Мы приехали на вокзал. Там стояло два поезда. Один — штаба отамана Болбочана. Другой — наш, в составе которого находился вагон государственного банка и вагон Бреслера с вагоном архива и других служащих «хліб-бюро». Вагон Бреслера делился на две половины. В одной были диваны и стол с креслами, где поместился Бреслер с женой. В другой, большей половине стоял стол и стулья, спальных диванов не было. Здесь разместились: Маркодеев, Фролов, я и Коган.

Штаб Болбочана занимал отличные вагоны 1-го класса, а сам отаман помещался в большом салоне-вагоне, у подножек дверей которого стояли часовые, как это подобало командующему армией.

⁷⁷ 14 января 1919 г. по новому стилю.

⁷⁸ 15 января 1919 г. по новому стилю.

Возле поезда фланировали офицеры штаба. Среди них я узнал многих русских офицеров Генерального штаба и, между прочим, моего товарища и близкого друга по училищу [под]полковника Якова Васильевича Величковского⁷⁹.

Он был очень хороший офицер Генерального штаба, человек благовоспитанный и русской культуры. Глаза наши встретились. Мне показалось, что он смутился, но сделал вид, что меня не узнает...

Вскоре поезд Болбочана тронулся. Мы ждали отправки нашего. Коган спросил, есть ли у нас оружие, т[ак] к[ак] в пути мы можем встретиться с бандитами Григорьева и Махно⁸⁰.

Мы его успокоили. Он мечтал пробраться в Крым, где в Евпатории у него была своя дача, в которой жила его семья.

Тронулся и наш поезд. Я посмотрел на часы. Было 8 часов 15 м[инут] вечера. В этот час я проснулся от сладкого восьмимесячного сна полтавской жизни после кошмарных дней развала русской армии.

В тиши и благоденствии я совершенно оправился от неврастения и чувствовал вновь себя бодрым и энергичным.

Предо мной стояло неизвестное будущее, но не страшило меня...

Вскоре в наше отделение проводник вагона подал самовар.

У каждого из нас была кой-какая еда и даже оказался коньяк. Мы принялись за чаепитие. Коган был одет в коричневую поддевку, которая при резком движении звенела зашитыми в ней золотыми деньгами. Мы подтрунивали над ним, говоря, что он может стать жертвой бандитов. Кончили чай, проводник убрал самовар и вытер стол тряпкой. Он был пожилой симпатичный и очень воспитанный человек, что после революции было уже редко.

Кушеток, чтобы полежать, не было. Коган предложил поиграть в карты, и мы стали, по выражению Маркодеева, «полировать кровь» в «девятку». Играли очень скромно, лишь бы убить время... Поезд подошел к Константинограду⁸¹, где мы догнали штаб Болбочана.

⁷⁹ Величковский Яков Васильевич (20.03.1874–?) — подполковник русской армии, войсковой старшина украинской армии, впоследствии — полковник ВСЮР и Русской армии П.Н. Врангеля. Величковский окончил Виленское пехотное юнкерское училище в 1899 г. — на два года позже П.С. Махрова. Участник Гражданской войны. На службе в украинской армии с 23.05.1918 по 01.1919. В распоряжении штаба Левобережного фронта армии УНР (с 03.01.1919, командующий П.Ф. Болбочан). После ареста П.Ф. Болбочана оставил службу. На службе в РККА (03–08.1919). Перешел на сторону белых. На службе во ВСЮР и Русской армии (с 19.08.1919–1920). Умер в эмиграции.

⁸⁰ Махно Нестор Иванович (26.10.1888–25.07.1934) — военно-политический деятель, руководитель анархического освободительного движения на юге Украины в 1918–1921 гг.

⁸¹ Ныне — Красноград Харьковской области Украины.

Гимн Вільной України

Наш поезд, совершив маневр, оставил вагон, в котором ехали мы, на запасном пути и ушел на путь отправления. Что это могло значить? Проводник не мог нам дать объяснения. Мы вышли из вагона. Ночь была светлая, нехолодная. В отделении у платформы, где стоял вагон Болбочана, раздавался нечеловеческий крик и звериный хохот толпы. Мы подошли ближе. На платформе стоял в растерзанном виде со включенными волосами с большой бородой какой-то человек. Двое гайдамаков держали его за руки, а третий хлестал плетью по спине.

Не успели утихнуть вопли этого несчастного человека, как кто-то из толпы заорал: «Спивай: нехай живе вільна Україна!» Избитый, захлебываясь, начинал выводить страдальческим голосом мотив «украинского гимна». Толпа не унималась от дьявольского хохота... «Ни так!» — кричал кто-то в толпе, и гайдамаки принимались вновь истязать бесталанного певца. Повторялось: «Спивай: нехай живе вільна Україна!...»

Избываемый был пожилой еврей. В толпе, развлекавшейся этим эстетическим спортом, можно было видеть офицеров штаба отамана Болбочана...

Сцена была омерзительная. Мы все повернулись и молча направились к своему вагону... «Вот она, великая и бескровная! — думал я. — Вот мир хижинам, смерть дворцам!»

Год тому назад в Киеве еврейские трибуналы уничтожали, мучили и истязали в Мариинском парке свыше 5 000 русских кадровых офицеров⁸², а теперь по всей Украине отаманы и гайдамаки воздают должное племени Троцкого⁸³, Евгении Бош⁸⁴, Пятакову⁸⁵ и им подобным...

Мы вошли в вагон, где тускло горела керосиновая лампа. Наум Владимирович Коган, видимо, чрезвычайно был взволнован. Он прервал молчание, заговорив о необходимости выяснить, что произошло с вагоном. Позвали проводника. Коган, сунув ему в руку сотню карбованцев, поручил навести справку. Через минут двадцать проводник возвратился и доложил, что поезд, в котором вместе с нашим вагоном следовал вагон государственного банка, по приказу Болбочана, отправляется на Николаев, а наш вагон

⁸² Речь идет о событиях вступления советских войск в Киев в феврале 1918 г.

⁸³ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (26.10.1879–21.08.1940) — российский революционер, член РСДРП(б). Народный комиссар по военным и морским делам (с 1918), председатель Высшего военного совета (1918), председатель Реввоенсовета Республики и РВС СССР (1918–1925).

⁸⁴ Бош Евгения Богдановна (11.08.1879–05.01.1925) — революционерка, первый руководитель Народного секретариата Украины (1917–1918) — фактически глава украинского советского правительства. В действительности Е.Б. Бош происходила из семьи немца-колониста.

⁸⁵ Пятаков Георгий Леонидович (06.08.1890–30.01.1937) — советский партийный и государственный деятель. Первый председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Украины (28.11.1918–16.01.1919). Г.Л. Пятаков был русским по происхождению.

будет прицеплен к другому поезду на Киев. Поезд Болбочана ушел в направлении на Кременчуг. Наш вагон продолжал стоять на запасном пути станции...

Бреслера мы не беспокоили, и он мирно спал в своем отделении. Было около 8 часов утра на 2-ое января⁸⁶.

От нечего делать мы распорядились, чтобы проводник нам подал самовар, и принялись за чаепитие. Коган беспокоился.

«Ну что, Петр Семенович, будет, если наш вагон скоро не прицепят?» — обратился он ко мне.

«Что? — ответил я, — сказать трудно, но не исключается возможность, что могут налететь гайдамаки, чтобы нас пограбить. А если вагон задержится на сутки, то и большевики из Полтавы могут пожаловать к нам...»

Коган инстинктивно похлопывал руками по карманам и бокам своей поддевки, где были зашиты его деньги. Маркодеев и Фролов подливали масла в огонь, вспоминая арию из «Нехай живе вільна Україна...».

«Так что же нам делать?» — спросил не без страха Коган. Я ему ответил, что наш вагон может простоять долго, если его «не подмазать». Коган немедленно отправился к начальнику станции. Через полчаса он возвратился в прекрасном настроении духа, сообщив, что скоро мы будем отправлены на Кременчуг. С начальником станции ему пришлось поторговаться, т[ак] к[ак] он заломил большую сумму денег и не хотел брать украинских, а либо царские, либо немецкие марки. Только к 4 часам дня 5го января⁸⁷ мы прибыли в Кременчуг, где застали стоявший поезд Болбочана с эшелонами, его тыловыми учреждениями. Начальник снабжения армии этого отамана генерал Зелинский⁸⁸ обходил все вагоны и вербовал офицеров из пассажиров для заполнения вакантных должностей в отделах его управления. Заглянул он и к нам.

Я знал Зелинского. Он был артиллерист и во время войны в русской армии отлично командовал одной из артиллерийских бригад. Теперь он с нами говорил на «мове» и усердно служил пехотному штабс-капитану, отаману Болбочану.

От него мы узнали, что болбочановские гайдамаки в этот день вели бой с большевиками в Полтаве и якобы били неприятеля. Сам Болбочан со своим штабом и дамами пьянствовал в Кременчуге в гостинице «Италия», как говорили лакеи, «праздновал победу над Полтавой».

На другой день 6го янв[аря]⁸⁹ это победное воинство в панике бежало из Полтавы в направлении на Кременчуг.

⁸⁶ 15 января 1919 г. по новому стилю.

⁸⁷ 18 января 1919 г. по новому стилю.

⁸⁸ Зелинский Виктор Петрович (13.12.1864–14.12.1940) — генерал-майор русской армии. В годы Первой мировой войны находился в германском плену. С 1918 г. — в украинской армии. Генеральный значковый. Начальник тыла и снабжения Левобережного фронта Действующей армии УНР (на январь 1919 г.).

⁸⁹ 19 января 1919 г. по новому стилю.

Когда Болбочан пировал в гостинице «Италия», мы по приглашению друзей Наума Владимировича Когана очутились в гостях у одного кременчугского богача-мукомола. В семье этого симпатичного и по-русски гостеприимного еврея мы были радушно приняты. Чего только нам не подавали: и всевозможные закуски, и заливную рыбу — фаршированную щуку по-еврейски, и осетрину холодную с хреном по-русски, и горячую ветчину, и дичь с брусничным варением... Было выпито в достаточном количестве самой настоящей смирновки и крымских вин разного рода «типа»... Хорошо умели жить «недорезанные буржуи»!...

У всех было настроение приподнятое. Забыли на время и большевиков, и Петлюру... Даже Коган повеселел и начал шутить, рассказывая еврейские анекдоты одесского происхождения, как при контроле одного поезда комиссаром еврей ему ответил: «Господин комиссар, я уже три раза грабился по дороге, меня обыскивали: махновцы, Григорьев и болбочанские гайдамаки, не трудитесь меня осматривать...»

Мы встали, поблагодарили хозяев. Нам подали «розвальни», запряженные парой лошадей, поставили в сани корзинку с продовольствием, и мы укатили на вокзал. Вошли в вагон Коган с Маркодеевым, сели дремать на стульях, а я с Фроловым, подложив под голову чемоданы, мертвецким сном заснули на полу...

7го 90 мы прибыли в Знаменку. Отсюда Наум Владимирович направился на юг, рассчитывая чрез Одессу или Николаев пробраться в Крым, а мы — Маркодеев, Фролов и я, по совету Бреслера, продолжили путь на Киев.

По дороге нас атаковывали разного рода проходимцы в роли комиссаров, комендантов и пр. Все требовали объяснения, кто мы и по каким «справам»⁹¹ едем в Киев. У Бреслера были «посвічення»⁹² и от гетманских, и от петлюровских властей за громкими подписями и отчетливыми печатями. Эти документы объясняли всю государственную важность: сдачу нами архива «хліб-бюро» и отчетности. Как ни странно, но в это подлое время, когда все жили по подложным документам, еще бланк учреждения и печать производили впечатление авторитета власти...

Вместо Добровольческой армии прибытие в Киев

Вечером 8го января⁹³ мы прибыли в Киев. Генерал Бреслер сошел с поезда, просил нас сохранить за ним вагон, а сам уехал с женой в город, где у него был приют.

Станция была переполнена поездами. Всюду царил беготня, суета, шум... На платформе толкались люди, неся свой скраб⁹⁴, другие сидели на чемоданах, ожидая поезда.

⁹⁰ 20 января 1919 г. по новому стилю.

⁹¹ Делама (укр.).

⁹² Удостоверения (укр.).

⁹³ 21 января 1919 г. по новому стилю.

⁹⁴ У Махрова — скраб.

Наш вагон отцепили и оставили на запасном пути с распоряжением, чтобы мы его немедленно освободили.

Нужно было действовать. Павел Анисимович Маркодеев, слабого здоровья, воспользовался свободными кушетками, освобожденными семьей Бреслеров, свалился спать. Мы с Фроловым, несмотря на бессонные ночи в течение недели, держались на ногах. Я предложил Фролову оставаться в вагоне, а сам отправился на вокзал, чтобы отстоять наш вагон.

По счастливой случайности комендантом станции оказался мой добрый знакомый ротмистр, поляк, носивший аристократическую фамилию, которую я, к сожалению, не могу вспомнить. Мы с ним встречались в городе Минске, когда были в чине поручиков. Он служил в канцелярии коменданта станции Минск полковника фон Брадке⁹⁵, а я в 119[-м] пех[отном] Коломенском полку.

Я ему рассказал историю с нашим вагоном, который мы хотели сохранить за собой, дабы в нем следовать в Одессу.

Он любезно мне сказал, что он сделает соответствующее распоряжение, обещая, что из вагона нас не выселят.

Возвратившись в вагон, я предложил Фролову пойти в город, купить для него чего-либо съестного и обязательно полбутылки водки, хлеба и сала для проводника.

Через час мы распивали чаек, а проводник стал еще внимательнее и услужливее. Маркодеев, казалось, потерял совершенно сердце, был апатичен... Мы решили с Фроловым, что он останется на другой день в вагоне и позаботится о нашем продовольствии, и я отправился в гетманский штаб⁹⁶, чтобы чрез знакомых офицеров Генерального штаба выяснить обстановку и, переговорив с Бреслером, решить вопрос нашего отъезда в Одессу.

В гетманском Генеральном штабе.

Сведения об обстановке и советы скорее уезжать

Утром 9го января⁹⁷ после недельного путешествия я впервые побрился, оделся и отправился в гетманское Главное управление Генерального штаба. Там царил невероятная суеда.

⁹⁵ У Махрова ошибочно — Братке. Фон-Брадке Павел Михайлович (1837-?) — подполковник, комендант железнодорожной станции Минск (в 1898-1905).

⁹⁶ Махров неточен. Здесь и далее правильно говорить о бывшем гетманском штабе, поскольку с 14 декабря 1918 г. в Киеве установилась власть Директории УНР, командующим войсками которой был С.В. Петлюра.

⁹⁷ 22 января 1919 г. по новому стилю. У П.С. Махрова нарушена хронология событий. Его пребывание в Киеве в изложенном далее варианте не могло относиться к событиям после падения режима гетмана П.П. Скоропадского. Войска Директории заняли Киев еще 14 декабря 1918 г. Тогда же гетман Скоропадский покинул украинскую столицу, а полковник А.В. Сливинский оставил пост начальника Генерального штаба еще ранее — 17 ноября 1918 г. Следовательно, в гетманском Генеральном штабе Махров мог видеть Сливинского в качестве начальника не позже этой даты. Вместе с тем, данные об отъезде Махрова из Киева 27 января 1919 г. подтверждаются в документах генерала А.В. Черячукина. Таким образом, он действительно был в Киеве в январе, но перенес на это время ряд более ранних событий.

В приемной толпилось много офицеров и русских, и гетманских, ждавших приема начальника штаба Сливы-Сливинского⁹⁸.

Мелькали вбегавшие к нему офицеры Ген[ерального] штаба, Дидковский⁹⁹ и Капустянский¹⁰⁰, которых я хорошо знал. Моя попытка с ними поговорить была безуспешна. Они, любезно поздоровавшись, махали руками, бегом неслись в свои кабинеты, хлопали дверями и исчезали... Звонили телефоны... Мне, опытному по службе в штабах, ясно было, что у гетмана на фронте было плохо. Я только не понимал, где же Петлюра и его войска и что они делают, кто хозяин положения в Киеве. Я отправился в кабинет разведывательного отделения к [под]полк[овнику] Владимиру Васильевичу Колосовскому¹⁰¹.

У него было тихо. Он с кем-то говорил по-украински по телефону совершенно спокойно и рукой меня пригласил сесть. Окончив разговор, как всегда приветливо со мной поздоровавшись, он мне рассказал, что дни Скоропадского сочтены. Его багаж погружен в вагон немецкого эшелона, охраняемого часовыми, Скоропадскому безопасный отъезд в Германию обеспечен, и он отправится одновременно со штабом немецкого оккупационного командования. Большевицкая «повстанческая армия», сосредоточенная в районе Конотопа, вела бои с украинцами. По сведениям Колосовского, 1ая сов[етская] повстанческая дивизия¹⁰² численно была слаба, но украинские войска «Директории» во главе с военным министром Грековым¹⁰³ были еще слабее и настроены панически. Колосовский мне советовал не задерживаться и уезжать скорее, числа 13-го¹⁰⁴.

Сам он обеспечил себе отъезд в Германию. Его же коллеги по Генеральному штабу, кроме Сливы-Сливинского, решили перейти на службу в ар-

⁹⁸ Сливинский (Слива) Александр Владимирович (29.08.1886–21.12.1953) — подполковник русской армии, войсковой старшина украинской армии, впоследствии — полковник. Начальник Генерального штаба Украинской народной республики. Подробнее см.: Ганин А.В. Александр Владимирович Сливинский // Вопросы истории. 2015. № 12. С. 19–45.

⁹⁹ Лазаренко-Дедковский (Дидковский) Максим Мечиславович (14.03.1887–1954) — подполковник русской армии, войсковой старшина украинской армии.

¹⁰⁰ Капустянский Николай Александрович (05.02.1879 (31.03.1881) — 19.02.1969) — подполковник русской армии, войсковой старшина украинской армии, впоследствии — генерал-хорунжий. Подробнее см.: Ковальчук М. Генерал Микола Капустянский. Київ: Видавництво імені Олени Теліги, 2006; Шандрівський І.Г. Військово-політична та наукова діяльність Миколи Капустянского: дис. ... канд. ист. наук. Львів, 2003.

¹⁰¹ Колосовский (Колосовский) Владимир Васильевич (06.03.1884–1944) — войсковой старшина украинской армии.

¹⁰² 1-й советской украинской дивизией командовал И.С. Локотеш (Локатош). В составе группы войск Киевского направления дивизия должна была наступать на Чернигов и Киев. Последний был занят частями дивизии 5 февраля 1919 г.

¹⁰³ Греков Александр Петрович (21.11.1875–02.12.1959) — генерал-майор русской армии. Генеральный хорунжий украинской армии, впоследствии — генерал-поручик. Военный министр УНР (01–02.1919).

¹⁰⁴ 26 января 1919 г. по новому стилю.

мию «Директории». Колосовский мне посоветовал обратиться к Капустянскому, чтобы получить соответствующий украинский документ для моего дальнейшего путешествия в Одессу, чтобы избежать затруднения в дороге до ст. Раздельная. Мы сердечно простились, пожелав друг другу всякого благополучия.

У атамана Зимовой станицы Всевеликого войска Донского.
Обеспечение местами для поездки в Одессу

Выйдя из гетманского штаба, я решил заглянуть к моему приятелю Генерального штаба генерал-лейтенанту Александру Васильевичу Черячукину¹⁰⁵. Черячукин был послом от Донского войска при гетманском правительстве (начальник Зимовой станицы Всевеликого войска Донского). Конечно, он мог быть осведомлен об общем положении дел, и я хотел узнать, когда он уезжает.

В его управлении стояла толпа посетителей. Здесь были и дамы, и гражданские лица, и офицеры. Два адъютанта едва справлялись, чтобы отвечать на вопросы и подходить к телефону. Я был в штатском пальто с мерлушковым воротником, с мерлушковой шапкой в руке. Один из адъютантов спросил меня, какое у меня дело. Я ответил, что мне лично нужно переговорить с Александром Васильевичем. Он сказал, что это невозможно, так как ген[ерал] Черячукин приказал никого не допускать в его кабинет. Я настойчиво просил адъютанта только назвать мою фамилию, уверяя его, что Черячукин будет рад со мной встретиться. После некоторого колебания адъютант доложил начальнику Зимовой станции обо мне. Я немедленно был приглашен в кабинет Черячукина, где мы обняли друг друга. Не желая его задерживать, я спросил: «Когда вы, Александр Васильевич, уезжаете?» Он ответил совершенно спокойно, что он пока уезжать не собирается. Я понял, что он не был в курсе дела, и вместо того, чтобы получить от него сведения об обстановке, я его ориентировал сам и сказал, что если он не уедет до 14-го¹⁰⁶, то будет поздно... Будучи неуверенным, что нам удастся сохранить вагон Бреслера за собой, я обратился с просьбой к Александру Васильевичу, чтобы он нас приютил в своем посольском вагоне войска Донского.

Он с сожалением мне ответил, что это невозможно, так как кроме него со штабом в его вагоне будут помещены две великих княгини, следующих инкогнито, датский консул с семьей и еще несколько иностранцев дипломатического корпуса и все 48 мест расписаны. Я продолжал настаивать,

¹⁰⁵ Черячукин Александр Васильевич (18.03.1872–12.05.1944) — генерал-лейтенант, атаман «Зимовой станицы» (посол Войска Донского) на Украине (1918–1919). Интересно, что в эмиграции семьи Черячукина и Махрова породнились. Дочь П.С. Махрова Елена в Париже вышла замуж за сына А.В. Черячукина Андрея. Указом президента России В.В. Путина от 22 апреля 2020 г. российское гражданство получил внук П.С. Махрова И.А. Черячукин.

¹⁰⁶ 27 января 1919 г. по новому стилю.

сказав, что у нас никакого багажа нет, что нам не нужно мест, а только возможность стоять в коридоре или даже на площадке вагона. Он согласился, я его поблагодарил и спросил номер вагона, чтобы узнать, где он стоит.

Немедленно я возвратился на вокзал. Вагона Черячукина на станции не оказалось, и «начальник войсковой коммуникации»¹⁰⁷ сообщил мне, что в этом вагоне уехали в Винницу какие-то высокопоставленные украинские «сановники», эвакуировавшиеся из Киева.

Выдавая себя за генерала войска Донского, я потребовал, чтобы меня соединили с начальником Зимовой станицы войска Донского, и доложил ему о случившемся. Черячукин просил, чтобы я передал трубку «начальнику войсковой коммуникации». После разговора последний доложил мне, что вместо посольского вагона в мое распоряжение будет передан вагон второго класса на 52 места. Черячукина же я просил прислать двух вооруженных казаков для охраны вагона.

Таким образом, в вагоне вместо 48 мест становилось на 4 больше, и нам не предстояло стоять в путешествии. Вполне удовлетворенный результатом дня, я радостно возвратился в наш вагон и поделился этим с Маркодеевым и Фроловым.

Оба они поджидали меня с ужином, который состоял из сала, колбасы и чаю. Я был голоден и утомлен. Мы принялись за еду и чаепитие.

Вскоре ко мне пришел урядник от Черячукина с двумя вооруженными казаками. Мы нашли предоставленный в мое распоряжение вагон. Я сдал его для охраны казакам и приказал проводнику отопить вагон, а чтобы дело шло скорее, ему отпустил денег на водку, сало и хлеб.

Утром на другой день мы переместились в вагон. Черячукин и я протелефонировал[и] об этом Бреслеру, спросив его, оставлять ли за ним его вагон. Владимир Петрович ответил, что он и его жена обеспечены местами.

Эвакуация Киева.

Наша погрузка в вагон

Я отправился в город, чтобы зайти к Черячукину, побывать у Дормана¹⁰⁸ и заглянуть в гетманский штаб. Город после ограбления ювелирных магазинов и банков, после «украинизации» вывесок и еврейских погромов казался запуганным, жалким, паническим. Люди торопливо угрюмо куда-то спешили, на грузовиках и ломовых извозчиках перевозился всякий скраб¹⁰⁹ в направлении к вокзалу, толпами и в одиночку брели украинские «патрули». Ясно было, что идет эвакуация правительственных учреждений...

Черячукин благодарил меня за улаживание¹¹⁰ дела с вагоном и просил меня быть «комендантом вагона». Это была первая моя «военная долж-

¹⁰⁷ Начальник военных сообщений (укр. *искаж.*).

¹⁰⁸ Дорман Павел Евстигнеевич (27.08.1884–25.05.1945) — подполковник, начальник штаба 1-й Чешско-Словацкой стрелковой дивизии, сослуживец П. С. Махрова.

¹⁰⁹ У Махрова — скраб.

¹¹⁰ В документе — улажение.

ность» после отъезда с Юго-Западного фронта. День нашего отъезда Черячукин наметил на 14 января¹¹¹, если не случилось бы чего-либо, что заставило бы его уехать раньше.

Дормана я застал в его управлении, где всё стояло вверх дном. Шла подготовка к эвакуации. Он предполагал уехать на Каменец-Подольский, а потом в Прагу.

В штабе гетмана полковник Капустянский меня встретил очень приветливо. «Ну, милейший Николай Александрович, — сказал я, — “ширый” ли вы гетманец, или федеративный украинец, или самостийный петлюровец, мне безразлично, но я уверен, что вы как товарищ по нашему русскому мундиру Генерального штаба не откажете мне дать какое-либо удостоверение, которое избавило бы меня от возможных затруднений в пути через Украину до Одессы».

Капустянский ответил: «Без сомнения я это сейчас сделаю». Отправился в свой кабинет и чрез 10 минут вручил мне такой документ:

«Посві[д]чення

Дано це Петру Семеновичу Махрову в тім, що він по службовим таємним справам відряжається в Раздільну і Одесу від Головного Управління Генерального штабу. Начальник оперативного відделу Капустянский. За діловода Рогозінский»¹¹².

Утром 14 января¹¹³ наш поезд готов был к отправлению. Рядом с ним на путях стояло еще несколько с числом вагонов, превосходящим норму. Все они были переполнены, еще когда составлялись. Путем подкупа за большие деньги, взятки носильщикам, все места были заняты не только в вагонах, но в коридорах и на площадках. У поездов толпились пассажиры, имевшие билеты, но войти в вагоны не было возможным. Женщины умоляли пропустить их с детьми, которые плакали. Сердобольные люди тащили ребят чрез окна. Атаковывали и наш вагон, но два казака с винтовками преграждали путь. Вдруг к вагону подошел генерал Бреслер и обратился ко

¹¹¹ 27 января 1919 г. по новому стилю.

¹¹² См. приложение: У.Н.Р. Головне Управління Генерального штабу оперативного відділу. 24 січня 1919 року. Ч. 299 (примеч. П.С. Махрова, ошибочное написание украинских слов исправлено). Не публикуется. Выданный документ, воспроизведенный Махровым на искаженном украинском языке, можно перевести следующим образом: «Удостоверение. Дано сие Петру Семеновичу Махрову в том, что он по секретным служебным делам командирован в Раздельную и Одессу от Главного управления Генерального штаба. Начальник оперативного отдела Капустянский. За делопроизводителя Рогозинский». Документ датирован 24 января 1919 г.

¹¹³ 27 января 1919 г. по новому стилю. Эти сведения соответствуют действительности. В личном архиве генерала А.В. Черячукина сохранился отчет о его деятельности за 1919 г., из которого следует, что из Киева в Одессу он уехал 27 января 1919 г., оставив при Директории своего секретаря, офицера и казака (Архив Гуверовского института. Cheriachoukin A.V. Papers). Затем Черячукин ездил на Дон, после чего уехал в Одессу и Константинополь, откуда в мае 1919 г. через Болгарию и Сербию перебрался в Польшу. Германские войска оставили Киев 5 февраля 1919 г. В тот же день в город вошли части РККА.

мне с просьбой, чтобы я пропустил его с женой в вагон Черячукина, т[ак] к[ак] его «обеспеченные» места кто-то успел перехватить заблаговременно. Мы с Фроловым уступили им наши места, решив, что на месте Маркодеева мы будем по очереди отдыхать. Станция имела вид разрушенного муравейника, где всё копошилось, суетилось, спешило... под звуки дьявольской симфонии: свиста паровозов, крика, ругани, стуков вагонов, истерических воплей женщин... На проходные площадки нашего вагона я пропустил несколько офицеров. Казаки стояли там же с винтовками.

В пути на Одессу

Около 12 ч. дня наш поезд тронулся в направлении на Казатин, останавливаясь на каждой станции. Наступила ночь. По моей должности «коменданта вагона» я не спал. Менялись на площадке два дежурящих казака. Утром 15го ¹¹⁴ мы приближались к ст[анции] Жмеринка.

Вдруг на одной маленькой станции из соседнего с нами вагона у нас на площадке появился матрос Черноморского флота. Казак предложил ему уйти, сказав, что это вагон войска Донского и что ему велено никого не пускать. Я стоял в стороне, наблюдая сцену. Матрос заявил, что здесь не Донская область, а Украинская народная республика, и он правительственный комиссар и желает проверить документы пассажиров. Я прервал этот разговор и вежливо сказал, что в вагоне все спят, там много дам и что я прошу его зайти позже, к часам 11. Он хотел остаться в вагоне и ждать, но казак заставил его уйти. Когда он ушел, казак обратился ко мне: «Ваше превосходительство, идите отдыхать, а если он придет еще, то я спущу его под откос...» Я больше этого правительственного комиссара не видел.

Около 3^х часов дня мы прибыли на ст[анции] Жмеринка. На вокзале, на перроне было много украинских солдат, неряшливо одетых и вооруженных до зубов. Комендант отдавал какие-то распоряжения. Группы солдат размещались на платформе против нашего поезда. Рядом на втором пути стоял эшелон воинского поезда, солдаты которого в чистеньком русском обмундировании щеголяли своей выправкой. На их русского образца фуражках была неизвестная мне кокарда, а над вагонами развевались какие-то иностранные флажки. Я сошел на платформу, желая узнать, что это за воинская часть. Ко мне подошел офицер с защитного цвета русскими погонами подполковника и, приложив руку к козырьку, доложил: «Ваше превосходительство, позвольте представиться, я ваш ученик по Виленскому военному училищу...» — и тут же у нас начался разговор об училище... Я спросил его, что он делает и куда следует. Он, улыбаясь, доложил: «Мы чехи и чрез Одессу хотим отправиться на Родину. Нас только 150 человек, а в остальных вагонах груз: снаряжение, пулеметы, оружие...» Далее он объяснил мне, что из 150 офицеров в отряде было только три чеха, бывших офицеров

¹¹⁴ 28 января 1919 г. по новому стилю.

императорской армии, да 5 чехов солдат. Остальные были русские офицеры, снабженные чешскими подложными документами с соответственными печатями¹¹⁵. Я его посвятил в то, что меня смущает возможность контроля пассажиров нашего вагона, чего генерал Черячукин хотел бы избежать.

Этот штаб-офицер с чешской кокардой любезно предложил свои услуги поставить у вагона начальника Зимовой станицы Всевеликого войска Донского парных часовых.

Мне его идея была по душе, и через несколько минут у входов в наш вагон красовались два бравых русских офицера с винтовками у ног.

Поезд наш подлежал отправке только через 2 часа. На вокзале был прекрасный буфет. Я предложил Александру Васильевичу пригласить всех пассажиров на обед. Он с удовольствием согласился. Мы просили начальника чехословацкого эшелона к нашему столу. Он почему-то у дверей нашей столовой поставил парных часовых.

Эта хлестаковщина произвела впечатление на украинского коменданта, и наш вагон был оставлен без контроля. Надо отдать справедливость, комендант ст[анции] Жмеринка держал себя очень корректно и даже своевременно предупредил ген[ерала] Черячукина об отходе поезда.

На ст[анции] Раздельная все формальности с французской комендатурой прошли без всяких затруднений.

*Бахметевский архив русской
и восточноевропейской истории и культуры
Колумбийского университета
(Bakhmeteff Archive of Russian
and East European History and Culture,
Columbia University).
P.S. Makhrov Collection. Box 4.
Махров П.С. Развал русского фронта в 1917 году
и немецкая оккупация Украины в 1918 г.
Тетрадь 7. С. 598–640. Автограф.*

Литература

- Ганин А.В. «Белая гвардия» по Булгакову и по Махрову // Родина. 2018. № 12. С. 116–119.
- Ганин А.В. «Русский проект» гетмана П.П. Скоропадского: опыт Екатеринослава (ноябрь — декабрь 1918 года) // Славяноведение. 2019. № 1. С. 56–61.
- Ганин А.В. Бывший начальник штаба генерала П.Н. Врангеля П.С. Махров о походе Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 г. // Славянский альманах. 2020. № 1–2. С. 461–471.
- Ганин А.В. События 1917–1919 гг. на Украине в освещении генерала П.С. Махрова // Славянский альманах. 2018. Вып. 1–2. С. 144–156.

¹¹⁵ Далее зачеркнуто: «Украинский комендант только что закончил проверку документов и всё нашел в порядке».

- Ковальчук М. Генерал Микола Капустянський. Київ: Видавництво імені Олени Теліги, 2006.
- Сидак В., Осташко Т., Вронська Т. Полковник Петро Болбочан: трагедія українського державника. Київ: Темпора, 2004.
- Солдатенко В.Ф. В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографическое эссе. М.: Политическая энциклопедия, 2018.
- Шандрівський І.Г. Військово-політична та наукова діяльність Миколи Капустянського: дис... канд. ист. наук. Львів, 2003.

References

- Ganin, A.V., 2018. “Belaia gvardiia” po Bulgakovu i po Makhrovu [The “White guard” by Bulgakov and by Makhrov]. *Rodina*, 12, pp. 116–119.
- Ganin, A.V., 2018. Sobytiia 1917–1919 gg. na Ukraine v osveshchenii generala P.S. Makhrova [The Ukrainian events of 1917–1919 as viewed by general P.S. Makhrov]. *Slavianskii al'manakh*, 1–2, pp. 144–156.
- Ganin, A.V., 2019. “Russkii proekt” getmana P.P. Skoropadskogo: opyt Ekaterinoslava (noiabr' — dekabr' 1918 goda) [The “Russian project” of Hetman P.P. Skoropadski: the Ekaterinoslav experience (November — December 1918)]. *Slavianovedenie*, 1, pp. 56–61.
- Ganin, A.V., 2020. Byvshii nachal'nik shtaba generala P.N. Vrangelia P.S. Makhrov o pokhode Krasnoi armii v Zapadnuiu Ukrainu i Zapadnuiu Belorussiiu v 1939 g. [Former Chief of Staff of the General P.N. Wrangel P.S. Makhrov on the Red Army's campaign in Western Ukraine and Western Belarus in 1939]. *Slavianskii al'manakh*, 1–2, pp. 461–471.
- Koval'chuk, M., 2006. *General Mykola Kapustians'kyi* [General Mykola Kapustyansky]. Kiev: Vidavnytstvo imeni Oleny Telihy.
- Shandrivs'kyi, I.H., 2003. *Viis'kovo-politychna ta naukova diial'nist' Mykoly Kapustians'koho* [Military-political and scientific activity of Mikola Kapustyans'kij]. Dys... kand. yst. nauk. Lviv Polytechnic National University.
- Soldatenko, V.F., 2018. *V gornile revoliutsii i voin: Ukraina v 1917–1920 gg.: istoriko-istoriograficheskoe esse*. [In the crucible of revolutions and wars: Ukraine in 1917–1920: historical and historiographical essay]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia.
- Sydak, V., Ostashko, T., Vrons'ka, T., 2004. *Polkovnyk Petro Bolbochan: trahediia ukrains'kogo derzhavnyka* [The colonel Petro Bolbochan: a tragedy of the Ukrainian statesman]. Kiev: Tempora.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕНзуРА В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ БОЛГАРИИ

Искра Василева Баева —

доктор истории, профессор,
исторический факультет,
Софийский университет
имени Св. Климента Охридского
Почтовый адрес: бул. Цар Освободител, 15,
София, 1504, България
Электронный адрес: iskravbaeva@yahoo.com

Аннотация

В статье анализируется влияние политических изменений в Болгарии после 1989 г. на интерпретацию истории XX в. Три десятилетия назад Болгария начала переход от социализма по советской модели к политической демократии европейского образца. Для историков это означало устранение политической и идеологической цензуры. Благодаря свободе слова в первые годы ученые могли открыто обсуждать исторические события, которые ранее замалчивались, так как не вписывались в коммунистическую идеологию. Однако очень скоро новая власть начала навязывать свою политическую версию истории. Под негласным запретом оказались факты, связанные с историей коммунистического и антифашистского движений в Болгарии. Переписывание истории особенно заметно в освещении эпохи социализма. Политическое вмешательство началось с переименования улиц, поселений и учреждений, из названий которых убрали имена, связанные с антифашистским сопротивлением и с русской и советской историей, часто заменяя именами деятелей периода, когда Болгария входила в число стран, подписавших Антикоминтерновский пакт. Новая политическая цензура особенно ярко проявилась при написании учебников истории. Государственная учебная программа обязывает оценивать историю Третьего болгарского царства положительно, а деятельность коммунистов, наоборот, как террористическую, весь же послевоенный период характеризовать как период тоталитаризма, называя систему не социализмом, а коммунизмом. Правые неправительственные организации в 2019 г. настояли на изъятии из учебников информации о социально-экономическом развитии страны в эпоху социализма.

Ключевые слова

Историческая политика, переписывание учебников истории, переименование улиц, поселений и учреждений, новый канон для представления прошлого

Статья поступила в редакцию 24 апреля 2020 г.

Цитирование: *Баева И.В.* Политическая цензура в постсоциалистической Болгарии // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 138–151.

POLITICAL CENSORSHIP IN POST-SOCIALIST BULGARIA

Iskra V. Baeva,

Ph.D, Professor,
Faculty of History,
Sofia University St Kliment Ohridski
Postal address: Bld. Tsar Osvoboditel, 15,
Sofia, 1504 Bulgaria
E-mail: iskra.baeva@yahoo.com

Abstract

This article presents how the political changes in Bulgaria after 1989 have influenced the interpretation of 20th century history. The emergence of the new censorship is traced through the introduction of a new canon for presenting the past. Three decades ago, Bulgaria began its transition from Soviet-type state socialism to political democracy. For historians, this meant removing political and ideological censorship. Initially, this freedom gave historians the chance to upgrade historical knowledge with hidden facts that were inconvenient for the BCP government. Soon, however, new political parties came to power and began to impose their political version of history. This meant removing facts related to the history of the communist movement and anti-fascism in Bulgaria. The attempts at rewriting history are especially visible in the presentation of the socialist period. The political intervention began with the renaming of streets, towns, and institutions. Names associated with the anti-fascist resistance and Russian and Soviet history were removed. Instead, names from the time when Bulgaria was part of the Tripartite Pact were restored. The modern political censorship is most evident in the rewriting of history textbooks. The new curricula introduced a mandatory positive presentation of the history of the Third Bulgarian Kingdom. The actions of the Communists had to be presented as terrorist, and the entire post-war government was defined as totalitarian. Instead of socialism, we should use the term “communism”. In 2019, when approving the new history textbooks for high schools, right-wing non-governmental organizations intervened and, as a result, facts about the socio-economic development of the country in the socialist period were removed.

Keywords

Politics of memory, rewriting history textbooks, renaming streets, settlements and institutions, a new canon for presenting the past

Received 24 April 2020.

How to cite: Baeva, I.V., 2020. Politicheskaia tsenzura v postsocialisticheskoi Bolgarii [Political Censorship in Post-Socialist Bulgaria]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 138–151.

В заглавии статьи я сознательно назвала Болгарию после 1989 г. не демократическим, а постсоциалистическим государством. Причиной тому — три десятилетия, прошедшие с тех ноябрьских дней, когда у многих болгар родилась надежда, что мы вместе изменим страну, выйдем за рамки надоевших нам ограничений и установим такую политическую систему, которая даст каждому возможность выражать свои идеи и бороться за их реализацию. Только сегодняшняя реальность разительно отличается

от наших тогдашних надежд. Действительно, за последние 30 лет был восстановлен политический плюрализм, Народное собрание вернуло себе право обсуждать законы, появились новые демократические институты, граждане, журналисты и ученые получили возможность свободно выражать свою позицию и ее отстаивать. Тем самым мы обрели свободу слова и совести. Но спустя некоторое время болгарская политическая практика продемонстрировала, как все демократические достижения могут формально сохраниться, но оказаться лишь фасадом, за которым исполнительная власть узурпирует функции других ветвей власти, а свобода слова деградирует: частные медиа зависят от финансово-экономических интересов их владельцев, а так называемые общественные СМИ находятся под контролем исполнительной власти.

Именно из-за жонглирования демократическими принципами и их превращения в фасад всё более ясно вырисовывающегося авторитаризма я предпочитаю пользоваться термином «постсоциалистическая Болгария» в надежде, что в будущем недемократические проявления будут преодолены и в Болгарии действительно установится демократия. Но это не произойдет без осознания проблем и борьбы граждан за реальную демократию. Будущее покажет, сможем ли мы ее достичь, а пока я хочу указать на проблемы, одной из которых, особенно важной для нас, историков, является новая политическая цензура.

Сначала напомним, как появилась цензура, имевшая целью ограничить распространение идей, считавшихся опасными для власти. Не будем забывать и то, что обратная сторона цензуры — пропаганда¹. Речь идет об отношениях власти и общества, потому что цензура возникает одновременно с формированием властных структур. Действительно организованный характер цензуры приобрела с утверждением католической церкви как идеологической основы средневековой Европы и распространением грамотности. Политическая роль цензуры возросла во время и после буржуазных революций, важной частью подготовки к которым была борьба за свободу слова, превратившуюся в одно из главных достижений демократии. Но свобода слова неминуемо порождает и желание ее ограничить, а следом — цензуру, которая должна была преодолеть или обойти конституционно установленные принципы свободы слова и совести. Идея свободы слова, как и желание ее ограничить, стали особенно значимыми в XX в., когда друг другу противостояли разные идеологии глобального характера.

В противостоянии коммунизма, фашизма и либерализма цензура в сфере политики и культуры стала неотъемлемой чертой жизни, которую мы в рамках системы государственного социализма советского типа в Восточной Европе после Второй мировой войны переживали очень болезненно.

¹ Чомски Н. Ранната история на пропагандата // Чомски Н. Медияте под контрол. Забележителните постижения на пропагандата. София: Arata, 1994. URL: <https://chitanka.info/text/8935/2#textstart> (дата обращения: 20.04.2020).

Цензура в советском блоке имела различные проявления, была организована по-разному в силу ряда причин, самая важная из которых заключается в специфике исторических традиций Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании и ГДР. Другая причина состояла в том, что советская модель в странах Восточной Европы каждый раз принимала формы, отличные от изначального образца, изменяясь по воле соответствующих правящих коммунистических партий, их союзников в народных фронтах, а также в связи с сопротивлением, которое оказывало общество. Третью причину труднее всего проследить, поскольку она связана с субъективным фактором — настроениями людей, осуществлявших цензурную деятельность, и тех, кто ей сопротивлялся.

Связь политической цензуры с социалистическим обществом, в котором отсутствовал плюрализм, заставила болгарскую интеллигенцию встретить демократию с очень большими надеждами и твердой уверенностью, что цензура осталась в прошлом. И поначалу действительно казалось, будто ограничениям пришел конец и можно говорить и писать всё что угодно. Газеты и издательства росли как грибы после дождя, они представляли разнообразнейшие точки зрения — от прокоммунистических до профашистских, от крайне либеральных до крайне консервативных. В первые годы демократического транзита² свобода слова существовала не только в мечтах, но и на практике. Почувствовали ее и мы, историки, поскольку появилось множество ранее запрещенных или забытых книг — среди болгарских заслуживают упоминания труды Петра Мутафчиева, Симеона Радева, Любомира Владкина, Бориса Йоцова и многих других. Однако постепенно и периодика, и книгоиздание столкнулись с ограничениями, но уже не политическими, а финансовыми, чинимыми как рынком, так и людьми с деньгами. Последние с легкостью вошли в роль прежних политических цензоров, обросли связями с властью и все последние 30 лет вольготно себя чувствуют в этом новом качестве. Потому сегодня можно констатировать, что за очень небольшими исключениями свобода слова в СМИ сведена к защите политических интересов правящих кругов или частных интересов собственников.

Это явление не новое и не исключительно болгарское. Французский медиааналитик Серж Алими так характеризовал свободу СМИ в Восточной Европе и Латинской Америке после падения там диктаторских режимов: «Увы, этот вид свободы печати — свободы не быть убитым или брошенным в тюрьму — не соответствует определению свободы. Он иногда скрывает другой вид цензуры, менее заметный, но столь же реальный. Стена демократической цензуры покоится на трех столпах: власти собственника, рыночных соображениях, информации как товаре»³. Результаты действия этой

² Демократический транзит («преход») — ряд событий рубежа 1980–1990-х гг., которые привели к демократическим преобразованиям Болгарии и прекращению монополии коммунистической партии на власть. — *Прим. пер.*

³ Алими С. Стената на демократичната цензура // Монд дипломатик. 1 януари 2009. URL: <http://bg.mondediplo.com/article351.html> (дата обращения: 20.04.2020).

специфической «демократической цензуры» осмыслены европейскими и мировыми исследователями, иллюстрацией чему служат слова немецкого политолога Томаса Майера, согласно которому «медиа нам представляют политическую и общественную жизнь в кривом зеркале, меняющем картину», а «социальные вопросы, такие как бедность, неравенство, лишения, быт и страдания низших классов, практически не находят места в новостях и репортажах»⁴.

Перед тем как перейти к существу моих рассуждений о политической цензуре касательно интерпретации исторических фактов, хотелось бы указать на две точки зрения о сегодняшней свободе слова в Болгарии. Первая высказана главным редактором газеты «Культура»⁵ и в недавнем прошлом диссидентом Копринкой Червенковой. 25 сентября 2015 г. во время дискуссии на тему «Как рушится свобода слова в Болгарии» она отметила: «Журналистикой я занималась оба сезона — и в сумрачный сезон — социалистический, и в солнечный — демократический; и должна вам сказать — разницы нет. Тогда перьями журналистов управляли так же, как и сейчас»⁶. Второе мнение принадлежит многолетнему наблюдателю и контролеру СМИ в Совете по электронным медиа Георгию Лозанову. В той же дискуссии он признал, что в начале транзита считал финансирование медиа из государственного бюджета самым рискованным способом их содержания, но сегодня воспринимает его как самый шадящий для редакционной независимости механизм. И он объяснил эту кардинальную перемену своих взглядов тем, что уже заметна прямая зависимость медиа от собственников частных капиталов или финансирования по другим каналам⁷.

Как проявляется новая политическая цензура у нас, историков? Конечно, никто уже предварительно не ограничивает разрабатываемую проблематику, но с приходом новой демократической системы очевидна тенденция всё меньше поддерживать темы, связанные с эпохой социализма, если в них нет его безусловного осуждения. Это видно по тому, какие научные проекты получают поддержку, какие темы диссертаций утверждаются, а какие статьи и рецензии встречают со стороны научных изданий отказ в публикации. Более же всего названная тенденция заметна при одобрении учебников истории для средней школы. Поэтому, а также с учетом очередного скандала в 2019 г. связанного с учебниками, я сосредоточу внимание на этом проявлении цензуры.

⁴ Плурализъмът в германската преса е история. Интервю с политолога Томас Майер от Маркус Кльоكنер // А-Спекто. Юли 2015 г. № 16.

⁵ Теперь газета «К» вследствие того, что издатель «Культуры» отказался ее финансировать и передал права на торговую марку и производственные мощности Тони Николову, начавшему с 2019 г. издавать журнал «Культура» с названием и графическим дизайном традиционной «Культуры».

⁶ Цит. по: Георгиева Т. За жертвите и палачите // Култура. 9 октомври 2015. № 34.

⁷ Там же.

Начну с определения **политической цензуры**, которое можно сформулировать следующим образом: притеснение и контроль за печатными материалами, публичным общением или другими формами человеческих волеизъявлений, которые считаются неприемлемыми, вредными, щекотливыми, **политически неправильными или неудобными**. Выделенные слова я считаю особенно важными.

Навязывание единой точки зрения на эпоху социализма началось еще с попыток переименовать сам период. Не принимая во внимание ни факты и документы эпохи, ни теоретические постулаты марксизма, лежавшего в основе советской послереволюционной и болгарской послевоенной общественной идеологии, группа историков, которые, однако, никогда не занимались изучением периода второй половины XX в., настаивали и продолжают настаивать на именовании периода **коммунизмом**. Для каждого, кто разбирается в терминах, очевидно, что это нелепо, поскольку коммунизм — конечная цель революционных перемен, и, хотя он бегло описан Марксом, ясно, что там должны отсутствовать классы и социальные различия, собственность на средства производства становится общественной (т.е. принадлежит самоорганизующемуся обществу, а не государству), государство отмирает, наемный труд и эксплуатация окончательно изживаются, каждый трудится добровольно и с радостью ради общественного блага, имеет свободный доступ ко всем товарам и услугам, в которых нуждается. Короче говоря — утопия для идеальных людей. Ничего подобного не было ни в Советском Союзе, ни в Болгарии. Сформировавшаяся тогда система сама себя называла **социализмом**⁸, и у нас есть все основания принять это наименование, хотя и с необходимым уточнением — государственный социализм (советского типа).

Естественно возникает вопрос: почему часть историков так сильно цепляется за термин «коммунизм»? Я считаю, что дело не в истории или политологии, а в политике. Термин «коммунизм» обозначает абсолютно негативное явление в американской системе координат, поскольку всю холодную войну США боролись с «коммунизмом», олицетворяемым СССР и его союзниками. И хотя на европейском континенте отношение к термину было иным и до недавнего времени в Европе существовали коммунистические партии, представленные в национальных парламентах и Европарламенте, после холодной войны и в Старом Свете данный термин приобрел негативные коннотации. Особенно в свете ряда инспирированных европейскими правыми политическими силами деклараций, в которых осуждаются Советский Союз

⁸ Термин «социализм» присутствовал как в официальных наименованиях государств (Союз Советских Социалистических Республик, Социалистическая Республика Румыния, Чехословацкая Социалистическая Республика, Социалистическая Федеративная Республика Югославия), так и в конституции Народной республики Болгарии 1971 г., где еще в преамбуле говорилось о «победе социализма», «социалистической общности», стремлении построить «развитое социалистическое общество» и т.д. См.: Български конституции и конституционни проекти / съст. В. Методиев и Л. Стоянов. София: Д-р Петър Берон, 1990. С. 56.

и послевоенная система в Восточной Европе, определяемая как коммунизм⁹. Таким образом, в данном случае речь идет не о научном, а о пропагандистско-политическом подходе — желание называть эпоху коммунистической свидетельствует о стремлении осудить ее еще на стадии наименования.

Сюжет, на котором я хочу остановиться, чтобы привести пример современной политической цензуры, начал разыгрываться в конце 2017 — начале 2018 г. Тогда в Министерстве образования и науки (МОН) была утверждена «Учебная программа по истории и цивилизациям для X класса»¹⁰. Проблема возникла после того, как к обсуждению программы под давлением видных политических фигур из правящих кругов были подключены люди, которые не являлись официальными представителями образовательных организаций. Речь идет о докторе Эвелине Келбчевой¹¹ из Американского университета в Болгарии и доценте докторе Лычезаре Стоянове из Нового болгарского университета, привлеченных по настоянию тогдашнего заместителя председателя партии ГЕРБ¹² и руководителя парламентской фракции партии Цветана Цветанова и евродепутата от ГЕРБ Андрея Ковачева¹³. Э. Келбчева и Л. Стоянов настаивали на пересмотре оценок в первую очередь послевоенного периода и изменении их с нейтральных на негативные. В конечном счете они сумели навязать свою точку зрения, несмотря на сопротивление представителей академической среды и разгоревшуюся вследствие их вмешательства общественную дискуссию¹⁴. Это был первый

⁹ См.: Резолюция № 1096 Парламентской Ассамблеи Совета Европы о мерах по борьбе с наследием бывших коммунистических тоталитарных режимов, от 27 июня 1996 г., Пражская декларация от 22 ноября 2002 г., Декларация Европарламента «Об объявлении 23 августа европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма» от 7 мая 2008 г. Подробнее см.: *Бавва И., Калинова Е. Социализмът в огледалото на прехода*. София: Изток-Запад, 2011.

¹⁰ Учебна програма за история и цивилизации за 10 клас (общообразователна подготовка). URL: <https://www.mon.bg/bg/2238> (дата обращения: 20.04.2020).

¹¹ Указываю ее ученую степень согласно данным официального Национального регистра академического состава Национального центра информации и документации (НАЦИД), хотя в СМИ ее представляют как профессора. Она в 1989 г. защитила кандидатскую диссертацию о болгарской культуре после Первой мировой войны.

¹² ГЕРБ — политическая партия «Граждане за европейское развитие Болгарии», с 2009 г. с небольшими перерывами формирует правительство Болгарии. — *Прим. пер.*

¹³ В газете «24 часа» от 17 января 2018 г. Э. Келбчева заявила следующее: «Без политической воли, выраженной правительством и лидером фракции ГЕРБ Цветаном Цветановым, была бы принята устаревшая и по сути марксистская программа обучения. Было обращено внимание на экспертные рекомендации, данные мной вместе с коллегой Лычезаром Стояновым. Тем самым правительство впервые радикально изменило программу обучения истории в 10 классе, особенно в части изучения коммунизма. Мы нашли поддержку в лице Цветана Цветанова и евродепутата Андрея Ковачева, в конечном счете — министра образования Красимира Выхева». URL: <https://www.24chasa.bg/mnenia/article/6666650> (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁴ Дискуссия в передаче Антона Хекимяна по БТВ о новой программе по истории для 10 классов, 17 января 2018 г. URL: <http://btvnovinite.bg/article/tazi-sutrin/>

акт драмы, второй разыгрался вокруг учебников, подготовленных в соответствии с новой программой.

Летом 2019 г. появились новые учебники по болгарской истории для 10 класса по новой программе — пять издательств предложили свои пособия. Они прошли рецензирование, получили оценку учителей и трех специальных комиссий, назначенных МОН, которые должны были проверить соответствие учебников программе и другим (полиграфическим и техническим) требованиям. И все пять пособий получили одобрение на всех этапах, что означало не что иное, как то, что они отвечают научным критериям (профессиональная оценка историков), методическим требованиям (оценка методистов) и учитывают возможности 17-летних подростков (оценка учителей). Осталось лишь после подписи министра отправить их в типографию, а затем — в школы по всей стране. Но этого не произошло.

Прежде чем описать навязанную авторам учебников точку зрения вследствие политической цензуры, хотелось бы указать на специфику учебников для средней школы, поскольку учебные программы являются и государственными документами. Они — место пересечения трех важных государственных элементов: политики, образования и академической науки. Да, это политические документы, но речь идет не о политике как защите частных интересов, а о государственной политике, которую олицетворяет МОН. Роль учителей не менее важна, особенно когда они воспринимают свою профессию как призвание. В то же время академическая общественность — носитель научного знания, которое лежит в основе содержания учебников, пусть и адаптированного к уровню учеников специалистами по методике преподавания. Как видим, в этом процессе места для вторичной политической цензуры нет — политическая задача изложена в программах, и ее реализация проверена приемными комиссиями МОН.

Но эта идеальная модель была разрушена, когда в выверенный с точки зрения закона и правил МОН процесс вмешались чисто политические факторы. Речь идет о публикациях в СМИ за период с 19 июня и до начала августа 2019 г. известного журналиста Христо Христова, посвятившего свою жизнь изучению документов Госбезопасности (ДС)¹⁵, и Э. Келбечевой. Первая публикация принадлежит Х. Христову, она появилась на его собственном сайте и была озаглавлена «Больше, чем скандално: в новых учебниках истории коммунистический режим представлен манипулятивно и тенденциозно»¹⁶. Ее перепечатали в Медиапул. Затем последовали интервью

komunizmat-sporod-uchebnik-za-x-klas-po-losh-ot-osmanskoto-vladichestvo.html (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁵ Он является организатором и автором интернет-сайта, на котором публикуются архивные документы, списки, досье и пр. о сотрудниках и деятельности Государственной безопасности (desebg.com).

¹⁶ URL: http://desebg.com/obrazovaniekomunizum/4006-2019-06-19-14-04-30?fbclid=IwAR2qfHvjBvRXdy68UTTzucIoqFYUBurw9oXw-jq56Kz_zCaRnbvu3Y9y1p8 (дата обращения: 20.04.2020).

Х. Христова от 20 июня для сайта «Фактор»¹⁷, «Открытое письмо о недопустимости подмены фактов и событий коммунистического периода в новых учебниках истории»¹⁸, публикации «Как бывший член БКП и БСП Искра Баева манипулирует в учебниках историей транзита»¹⁹, «Как проф. Евгения Калинова подменила название Шестого управления ДС в учебниках истории, к тому же она не знает, когда оно было создано»²⁰, «Тотальная манипуляция: Проф. Евгения Калинова в учебниках истории фальсифицировала причину создания концлагеря близ Ловеча»²¹. Э. Келбечева предпочла давать интервью: «Восхваление коммунизма в учебниках недопустимо» (интервью В. Ивановой по БНР от 20.06.2019)²², «Проф. Эвелина Келбечева: в новых учебниках отсутствуют факты и оценки тоталитарного режима» (интервью З. Андоновой в газете «Дневник» от 20 июня 2019 г.)²³, «Проф. Эвелина Келбечева: в новых вариантах учебников истории ретушируют целые процессы, замалчивая факты, свидетельствующие о преступности коммунистического режима» (интервью агентству «Фокус» от 26 июня 2019 г.)²⁴.

Конечно, в плюралистическом обществе каждый может свободно выражать собственное мнение. Проблема возникает, когда в разгоревшейся дискуссии одни мнения превращаются в политические решения, а другие остаются без внимания. К мнению Х. Христова и Э. Келбечевой присоединились и политические организации, например СДС²⁵, «Да, Болгария»²⁶, Народная

¹⁷ URL: <https://www.faktor.bg/bg/articles/mneniya/intervyu/hristo-hristov-novite-uchebnitsi-sa-gavra-s-istoriyata-i-zhertvite-na-komunizma-uchat-che-zhivkov-se-grizhil-za-blagosastoyaniето-na-naroda> (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁸ URL: <http://desebg.com/obrazovaniekomunizum/4013-2019-06-21-15-02-53?fbclid=IwAR3qRvFBZy0IQK6xpmN3NC0gHR7-Dp0k-Ixa5F4Z-Agt0ObdqESS24aqFqY> (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁹ URL: <https://www.faktor.bg/bg/articles/kak-bivshiyat-chlen-na-bkp-i-bsp-iskra-baeva-manipulira-istoriyata-na-prehoda-v-uchebnitsite> (дата обращения: 20.04.2020).

²⁰ URL: <https://www.faktor.bg/bg/articles/politika/na-vseki-kilometar/kak-prof-evgeniya-kalinova-podmeni-imeto-na-shesto-upravlenie-na-ds-v-uchebnik-po-istoriya-a-i-ne-znae-koga-e-sazdaden> (дата обращения: 20.04.2020).

²¹ URL: <https://www.faktor.bg/bg/articles/politika/na-vseki-kilometar/totalna-manipulatsiya-prof-evgeniya-kalinova-falshifitsira-i-prichinata-za-sazdavaneto-na-kontslagera-kray-lovech-v-uchebnika-po-istoriya> (дата обращения: 20.04.2020).

²² URL: <http://bnr.bg/kardzhali/post/101137574/prof-evelina-kelbecheva-nedopustimo-e-da-vazhvalavame-komunizma-v-uchebnicite> (дата обращения: 20.04.2020).

²³ URL: https://www.dnevnik.bg/intervju/2019/06/20/3927434_prof_evelina_kelbecheva_v_novite_uchebnici_lipsvat?fbclid=IwAR3w5HoM7BnCFub-SkH34SvHCDMT0IBbg0rhjiIIxuE9mzVM-VoW9TROQk (дата обращения: 20.04.2020).

²⁴ URL: <http://www.focus-news.net/news/2019/06/26/2674033/prof-evelina-kelbecheva-v-novite-varianti-na-uchebnitsi-po-istoriya-se-zamazvat-tseli-protsesi-bez-da-se-govori-za-prestapnostta-na-komunisticheskiya-rezhim.html> (дата обращения: 20.04.2020).

²⁵ СДС: Възмутени сме как комунизмът е представен в нови учебници. 22.06.2019. URL: <https://dnes.dir.bg/obshtestvo/sds-vazmuteni-sme-kak-komunizmat-e-predstaven-v-novi-uchebnitsi> (дата обращения: 20.04.2020).

²⁶ 24.06.2019. URL: <https://dabulgaria.bg/nastoyavame-narodnoto-sabranie-da-se-proiznese-za-izuchavaneto-na-komunisticheskiya-rezhim?fbclid=IwAR3sqdwIDz>

партия «Свобода и достоинство»²⁷, Дискуссионный клуб «Свободная България», Союз «Истина», Движение 7000, Християнски център «Перелом», Фонд БАМО (Болгаро-американски мосты общения), Апостолска реформиранна църква и църква Царства Христова в Габрово²⁸. Въпреки гласовете в защита на професионализма на авторите на учебниците и необходимостта от оценка на социализма с исторически, а не политически позиции²⁹ министърът на образованието се съгласи с двете изтъкнати личности и политическите декларации на организациите, обявявайки, че учебниците не получават одобрение, докато в тях не бъдат внесени поправки в духа на желаното от Христов и Келбечева. Претензии следващи: не е отразена в цялостта «ролята и дейността на Държавната безопасност», не е написано, че с това «политическото дълголетие» Живков е длъжен «имевшему» у него прямото

itbmylFC5DAXp2ouxL9mWSq6OAMTkSK5_2fLKnrfEJMGQ4OEA (дата на обращение: 20.04.2020).

²⁷ 22.06.2019. URL: <https://novini.bg/bylgariya/politika/543939> (дата на обращение: 20.04.2020).

²⁸ 24.06.2019. URL: <https://dnes.dir.bg/obshtestvo/za-prerazglezhdane-na-komunizma-v-uchebnitsite-nastoyavat-7-organizatsii> (дата на обращение: 20.04.2020).

²⁹ Перечислявам само няколко от множеството: *Вълчев И.* Нека цялата истина влезе в учебниците — и за преобладаващите комунисти. 25.06.2019. URL: <http://glasove.com/categories/na-fokus/news/neka-cyalata-istina-vleze-v-uchebnitsite-i-za-prebovayadisanite-komunisti> (дата на обращение: 20.04.2020); *Методиева Ю.* Възмутените граждани срещу новите учебници по история налагат старите методи на цензурата. 27.06.2019. URL: https://www.marginalia.bg/novini/vazmutenite-grazhdani-sreshtu-novite-uchebnitsi-po-istoriya-rabotyat-sas-starite-metodi-na-tsenzurata/?fbclid=IwAR2xZbRGs7OByw0rp9qAmg_Q6v_vq9T2GtECEKshTwlu-szCOCqff5cGSQ (дата на обращение: 20.04.2020); Доц. Милен Михов, заместник-председател на ВМРО и депутат от «Обединени патриоти»: Крайните оценки в никакъв случай не са достоверни // Банкеръ. 26 юни 2019 г. URL: <http://www.banker.bg/pozicii/read/krainite-ocenki-v-nikakuv-sluchai-ne-sa-dostoverni> (дата на обращение: 20.04.2020); *Енев З.* И отново за учебниците, «историята» и нещата, на които трябва да учим децата си... // Либерален преглед. 29 юни 2019 г. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/3561-i-otnovno-za-uchebnitsite-istoriyata-i-neshtata-na-koito-tryabva-da-uchim-detzata-si> (дата на обращение: 20.04.2020); Доц. Румяна Маринова-Христиди: Повтарят се сталинските методи на цензура. Има безпрецедентен политически натиск «отгоре» да се представи социализмът едностранчиво — само като престъпен, казва авторката на един от учебниците по история // Дума. 1 юли 2019. № 123; Проф. Людмил Спасов: Такава политическа помиярщина досега не е имало. Защо МОН допуска двама лаици да обучават учители и да дават акъл на историческата общност, пита авторът на един от учебниците за X клас // Дума. 1 юли 2019. № 123; Проф. Любомир Огнянов: Има краен антикомунизъм в атаката срещу учебниците. Не разбирам защо министърът се огъна пред субективното мнение на трима-четирима неспециалисти, а не слуша професионалистите историци // Дума. 2 юли 2019. № 124; Проф. Венцеслав Кулов. Просветен министър или партийен секретар? 8.07.2019. URL: <http://glasove.com/categories/komentari/news/prosveten-ministryr-ili-partiyn-sekretar> (дата на обращение: 20.04.2020); Опростенческият поглед към социализма не подхожда на академични хора. 22.08.2019. URL: <http://glasove.com/categories/na-fokus/news/totalitarizym> (дата на обращение: 20.04.2020); Проф. Светлозар Елдъров: Историята не е супермаркет да си купиш стока по избор // Дума. 17 септември 2019. № 178.

контролю над репрессивным аппаратом», не показаны со всей четкостью «три банкротства во время правления БКП при Тодоре Живкове — в 1960, 1976–1977 и 1987 гг.», «процесс возрождения»³⁰ «рассмотрен исключительно в рамках 1984–1989 гг.» (по мнению Х. Христова).

Как видим, эти замечания звучат серьезно и были бы обоснованными, если бы были верными. Но это не так. Большая часть того, что требовали добавить, и так присутствует в учебниках, просто сказано другими словами. И если недовольные учебниками хотят донести до школьников свою точку зрения во всей полноте, то, вероятно, они должны написать собственный учебник и представить его на конкурс. Вместо этого они навязывают свою волю другим авторам. В результате еще 20 июня МОН отправило всем издательствам «Предложения по содержанию проектов учебников», где точно следовало суждениям Христо Христова, причем некоторые из них расходились с истиной, как, например: Народный суд³¹ — самый крупный акт репрессий в Восточной Европе (намного более многочисленными были приговоры судов в Польше и во всей Германии, поскольку Нюрнбергский процесс — лишь вершина айсберга); Горнянское движение — первое и одно из самых долго действовавших движений сопротивления коммунистическому режиму в Восточной Европе (польское берет начало и вовсе в военные годы, оно охватило намного больше людей и длилось дольше); упоминание о «трех последовательных банкротствах» противоречит фактам, согласно которым во время трех долговых кризисов Болгария не признала себя банкротом, а сумела с советской помощью заплатить по долговым обязательствам³². Разослав издательствам «Предложения по содержанию проектов учебников», МОН взяло на себя роль политического цензора, а учитывая источник замечаний, становится ясно, что политический заказ получен от небольших правых объединений, застрявших в прошлом, объединяет которые одно — антикоммунизм. На тесную их связь с правящей партией ГЕРБ указывает неоднократная поддержка действий Келбечевой со стороны Цветана Цветанова³³ и Андрея Ковачева.

³⁰ Процесс возрождения — процесс насильственной ассимиляции турецкого меньшинства в Болгарии, в середине 1980-х гг. приобретший особо жесткий характер, выразившийся, в частности, в принудительной смене турецких имен и фамилий на болгарские.

³¹ Народный суд — чрезвычайный судебный орган, действовавший в Болгарии в декабре 1944 — апреле 1945 г. Его фактической целью была ликвидация тем или иным способом политической оппозиции в стране. В результате деятельности Народного суда несколько тысяч человек получили смертные приговоры, более тысячи — осуждены на пожизненные сроки заключения, несколько тысяч — на различные сроки до 20 лет. — *Прим. пер.*

³² Один из официальных цензоров учебников Д. Вачков в книге, посвященной долгам социалистической Болгарии, писал не о трех банкротствах, а об общем банкротстве системы (Вачков Д., Иванов М. Българският външен дълг 1944–1989. Банкрутът на комунистическата икономика. София: Сиела, 2008).

³³ Цветан Цветанов, хотя формально в это время и не занимал никакой политической должности, поддержал попытку цензурировать учебники, см.: Цветанов подкрепи петиция срещу подмяната на истината за комунизма в учебниците по история

В дискуссии вокруг учебников по истории Болгарии на сторону авторов учебников встало профессиональное сообщество³⁴, а на сторону новых политических цензоров — политические группы и активисты³⁵. Это заставило власть в целях легитимизации своей позиции задействовать академические круги. 1 июля 2019 г. Институт исследований недавнего прошлого (ИИБМ) поддержал МОН в документе «О скандале с учебниками истории», подписанном директором института профессором Ивайло Знепольским и профессором Иваном Эленковым, доцентами Михаилом Груевым, Даниэлом Вачковым, Пламеном Дойновым и Даниэлой Колевой, доктором исторических наук Момчилом Методиевым³⁶.

Позиция ИИБМ примечательна, потому привожу пространные цитаты из нее: «Критикуемые учебники формально сохранили эту логику (программы. — *И. Б.*), но изнутри ее разрушили и по существу подменили задачу. Инструмент этого — отстаиваемый взгляд на работу историка как на свободу интерпретаций»; «Есть правильные и неправильные научные утверждения, и они не могут быть равнозначны, они одинаково ценны»; «Вот почему самое важное в изображении коммунизма в учебнике — недвусмысленное и ясное освещение проблемы коммунистического тоталитаризма и всех его главных характеристик, неизменно в имплицитном или эксплицитном сравнении с демократической формой правления. И не только классического тоталитаризма времен сталинизма или раннего живковизма, но и более позднего его “мирного” преобразования, когда тотальное наблюдение, контроль и шантаж заменили открытый террор и лагеря». Весьма любопытно, когда люди, занимающиеся наукой, выступают против академической свободы и, более того, заявляют: «Всё сводится к выяснению

за 10-ти клас. 22.06.2019 г. URL: <https://novini.bg/bylgariya/politika/543923> (дата обращения: 20.04.2020); Цветан Цветанов: ГЕРБ да не допуска промяна на истината за комунизма в учебниците. 20 юни 2019 г. URL: <https://dnes.dir.bg/politika/tsvetan-tsvetanov-gerb-da-ne-dopуска-promyana-na-istinata-za-komunizma-v-uchebnitsite> (дата обращения: 20.04.2020); Цветанов: Приветствам промените в раздела за комунистическия режим в учебниците по история за 10. Клас, 14 август 2019 г. URL: <https://www.faktor.bg/bg/articles/tsvetanov-privetstvam-promenite-v-razdela-za-komunisticheskiya-rezhim-v-uchebnitsite-po-istoriya-za-10-klas> (дата обращения: 20.04.2020).

³⁴ Петиция в защита на академичната общност и българското образование срещу опитите за налагане на политическа цензура (Петиция в защита академического сообщества и болгарского образования против попыток навязать политическую цензуру). URL: <https://www.peticiaq.com/233600> (дата обращения: 20.04.2020).

³⁵ Созданная фондом «Истина и память» «Петиция о недопустимости подмены фактов и событий коммунистического периода и демократического транзита в новых учебниках истории и цивилизаций для 10 классов». URL: <https://www.peticiaq.com/1944-1989> (дата обращения: 20.04.2020).

³⁶ 1 юли 2019 г., Институт за изследване на близкото минало. URL: <http://minaloto.bg/%D0%B7%D0%B0-%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%BB%D0%B0-%D1%81-%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%82%D0%B5-%D0%BF%D0%BE-%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F/> (дата обращения: 20.04.2020).

методологической позиции отдельных историков». Или когда они атакуют историков, позволивших себе сказать: «Нет таких периодов в истории, когда всё было только плохим или только хорошим». Не будем углубляться в поиски причин этой позиции, она нам известна именно из того недавнего прошлого, о котором идет спор. Она характерна для людей, вставших на службу идеологии и политике. Это утверждение относится как минимум к директору ИИБМ, с 1970 до 1990 г. работавшему в системе Академии общественных наук и социального управления (АОНСУ) в Институте современных социальных теорий, созданном ЦК БКП и находившемся в его подчинении; после транзита нынешний директор ИИБМ был министром культуры в правительствах Любена Борова и Ренеты Инджовой³⁷. В случае с учебниками защищаемая им новая идеологическая позиция — антикоммунизм, что, однако, кардинально отличается от подхода большинства академических историков. Потому что, повторю еще раз, нет исторической эпохи исключительно плохой или исключительно хорошей. Ограничение оценки рамками осуждения, как и восхваления, не имеет ничего общего с познанием, оно ближе к идеологии как «фальшивому сознанию» или к религии, точнее — манихейству, делящему мир на добро и зло, между которыми нет никакой связи. В сущности, осуждение преследует одну политическую цель — навязать единственную, обязательную для всех правду о прошлом. А всё, что ей противоречит, следует стереть и уничтожить. В то время как роль истории — прежде всего объяснить причины соответствующих событий, представить мотивы и логику действующих лиц, тем самым позволив читателям самим давать оценки.

В конечном счете после немалого числа дискуссий, заседаний и острых обсуждений, в которых МОН призвало участвовать двух сотрудников ИИБМ (Д. Вачкова и М. Методиева), действовавших скорее как цензоры, чем как историки, все учебники были одобрены министром просвещения Красимиром Вилчевым и включены в национальную систему образования. А у нас, ученых, остался горький привкус новой политической цензуры, в осуществлении которой, подобно тому, как это было во времена социализма, приняли участие и некоторые историки. Это не должно нас пугать, поскольку по крайней мере, как мне кажется, лучшая гарантия от нового вмешательства политиков в историю — это наши профессиональные исследования, благодаря которым мы можем победить в борьбе за право на свободную научную мысль!

Перевод с болгарского Н.С. Гусева

³⁷ Кабинет министров Л. Борова был утвержден в 1992 г. парламентскими фракциями Болгарской социалистической партии и Движения за права и свободы, представлявшего интересы турецкого меньшинства. В 1994 г. на смену ему пришло служебное правительство Р. Инджовой, в котором за одним исключением все члены были беспартийными. Беспартийным числился и И. Знепольский, несмотря на свое богатое прошлое в БКП. — *Прим. пер.*

Литература

- Баева И., Калинова Е. Социализмът в огледалото на прехода. София: Изток-Запад, 2011.
- Вачков Д., Иванов М. Българският външен дълг 1944–1989. Банкрутът на комунистическата икономика. София: Сиела, 2008.
- Чомски Н. Медиите под контрол. Забележителните постижения на пропагандата. София: Агата, 1994.

References

- Baeva, I., Kalinova, E., 2011. *Sotsializmut v ogledaloto na prekhoda* [Socialism in the mirror of transition]. Sofia: Iztok-Zapad.
- Chomsky, N., 1994. *Mediite pod kontrol. Zabelezhitelnite postizheniia na propaganda* [Media Control. The Spectacular Achievements of Propaganda]. Sofia: Agata.
- Vachkov, D., Ivanov, M., 2008. *Bulgarskiiat vunshen dolg 1944–1989. Bankrutut na komunisticheskata iekonomika* [Bulgarian foreign debt 1944–1989. Bankruptcy of the Communist economy]. Sofia: Siela, 2008.

ИСКРА ВАСИЛЬЕВНА ЧУРКИНА. ВОСПОМИНАНИЯ ИСТОРИКА

Статья поступила в редакцию 3 июня 2020 г.

Цитирование: Искра Васильевна Чуркина. Воспоминания историка // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 152–178.

ISKRA V. CHURKINA. MEMOIRS OF A HISTORIAN

Received 3 June 2020.

How to cite: Churkina, I.V., 2020. Iskra Vasilyevna Churkina. Vospominaniia istorika [Iskra V. Churkina. Memoirs of a Historian]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 152–178.

Предлагаем вниманию читателя интервью с доктором исторических наук, историком-славистом, исследователем широкого круга проблем отечественной и всеобщей истории Искрой Васильевной Чуркиной (р. 1931). Искра Васильевна окончила исторический факультет МГУ, защитив диплом на кафедре истории южных и западных славян, поступила в аспирантуру Института славяноведения АН СССР, в 1963 г. защитила в институте кандидатскую диссертацию «Развитие словенской промышленности и торговли в XVI в.», в 1980 г. — докторскую диссертацию по монографии «Словенское национальное движение в XIX в. и Россия».

С 1958 по 2018 г. работала в Институте славяноведения. В 1986–1989 гг. была сопредседателем Смешанной советско-югославской комиссии по анализу учебников истории и географии СССР и СФРЮ. В 1993 г. избрана президентом Общества друзей Словении «Триглав». С 1968 г. — зарубежный член Исторического общества Словении, с 1990 г. — член Общества исследований по словенистике (Канада), с 1993 г. — член-корреспондент, затем действительный член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (Россия).

Круг научных интересов Искры Васильевны охватывает прежде всего историю словенского народа, а также вопросы национальных движений на Балканах, русско-славянских связей, проблемы межконфессиональных отношений, истории культуры и идейных движений южнославянских народов. Искра Васильевна является ведущим в отечественной славистике специалистом по истории Словении. Она автор

* Запись, расшифровку беседы и комментарии осуществили А.А. Леонтьева, К.В. Мельчакова, Н.Г. Струнина-Бородина.

более 300 научных трудов, в том числе ряда монографий. В настоящее время к печати готовится ее очередное исследование, которое посвящено славянофильскому движению в России. И.В. Чуркина внесла значительный вклад в подготовку многих коллективных трудов Института славяноведения в качестве ответственного редактора и одного из основных авторов, а также в публикацию важнейших архивных документов по истории межславянских связей.

Искра Васильевна рассказала о своем детстве, учебе на историческом факультете МГУ, работе в Институте славяноведения, поделилась впечатлениями об опыте исследовательской деятельности в архивах и библиотеках, а также о зарубежных командировках.

* * *

— ...Уж я знаю, что такое редкое имя! В Университете у нас полно было таких имен — Диамара, Энгельсина, Ленина, Сталин и так далее. А в школе я была такая одна, и все всегда удивлялись, а мальчишки дразнили!

Дома меня звали Исенькой. Мама была очень идейная. Когда я один раз ее спросила, уже в 10-м классе: «Мама, зачем ты меня назвала таким именем, не могла нормальным?» — она ответила: «Знаешь, когда ты родилась, была всеобщая коллективизация, и мне нравились два имени, очень модные в то время: Искра и Тракторина». Я сказала «спасибо» и больше никаких вопросов не задавала: всё же Искра лучше, чем Тракторина.

— Скажите, пожалуйста, кем были ваши родители, откуда они родом?

Анастасия Климентьевна Извекова и Василий Сергеевич Чуркин.
1932 г.

— Маму звали Анастасия. Отец ее, Климентий Козьмич Извеков, был зажиточным крестьянином в Курской губернии. Они с братом Андреем не разделили землю после смерти отца и вели совместное хозяйство. У них была большая семья, куда входили дети обоих братьев со своими женами и детьми, всего более двадцати человек. Наемных работников у них никогда не было. Климентий Козьмич, человек грамотный, пользовался уважением односельчан, имел прекрасный голос и пел в церковном хоре. Он ведал внешними делами семьи, торговлей, взаимодействием с властями. Андрей же определял каждому работу в поле и дома. Анастасия окончила приходскую школу, потом работала швеей у разных хозяев. А уже после революции училась в Рабоче-крестьянском университете в Курске. Там мама оказалась в числе лучших, и ее оставили преподавателем. Среди ее учеников оказался мой отец. К тому времени он окончил не только приходскую школу, но и два класса гимназии. И он ее изводил, поскольку знал больше, чем она. До конца своей жизни мама ему припоминала такой его вопрос: «А Рюрик был феодалом или не был?» Мы даже сейчас не знаем, был он феодалом или не был... А в те годы она и представления не имела, был ли он феодалом. Так вот они и познакомились.

В 1930-е годы мама окончила Аграрный институт красной профессуры¹. С 1940 г. Анастасия Климентьевна работала в МВТУ имени Баумана, там же защитила кандидатскую диссертацию по коллективизации на Кубани и до выхода на пенсию преподавала основы марксизма-ленинизма.

Отец, Василий Сергеевич Чуркин, тоже был из крестьянской семьи, он родился в Рязанской губернии. Участвовал в Гражданской войне с 1919 г., воевал против банд Махно, на польском фронте. Прошел всю Великую Отечественную войну, добровольцем защищал Москву, сражался на Курской дуге, под Ворошиловградом (ныне Луганск), под Киевом, освобождал Варшаву, брал Берлин. В 1946 г. Василий Сергеевич вернулся в Москву. Преподавал политэкономии в Военно-воздушной академии имени Жуковского, а с 1948 г. до выхода на пенсию в 1964 г. — в Военно-политической академии имени В.И. Ленина. В 1948 г. отец защитил кандидатскую диссертацию по теме «Сущность трудодня». Всю жизнь он был военным, ушел в отставку в звании полковника. Отец был награжден орденом В.И. Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды и 12 медалями. Особенно он гордился медалями «За освобождение Варшавы» и «За взятие Берлина».

Мой отец, как и мама, окончил Институт красной профессуры. До войны преподавал в Инженерно-экономическом институте имени С. Орджоникидзе. Когда началась Отечественная война — пошел добровольцем, простым солдатом. Дело в том, что в 1937 году его тоже затронули репрессии.

¹ Институт красной профессуры (ИКП) — специальное высшее учебное заведение ЦК ВКП(б) для подготовки высших идеологических кадров партии и преподавателей общественных наук в высших учебных заведениях. Учрежден в 1921 г., в 1938 г. был преобразован в Высшую школу марксизма-ленинизма.

Кто-то написал донос, что он неправильно указал в анкете, что он сын бедняка-крестьянина, потому что у них не было ни коровы, ни лошади. Его отец был перед Первой мировой войной лесником. А это уже считалось выше: лесник — это значит чиновник. Отца лишили всех званий. Поэтому на Отечественную войну он пошел солдатом, а окончил ее уже полковником. Это было сложное время. Я уверена, что отец действительно был из бедной семьи, что в семье отца никогда не было своей коровы. И всю жизнь самым вкусным напитком для него было молоко. Мы вместе жили, и так было заведено, что каждое утро должна быть банка молока. Обязательно.

— *А он не рассказывал вам, откуда у него такая любовь к молоку?*

— Получилось так, что его мать (моя бабушка) Варвара Петровна осталась одна с тремя детьми, когда ее муж Сергей Андреевич ушел на заработки. Она его ждала. Коровы у них не было, надел был небольшой, и только по праздникам соседи приносили молоко и прочие гостинцы. Это был очень большой подарок и лакомство. Так вот с детства у отца и пошла любовь к молоку. А отсутствовал мой дед Сергей Андреевич ни больше ни меньше шесть лет, он строил Транссибирскую магистраль, можно сказать, практически дошел пешком до Дальнего Востока. Когда вернулся — мой отец впервые его увидел, в то время ему было семь лет. Поскольку я очень любила путешествовать, разные поездки, особенно по славянским землям, папа всегда говорил: «Ты прямо вся в деда!»

— *Где ваша семья была во время войны?*

— Во время войны мы со школой были эвакуированы в г. Михайлов Рязанской области. Потом, когда немцы стали подходить туда, нас перевезли в г. Ижевск, в Удмуртию, некоторое время были там. Отец был на фронте, а мама ездила со мной. Потом мы переехали в Чкалов (теперь это Оренбург) и оттуда уже вернулись в Москву, когда отец на время вернулся с фронта. Он проходил какие-то курсы и вызвал нас к себе в Москву, потом снова уехал на фронт, а мы остались в столице и Победу уже встретили там.

— *Расскажите, пожалуйста, о школе тех лет.*

— В то время, когда я вернулась в Москву из эвакуации, многие школы были заняты ранеными. Некоторые из них оставались госпиталями вплоть до конца 1940-х годов. Поэтому школы были переполнены, и в нашей школе № 350 было три смены, я училась в старших классах, и мы занимались вечером, сначала с 20 до 23 часов, потом с 18 до 21 часа. Моя школа находилась сразу за Богоявленским собором на Бауманской. До школы от дома было полчаса ходьбы.

Тогда как раз разрешили проводить службы в православных храмах. Для нас это была большая радость, потому что, когда мы занимались, шла вечерняя служба и громко звонили колокола. В школе всё было слышно, мы не могли учиться нормально, так как ученики и учитель не слышали друг друга. Мы так этому радовались! Часто преподаватель ничего не мог

объяснить и отпускал всех домой. Единственное, что мы могли, — писать контрольную, но это было гораздо спокойнее, чем отвечать заданный урок. Так что мы были очень довольны нашим соседством. До войны мальчики и девочки учились вместе, а в годы войны школы разделили на женские и мужские.

— *Потом в университете, наверное, было непривычно учиться с мальчиками?*

— Да, на первом курсе у нас только самые смелые девочки с мальчишками общались, потому что мы привыкли быть одни, без них.

— *А где вы жили в Москве?*

— Жили мы в Буденовском городке². Там было построено несколько кирпичных пятиэтажных зданий, а кругом — частная одноэтажная и двухэтажная деревянная застройка. Район между Госпитальной улицей и Буденовским городком в народе назывался «Чешиха»³ и считался очень опасным, воровским. Там жили портные, которые перекраивали то, что приносили им воры. Допустим, идешь по улице, темно, и с тебя могут стащить шапку или заставить снять пальто. Это запросто! Ведь в то время вообще ничего не было. И вот на Чешихе всё переделывали местные портные, перешивали сразу же, чтобы потом нельзя было узнать вещь. Мои школьные подружки жили как раз за Чешихой, и мама всегда боялась, когда я ходила к ним. Наша соседка по квартире работала на Чешихе в мастерской, изготавливавшей елочные украшения и детские игрушки, она обычно успокаивала маму: «Ну что ты волнуешься? Они никогда никого не обижают на своей территории, это негласное правило. Зачем к себе привлекать внимание? Если там кого-то разуют, разденут — обратятся в милицию и начнут проверять, выискивать пальто и прочее. Так что не беспокойся». И действительно, сколько раз я ни ходила к своим подружкам — и вечером, и утром, в любое время — всё было совершенно спокойно, никто меня не трогал.

— *Почему после школы вы решили поступать на исторический факультет?*

— Из нашего класса многие пошли в математики, несколько человек выбрали биологический факультет, а на историю, по-моему, пошла я одна. У нас в шестом классе была замечательная учительница. Ее звали Ребекка Ивлиевна, одинокая пожилая женщина. Преподавала нам историю Древней Греции и Древнего Рима. Она так интересно рассказывала об исторических событиях! И не только: помимо изучения и ответов на уроках мы должны

² Буденовский городок — жилой массив в Москве с домами 1927–1929 гг. постройки, расположенный по адресу Большая Почтовая улица, дом 18, корпуса 2–12, 15–18, 20 в, совр. Басманный район Центрального административного округа Москвы.

³ Совр. Чешихинский проезд — улица на востоке Москвы в Басманном районе. Возник как Чешихинский переулок в конце XIX в., назван по фамилии домовладельца купца Павла Ивановича Чешихина.

были в течение года написать небольшое сочинение по истории. Тогда я и несколько человек из класса впервые пошли в Историчку⁴. Я писала о каком-то философе того времени, но философия меня не увлекла, а история понравилась. Большое влияние на мой интерес к истории и литературе оказала учительница литературы Вера Владимировна Русанова. Она окончила Бестужевские курсы, первое высшее заведение в России, где учились женщины, потом некоторое время играла в театре. У нас она преподавала в 8–9 классах. Вера Владимировна считала, что нам совершенно не нужно учить литературоведческие термины, а просто необходимо знать русскую литературу. Не очень надеясь на то, что мы сами будем читать, она на уроках сама читала нам «Мертвые души» Н.В. Гоголя, очень артистично, так что мы с удовольствием слушали ее, а «Недоросля» Д.И. Фонвизина, «Горе от ума» А.С. Грибоедова, «Грозу» А.Н. Островского мы разыгрывали на уроках; роли распределялись между ученицами, сама Вера Владимировна читала за Простакову, Фамусова и Кабаниху. Это совместное чтение очень нам нравилось, и когда Вера Владимировна ушла из школы из-за болезни, мы собирались после уроков и сами читали вместе книги. Особенно нас заинтересовал роман А.Н. Толстого «Петр Первый». Обычно нас с разрешения директора оставалось в классе после уроков 5–7 человек. Постоянными членами нашего кружка кроме меня были Аня Смехова, Дина Райзман, Галя Морозкина. Мы обнаружили, что живем на территории бывшей Немецкой слободы: ведь кругом были названия, связанные с нею, — Немецкий рынок, Лефортово, Немецкое кладбище! По воскресеньям мы часто бродили по нашему району, желая найти дома петровских времен. Особенно нас волновало расположение дома Анны Монс, возлюбленной царя Петра. Наши походы по московским улочкам и переулкам способствовали усилению моего интереса к истории.

— *Интересно, как в то время проходили выпускные экзамены?*

— Чтобы получить аттестат зрелости, нужно было сдавать 11 экзаменов. К концу сессии я была уже совсем уставшая. Два дня — экзамен, еще два дня — следующий экзамен. И так целый месяц... Я довольно хорошо сдала экзамены и даже получила серебряную медаль.

— *Сложно ли было поступить в университет?*

— Поскольку у меня была серебряная медаль, для поступления в университет было достаточно собеседования по истории. Это было легче, чем снова сдавать экзамены. В 1949 г. я поступила на исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

— *Кто из преподавателей истфака вам запомнился? Многие из тех, кто преподавал в то время, сейчас признанные классики.*

— Из преподавателей на историческом факультете мне запомнились многие. Например, археологию у нас читал Артемий Владимирович Арци-

⁴ Государственная публичная историческая библиотека (ГПИБ).

ховский⁵, тот самый, который вел раскопки в Великом Новгороде и обнаружил там берестяные грамоты. Он всегда читал лекции без бумажки. Когда мы слушали этот курс, его лекции только вышли из печати. Мы все сразу же их раскупили и на занятиях сидели с этими книжками и слушали, как он читал, — специально сверяли. Он читал слово в слово, буква в букву, как там было написано. Удивительно! Ну сказал бы что-то новенькое, но нет, точно как в книге! Он помнил всё на свете, даже чересчур!

Лекции по истории Средних веков нам читал Сергей Данилович Сказкин⁶. Сергей Александрович Никитин⁷ читал историю славян — хорошо, но немного скучно, педантично, а Сказкин — с чувством, его всегда слушали, открыв рот, очень внимательно! Петр Андреевич Зайончковский⁸ тоже интересно читал лекции, хотя он был своеобразным человеком. Все страшно боялись сдавать ему экзамены. Он ставил направо и налево двойки и тройки. А тройка — это тоже плохо, потому что тогда человек оставался без стипендии. Мы все очень боялись попасть к нему. Но однажды, как раз на нашем курсе, девочка не из нашей группы, из другой, всё выучила, но поскольку все были напуганы, знали, как Зайончковский ставит обычно отметки, она очень волновалась. Подошла к столу, чтобы вытащить билет, и упала в обморок. Приехали врачи, все говорили — ну как же, она даже не посмотрела, что за билет, а так испугалась! Зайончковскому, видимо, сказали: «Что ж вы так всех напугали, что студентка упала в обморок?» После этого он стал помягче. И экзамены потом принимал значительно спокойнее.

— *А как в те времена развлекались студенты? Устраивались ли вечера в университете?*

— Не помню, чтобы у нас были какие-нибудь вечера в университете, в лучшем случае, торт и чай. В основном мы праздновали у кого-то дома.

⁵ Артемий Владимирович Арциховский (1902–1978) — советский археолог и историк, доктор исторических наук, член-корреспондент АН СССР, профессор. С 1939 г. — заведующий кафедрой археологии исторического факультета МГУ. В 1952–1957 гг. — декан исторического факультета МГУ.

⁶ Сергей Данилович Сказкин (1890–1973) — советский историк-медиевист, доктор исторических наук, академик АН СССР, профессор исторического факультета МГУ (декан в 1940–1943 гг.), с 1949 г. — заведующий кафедрой истории Средних веков исторического факультета МГУ.

⁷ Сергей Александрович Никитин (1901–1979) — советский историк, специалист по истории зарубежных славянских народов, истории России XIX в., доктор исторических наук, профессор. В 1947–1970 гг. — заведующий сектором истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма Института славяноведения АН СССР (далее — ИСл), в 1947–1961 гг. — заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ. См.: Данченко С.И., Чуркина И.В. С.А. Никитин и его научная школа историков-славистов // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина: сборник статей / отв. ред. И.В. Чуркина. М.: Тезаурус, 2013 С. 8–34.

⁸ Петр Андреевич Зайончковский (1904–1983) — советский историк, источниковед, археограф и библиограф, доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ.

Однокурсники.

Искра Васильевна Чуркина, Таисия Николаевна Матулис,
Владимир Константинович Волков, Фридрих Игоревич Фирсов.
1950-е гг.

На первом курсе у нас была общая группа по Новой истории европейских стран. Когда мы окончили первый курс, решили это отпраздновать. И тогда отметили это у меня. Мы жили в коммунальной квартире, где было две комнаты, в одной жила наша семья, а комнату рядом занимала семья рабочих. С соседями у нас были очень хорошие отношения. Когда я пришла и спросила, нельзя ли собраться у нас, потому что больше нигде, родители сказали: «Да, можно, мы поедem на дачу». Соседка, тетя Муся, согласилась поехать со своими детьми (у нее было двое детей) в гости к сестре. Все пошли навстречу. Так вся группа пришла праздновать ко мне. Я сделала винегрет, купила хлеб и конфеты. Ребята принесли вино (пить водку в то время считалось неприличным), хлеб, колбасу, шпроты и т. д. И мы сидели, ели винегрет и бутерброды. Это было в июне, в самые длинные дни. Когда уже было светло за окном, около 4 часов, мы всё съели и решили пойти гулять. Орава студентов, человек 15 нас было... Мы шли по улице, пели песни. Милиционеры очень удивлялись: «Что это за команда, бандиты ли, или еще кто?» Непонятно, кто это посреди ночи идет и горланит песни. У нас оставалась только большая ваза с конфетами, которую нам дала соседка.

Мишка Кузьмин⁹ взял ее с собой. Когда к нам подходили милиционеры, он говорил: «Вы знаете, у нас всё очень хорошо, мы окончили первый курс, угоститесь конфетками». А они смеялись и говорили: «Ну идите». Пока мы гуляли, все конфеты были розданы милиционерам.

— *Что же вы пели?*

— Пели мы песни времен войны, хорошие песни: «Давай закурим, товарищ, по одной» и другие. Что в голову придет, то и пели. Мы шли по улице, кто-то пел, кто-то болтал друг с другом. Под конец нас осталось человек десять, потом пять. И тогда мы разошлись, к тому времени и метро начало работать.

— *На каком курсе нужно было выбирать кафедру? Почему вы решили изучать историю славян?*

— Кафедру нужно было выбирать на втором курсе. Очень много тогда говорили по радио о славянских странах и о дружбе славян... Мне захотелось заниматься южными славянами, и я пошла на сербское отделение.

— *Кто был вашим научным руководителем?*

— Моим научным руководителем был Виктор Георгиевич Карасев¹⁰, ученик Никитина. Честно говоря, он вообще почти не руководил нами, потому что у него была масса других дел. Во-первых, у него только что родился сын, и было много хлопот. А во-вторых, он считался молодым преподавателем, и на него наваливали всякие общественные дела. Ему просто дышать некогда было! Одна из его учениц рассказывала, что иногда он давал ей консультации прямо в автобусе, пока куда-то ехал по делам... Тех, кто работал в университете, очень нагружали. Я была одной из первых учениц Карасева, во время работы в Институте славяноведения нередко консультировалась с ним, была на защите его докторской диссертации, у нас всегда были с ним хорошие отношения.

— *Кто еще из преподавателей на кафедре вам запомнился?*

— На кафедре тогда работала Бася Менделевна Руколь¹¹. Она преподавала Средние века, в основном занималась чехами. Ирина Михайловна

⁹ Михаил Николаевич Кузьмин (р. 1931 г.) — историк культуры, исследователь проблем народного образования в России, Чехословакии и других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, кандидат исторических наук. В 1958–1970 и 1976–1991 гг. работал в ИСЛ. В 1991–2005 гг. — директор ФГУ «Институт национальных проблем образования» Министерства образования Российской Федерации, советник ФГУ «Федеральный институт развития образования» по национальным проблемам образования.

¹⁰ Виктор Георгиевич Карасев (1922–1991) — историк-славист, доктор исторических наук, профессор МГУ. С 1949 г. — преподаватель кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ (в 1973–1991 гг. — заведующий кафедрой).

¹¹ Бася Менделевна Руколь (1917–2000) — специалист по средневековой истории Чехии, кандидат исторических наук, доцент. Преподаватель кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ.

Однокурсницы. Студентки истфака МГУ.
Слева направо: Динаида Федоровна Поплыко, Маргарита Николаевна Махарадзе,
Искра Васильевна Чуркина, Тамара Платоновна Блинова.
1950-е гг.

Белявская¹² читала новейшую историю, в основном польскую. Она была очень знающий человек.

Сербский язык нам преподавал Илья Ильич Толстой¹³, внук Льва Толстого. После революции он эмигрировал в Югославию и вернулся после ее освобождения в СССР. Его сын, Никита Ильич Толстой¹⁴, был разведчиком у наших красноармейцев — он хорошо знал сербский язык, говорил так, как сами сербы, без акцента. Он же там родился. А потом Никита Ильич работал долгое время у нас, в Институте славяноведения, как и Илья Ильич.

¹² Ирина Михайловна Белявская (1913–1975) — историк-славист, специалист по истории Польши, доктор исторических наук, профессор МГУ. Преподаватель кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ.

¹³ Илья Ильич Толстой (1897–1970) — филолог, автор сербскохорватско-русского словаря.

¹⁴ Никита Ильич Толстой (1923–1996) — академик РАН, доктор филологических наук, основатель Московской этнолингвистической школы, лингвист, исследователь истории славянских литературных языков, сравнительной славянской лексикологии и семасиологии, лингвистической географии, славянской диалектологии, истории славяноведения, разрабатывал теоретические основы этнолингвистики. В 1954–1996 гг. работал в ИСл.

— *Как проходили ваши занятия с И.И. Толстым?*

— Исторический факультет тогда находился на Моховой улице, и Илья Ильич всегда рассказывал о его зданиях. Мы слушали с большим удовольствием о светской, «бывшей» жизни, о том, что было до революции. Нас он не мучил. В сербской группе у нас было четыре девочки — Дина Поплыко¹⁵, Тамара Блинова, Рита Махарадзе и я, пятым был Саша Плевако¹⁶, потомок знаменитого художника Верещагина. После смерти матери его воспитывала семья сына знаменитого адвоката Плевако, который защищал народовольцев¹⁷. Саша был ужасно способный парень, редко посещал занятия, при этом совершенно свободно говорил по-сербски. Ходил, как говорится, через три занятия, а сдавал экзамены всегда хорошо.

— *Насколько популярна тогда была кафедра среди студентов?*

— На нашем курсе на кафедре было 24 человека. Некоторые после окончания университета пошли в наш институт: Т.П. Блинова, Д.Ф. Поплыко и Г.П. Мурашко¹⁸. Будущий директор, Володя Волков¹⁹, тоже был из нашего выпуска. Кто-то вскоре ушел из института, а с кем-то мы потом много лет работали вместе.

— *Какова была тема вашей дипломной работы?*

— Диплом²⁰ я писала о Дьяковой буне 1825 г.²¹ Речь шла о 1820-х годах, когда во главе Сербии стоял Милош Обренович. Он притеснял простых сербов и пытался завладеть тем, что осталось после турок. А Дьяк собрал вокруг себя людей, недовольных политикой князя Милоша. Всё прошло благополучно, я защитилась и получила диплом с отличием.

¹⁵ Динаида Федоровна Поплыко (р. 1932 г.) — исследователь истории общественных движений балканских народов в XIX в., истории революционного и национально-освободительного движения на Балканах, кандидат исторических наук. В 1959–1987 гг. работала в ИСЛ.

¹⁶ Александр Сергеевич Плевако (р. 1930 г.) — журналист, с 1954 г. работал на радио, был заведующим редакцией вещания на Чехословакию, собственным корреспондентом Гостелерадио СССР в Югославии, секретарем партийного комитета Иновещания, главным редактором Главной редакции информации и пропаганды; в 1989–1991 гг. — заместитель председателя Гостелерадио СССР, руководитель Центрального радиовещания на зарубежные страны.

¹⁷ Федор Никифорович Плевако (1842–1909) — русский адвокат и юрист, судебный оратор.

¹⁸ Галина Павловна Мурашко (1932–2018) — исследователь широкого круга проблем новейшей истории восточноевропейского региона, особенно Чехословакии, доктор исторических наук. В 1959–2017 гг. работала в ИСЛ.

¹⁹ Владимир Константинович Волков (1930–2005) — исследователь международных отношений в Европе Нового и Новейшего времени, особенно международной политики на Балканах между мировыми войнами и после Второй мировой войны, исследователь новейшей истории югославянских народов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН. В 1987–2004 гг. — директор ИСЛ.

²⁰ «Аграрный переворот в Сербии в начале XIX в.».

²¹ Дьякова буна — восстание сербов против князя Милоша Обреновича в 1824–1825 гг.

— *Как вы стали заниматься историей и культурой Словении?*

— Я думала, что и диссертация моя будет о Дьяковой буне, что я расширю и разовью эту тему. Но Сергей Александрович Никитин сказал:

— У нас сербистов сколько угодно. У нас нет словенистов. Вы словенский язык знаете?

— Нет.

— Немецкий знаете?

— Нет.

— Выучите. Выберите себе тему.

Надо было писать историю Югославии, а по Словении никого не было. Специалистами по Хорватии были Лещиловская²² и Фрейдзон²³, по Сербии — Зеленин²⁴. Потом мне пришлось для первого тома «Истории Югославии»²⁵ писать историю словенцев от прихода их на Балканы до начала 1850-х годов.

Когда я пришла в Институт славяноведения, чтобы поступать туда, Институт был маленький и с каждым поступающим директор беседовал лично. Я очень боялась встречи с ним. Он спросил:

— Чем вы будете заниматься?

— Словенией.

— А! Словакией!

— Словенией.

Он посмотрел на меня и говорит:

— Что Словакия, что Словения — это одно и то же.

Я настолько перепугалась, думала, что я ошиблась, но меня приняли. До этого директором был крупный ученый П.Н. Третьяков²⁶, но он переехал в Ленинград, и руководить институтом временно назначили одного из членов ЦК, который какое-то время был нашим послом в Польше. Добрый и хороший человек, но не очень разбиравшийся в славянской истории. И я думала: «Господи, куда я попала?!» Но потом всё было нормально.

Меня взяли в заочную аспирантуру института, а если заочная — ты должен где-то работать. И я работала учительницей в школе в городе Красногорске. В школе мне нравилось. Хорошие ребята, с ними было гораздо лег-

²² Инна Ивановна Лещиловская (1929–2016) — специалист по истории Хорватии, исследователь истории и культуры южных славян XVIII–XIX вв., доктор исторических наук. В 1956–2014 гг. работала в ИСЛ.

²³ Владимир Израилевич Фрейдзон (1922–2004) — специалист по истории Хорватии, исследователь закономерностей развития региона Юго-Восточной и Центральной Европы в XIX — начале XX в., доктор исторических наук. В 1956–2004 гг. работал в ИСЛ.

²⁴ Владимир Владимирович Зеленин (1920–1998) — исследователь истории народов бывшей Югославии и их связей с Россией в XVII–XX вв., доктор исторических наук. В 1963–1991 гг. работал в ИСЛ.

²⁵ История Югославии. М.: Издательство АН СССР, 1963. Т. 1–2.

²⁶ Петр Николаевич Третьяков (1909–1976) — советский археолог, доктор исторических наук, член-корреспондент АН СССР. В 1951–1959 гг. — директор ИСЛ.

че, чем сейчас. Все они были военного поколения, дисциплинированные. Два часа мне надо было добираться до работы. Бывали занятия и утром, и во вторую смену. Но поскольку все знали, что я живу в Москве, первых уроков мне не ставили. Так я проработала два года, а потом меня перевели на очное отделение аспирантуры.

— *Расскажите, пожалуйста, о жизни института в те времена.*

— Когда я пришла в институт, сотрудников было немного. Располагались мы в здании в Хрущевском переулке, таком уютном особняке XIX века, мы его очень любили. Сейчас там находится музей А.С. Пушкина.

Потом институт переехал в Трубниковский переулок. Библиотека была там же, и мы могли работать в присутственные дни с книгами, смотреть, что нужно. Библиотеку возглавляла очень хорошая женщина, Анна Яковлевна Огнева, бывшая фронтовичка²⁷. Она не была славяноведом, но старалась вникнуть в то, чем мы занимаемся, и очень нам помогала с поиском нужных книг.

А потом, когда нас перевели в высотное здание, которое было построено для Президиума АН²⁸ на Ленинском проспекте, библиотеку института пришлось отдать в ИНИОН²⁹.

До переезда в Трубники места у нас было мало, а в новом здании появилось большое количество помещений и сразу возникло несколько новых секторов и отделов.

— *В каком секторе вы работали в институте? Расскажите о ваших коллегах.*

— В Институте славяноведения, куда меня взяли в 1958 году, я сразу же попала в сектор С.А. Никитина — Новой истории славянских народов. В то время часть сотрудников работала над советско-болгарской публикацией «Освобождение Болгарии от турецкого ига»³⁰. Ее руководителем был С.А. Никитин. Документы выявляла и обрабатывала маленькая группа, куда попала и я. Душой нашего коллектива была Нина Владимировна Зуева³¹, человек исключительной добропорядочности и добросовестности. Ей стыдно было лгать, отлынивать от работы. Сергей Александрович во всем полагался на нее. В нашей группе кроме Нины Владимировны и меня была Екатерина Мелентьевна Шатохина³², подруга Нины Владимировны еще со

²⁷ Анна Яковлевна Огнева (1921–2011) — заведующая отделом ФБОН (ИНИОН) АН СССР в ИСл в 1953–1984 гг.

²⁸ Современное здание президиума РАН. Москва, Ленинский проспект, д. 32А.

²⁹ Институт научной информации по общественным наукам РАН.

³⁰ Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы: в 3 т. / отв. ред. С.А. Никитин. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961–1967.

³¹ Нина Владимировна Зуева (1926–2013) — специалист по истории Болгарии второй половины XIX в. В 1950–1987 гг. работала в ИСл.

³² Екатерина Мелентьевна Шатохина (1924–2003) — специалист по Новой истории Болгарии. В 1951–1954 гг. обучалась в аспирантуре Института славяноведения. В 1957–1962 гг. и 1966–1989 гг. работала в ИСл.

Сектор Новой истории славянских народов.
1962 г.

студенческих лет. Всегда по моде одетая, легкая в общении, безотказная в работе, она дружила с четвертым членом нашей группы — Акопом Арутюновичем Улуняном³³.

Акоп Арутюнович воевал, как и многие тогдашние сотрудники нашего института, отличался доброжелательностью и щедростью. Мы, женщины сектора, считали его нашей подружкой и спокойно при нем обсуждали свои наряды, нередко спрашивали совета по поводу покупок и часто получали от него толковые замечания. Вместе с тем он был часто нетерпим к замечаниям и всегда вступал в спор, если считал, что оппонент неправ, будь то младший научный сотрудник без степени или директор института. За прямоту и честность Улуняна уважали все сотрудники. Он не имел славистического образования, но благодаря своему упорству и трудолюбию стал одним из ведущих болгаристов института. Пятым членом нашего маленького коллектива стал самый младший из нас, Евгений Павлович Наумов³⁴.

³³ Акоп Арутюнович Улунян (1924–2003) — исследователь истории освободительной борьбы болгарского народа против османского ига, кандидат исторических наук. В 1958–2003 гг. работал в ИСл. См.: Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуяна: сб. статей / отв. ред. С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2014.

³⁴ Евгений Павлович Наумов (1932–1990) — историк-славист, специалист по широкому кругу вопросов средневековой и Новой истории южных славян, доктор исторических наук. В 1958–1990 гг. работал в ИСл.

По складу своего характера он был настоящий ученый, готовый сидеть над документами сколько угодно времени. Его больше всего интересовала средневековая Сербия. Наумов обладал навыками быстрого чтения. Иногда мы вместе ходили в библиотеку и там садились обычно рядом. Меня поражало его чтение: он просто медленно переворачивал страницы огромных фолиантов и запоминал текст. Я сначала не верила в его способность читать таким образом. Но он показал мне, как, просто перелистывая книгу, он потом спокойно пересказывал содержание этих страниц. Евгений Павлович защитил кандидатскую и докторскую диссертации и стал одним из ведущих медиевистов нашей страны.

— *Расскажите, пожалуйста, о работе над публикацией документов из архива М.Ф. Раевского*³⁵.

— В конце 1960 года было заключено соглашение между Академией наук СССР, Чехословацкой академией наук и Историческим институтом в Белграде о совместном издании материалов архива Михаила Федоровича Раевского, более 40 лет прослужившего протоиереем церкви при посольстве России в Вене. Он активно помогал русским благотворителям в их связях со славянскими национальными деятелями Габсбургской монархии и Балкан.

Начало нашему международному сотрудничеству положил словацкий ученый Владимир Матула³⁶. Он работал над биографией видного словацкого политика Людовита Штура, который перед смертью оставил свой главный труд «Славянство и мир будущего» Раевскому с тем, чтобы тот передал его великому князю Константину Николаевичу, который сочувствовал славянам. Матула специально приехал в командировку в СССР, надеясь найти письма Штура Раевскому. И оказалось, что Раевский переписывался не только со Штуром, но и со многими словацкими, чешскими, сербскими, хорватскими, русинскими, словенскими и другими славянскими деятелями. О своей находке Матула сообщил Сергею Александровичу Никитину, а тот сумел заинтересовать ею крупнейших ученых Чехословакии и Югославии. Так возникла идея совместной советско-чехословацко-югославской публикации документов из архива М.Ф. Раевского.

³⁵ Михаил Федорович Раевский (1811–1884) — настоятель церкви при русском посольстве в Вене, активный деятель на ниве просвещения зарубежных славян и сближения их с русским народом, сотрудничал со Славянским комитетом и МИД России. Среди его корреспондентов насчитывается более 1000 зарубежных славян. См.: Матула В., Чуркина И.В. Архив М.Ф. Раевского как источник по истории связей между славистами России и Австрии (40–70-е гг. XIX в.) // Культура и общество в эпоху становления наций / ред. И.А. Богданова, В.И. Злыднев, Ю.И. Ритчик. М.: Наука, 1974. С. 166–178; Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М.: Институт славяноведения РАН, 2011; Чуркина И.В., Ненашева З.С. К истории публикации наследия М.Ф. Раевского // Славяноведение. 2015. № 5. С. 75–86.

³⁶ Владимир Матула (1928–2011) — словацкий историк, доктор исторических наук, занимался изучением проблем словацкого национального возрождения и деятельности одного из его главных лидеров Л. Штура.

По соглашению 1960 года о совместном издании трех томов материалов архива Раевского первый том должен был выйти в Москве и включать документы, касающиеся всех славян. Второй том документов, посвященный западным славянам, должен был быть издан в Праге, а третий, охватывающий письма, касающиеся южных славян, предполагалось опубликовать в Белграде. Над первым томом работали со стороны СССР С.А. Никитин, В.Г. Карасев и я, со стороны Чехословакии — В. Матула и Й. Кочи, со стороны Югославии — Н. Петрович. Все они потом составили редколлегия первого тома под названием «Зарубежные славяне и Россия»³⁷ и комментировали большинство его документов.

— *Как проходила работа по выявлению и отбору документов?*

— Первое время Матула и я занимались отбором наиболее интересных документов. Это было сложно, поскольку письма были на разных славянских, а также на немецком и французском языках. Кроме того, письма не были разобраны, и нередко корреспонденция от одного и того же лица находилась в разных папках. Достаточно трудно было определять авторство по часто неразборчивым подписям. Иногда нам приходилось делать это по содержанию писем. Более-менее документ читаешь, а подпись неразборчива, и мы с Матулой вдвоем сидели и думали, кем же это написано. Мы подружались за это время: столько архивов пересмотрели, начиная с Отдела письменных источников Исторического музея, потом в Отделе рукописей Ленинки³⁸, в Архиве Министерства иностранных дел, АВПР³⁹... Я не встречала человека настолько увлеченного архивами, как Володя Матула! Он никогда не откладывал неразборчивый документ, мог сидеть над ним часами, чтобы определить, кому он принадлежит. Работа с ним в архивах стала для меня настоящей школой. Наши дружеские отношения продолжались до самой смерти Матулы в 2011 году.

Через Матулу стал заниматься архивом Раевского и Йозеф Кочи, крупный чешский ученый, в течение ряда лет возглавлявший Пражский град. Благодаря Матуле и Кочи я несколько раз побывала в Праге и в Братиславе, в святом Мартине. Оба они были искренними русофилами и оставались такими до конца жизни.

С сербской стороны над архивом Раевского работал Никола Петрович, коммунист с довоенным стажем, родом из Воеводины. Внешне он был похож на стопроцентного арийца: высокий, светловолосый, с большими голубыми глазами. Когда он был в партизанском отряде, его всегда посылали в качестве разведчика в города, занятые немцами и их пособниками венграми, для установления и поддержки связей с антифашистским подпольем. По профессии он был инженер, но в совершенстве знал немецкий,

³⁷ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М.: Наука, 1975.

³⁸ Государственная библиотека имени В.И. Ленина. В настоящее время Российская государственная библиотека (РГБ).

³⁹ Ныне Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Юрий Алексеевич Писарев, Искра Васильевна Чуркина, Йозеф Кочи.
Прага, 1979 г.

французский, венгерский, итальянский и русский языки. И когда его останавливал немецкий или венгерский патруль, разговаривал с ними на чистом немецком или венгерском языке. У него даже документы не спрашивали. Особенно он поражал венгров, которые были в восторге от того, что такой чистокровный немец так хорошо говорит по-венгерски!

— *А кто из институтских коллег помогал вам в работе над публикацией документов Раевского?*

— В первое время мне помогала в архивах Екатерина Мелентьевна Шатохина. Обычно вместе с ней мы ездили в ленинградские архивы: Архив Академии наук и Отдел рукописей Российской национальной библиотеки⁴⁰. Наша жизнь в Ленинграде была очень интересной. Утром мы обычно ходили в Архив Академии наук, после обеда работали в Отделе рукописей Салтыковки, а вечером «стреляли» билеты у театров. Доставать их нам почти всегда удавалось, и мы посмотрели много интересных спектаклей.

⁴⁰ Российская национальная библиотека (РНБ), до 1917 г. — Императорская публичная библиотека, до 1925 г. — Российская публичная библиотека, с 1932 г. — имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, до 27 марта 1992 г. — Государственная публичная библиотека.

Международный съезд славистов в Братиславе.
Искра Васильевна Чуркина, Владимир Матула, Зоя Сергеевна Ненашева,
Галина Викторовна Рокина, Татьяна Ивантышинова.
1993 г.

В субботу и воскресенье мы посещали Эрмитаж или Русский музей, иногда знакомились с ленинградскими пригородами, многие из которых являлись замечательными музеями. И такая культурная программа была вполне по карману младшим научным сотрудникам без степени!

Екатерина Мелентьевна одновременно продолжала работать и над советско-болгарской публикацией, Матула приезжал в лучшем случае на два-три месяца в году. Одной мне приходилось заниматься публикацией всё время. Поэтому я очень обрадовалась, когда мне в помощь в 1971 г. дали новую сотрудницу сектора — Светлану Ивановну Бочкареву (Данченко)⁴¹. С ней вместе мы проработали над архивом Раевского почти 20 лет. Светлана — ученица В.Г. Карасева. Тогда это была стройная, хорошенькая девушка, очень способная и добросовестная. Она сразу же вошла в курс

⁴¹ Светлана Ивановна Данченко (р. 1949) — специалист по Новой истории Сербии, доктор исторических наук. С 1971 г. работает в ИСл, с 2010 г. возглавляет Отдел истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время.

дела, с нею мы почти каждый день ходили в архивы, она научилась разбирать сложные тексты и многие документы сама перепечатывала на пишущей машинке, которую быстро освоила. Кроме того, Светлана обладала прекрасной памятью и очень быстро находила в куче папок тот или иной документ. С ней было легко и приятно, наша работа пошла очень быстро, и в 1975 г. вышел том документов «Зарубежные славяне и Россия»⁴². Помимо указанных выше историков над ним работали в качестве комментаторов и переводчиков Н.В. Зуева, М.Н. Кузьмин, Н.И. Хитрова⁴³, В.М. Хевролина⁴⁴, В.И. Фрейдзон, Р.Ш. Гладштейн, Л.П. Лаптева⁴⁵, чехословацкий ученый Е.М. Рудловчак⁴⁶ и др.⁴⁷

Публикация «Зарубежные славяне и Россия» имела успех, о ней одобрительно отозвалась советская, американская, польская печать.

— *Как велась работа над публикацией югославского тома?*

— В связи с событиями 1968 г. («Пражская весна» и ввод войск Варшавского договора) в Чехословакии усилились антисоветские настроения. Подготовка тома, включавшего западнославянские материалы, была отложена. Зато Исторический институт в Белграде проявил интерес к совместной публикации⁴⁸ и заключил договор с Институтом славяноведения АН СССР. К работе над томом были привлечены и крупнейшие историки из других республик бывшей Югославии: от Словении — В. Мелик, от Хорватии — Н. Станчич, от Боснии и Герцеговины — М. Экмечич⁴⁹, от Сербии — Н. Петрович, Д. Петрович-Милоевич, Д. Милич, С. Терзич⁵⁰, Н. Урич. Советскую

⁴² Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века.

⁴³ Нина Ивановна Хитрова (1925–2015) — специалист по истории Черногории, доктор исторических наук. Работала в ИСл в 1955–1975 гг., затем перешла в Институт истории СССР АН СССР (с 1992 г. — Институт российской истории РАН).

⁴⁴ Виктория Максимовна Хевролина (1932–2016) — специалист по истории внешней политики России и международных отношений второй половины XVIII–XIX вв., доктор исторических наук. Работала в Институте истории СССР АН СССР.

⁴⁵ Людмила Павловна Лаптева (1926–2016) — историк-богемист, доктор исторических наук, заслуженный профессор (с 2008 г.) Московского государственного университета.

⁴⁶ Елена Михайловна Рудловчак (1919–2007) — исследователь культуры Закарпатья, доктор философии. См.: Чуркина И.В. Памяти Елены Михайловны Рудловчак (1919–2007) // Славянский альманах 2007. М.: Индрик, 2008. С. 532–539.

⁴⁷ Подробнее см.: Чуркина И.В., Ненашева З.С. К истории публикации наследия М.Ф. Раевского... С. 76.

⁴⁸ Југословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевог. 40–80 године XIX века. Београд, 1989. Т. 2. Књ. 1.

⁴⁹ Милорад Экмечич (1928–2015) — югославский и сербский историк, академик Сербской академии наук и искусств (САНУ) и Академии наук и искусств Республики Сербской, член Сената Республики Сербской. Признанный специалист по истории сербской государственности.

⁵⁰ Славенко Терзич (р. 1949) — сербский историк, член-корреспондент САНУ, был директором Исторического института в Белграде, главным редактором всех специализированных изданий института, членом Сената Республики Сербской. Чрез-

часть редколлегии представляли С.И. Данченко, В.Г. Карасев и я. Ответственным редактором стал Н. Петрович. Основной корпус документов уже был создан, оставалось только просмотреть югославские архивы. Этим и занимались мы со Светланой Ивановной с помощью Даницы Петрович-Милоевич, дочери Н. Петровича.

— *Расскажите, пожалуйста, о ваших командировках в Югославию.*

— В первый раз мы со Светланой Ивановной прибыли в Белград в 1978 г. На заседании с сербскими коллегами обсудили план работы над томом. Было решено, что мы обследуем помимо архивов Белграда архивы Сараева и Загреба, поскольку именно здесь жили основные корреспонденты Раевского и мы надеялись найти его письма к ним. К сожалению, наши ожидания оправдались лишь в малой степени, поскольку с середины XIX до середины XX века Балканы были ареной многочисленных войн и столкновений, во время которых пропали многие документы из архивов. Зато мы побывали в этих городах, познакомились с интересными учеными. Особенно большое впечатление на нас произвело Сараево, в котором со Средних веков проживало рядом православное (сербы) и мусульманское (босняки) население. Там четко отделялись сербские и босняцкие кварталы. В сербских кварталах стояла православная церковь, построенная во времена турецкого владычества, очень непохожая на другие православные церкви: половина ее интерьера находилась под землей. Дело в том, что турки не разрешали строить церкви выше определенного уровня, чтобы они не выделялись на фоне общей застройки города. В мусульманских кварталах особо большое впечатление произвел на нас огромный базар, вокруг которого и располагались дома мусульман. Во время войны в Югославии в 1990-е годы Сараево был почти полностью разрушен, и теперь на его месте отстроен новый европейский город. В Сараеве мы общались не только с сербскими учеными, но и с учеными-мусульманами. Последние показали нам музей, в котором сохранились средневековые документы на сербском языке, но написанные турецким алфавитом.

В отличие от Белграда и Сараева Загреб походил на города Средней Европы. До 1980-х годов я не раз посещала Югославию, когда присутствовала на различных конференциях и симпозиумах. Нас встречали и опекали югославские коллеги. На заседаниях и экскурсиях преобладал русский язык. На этот же раз мы были предоставлены самим себе, сами общались с местными жителями, с сотрудниками архивов и научных учреждений. Нас выручало знание Светланой Ивановной разговорного сербского языка — до поступления в Институт славяноведения она некоторое время проводила экскурсии по Москве для югославских туристов. А у меня было такое смешение сербских и словенских слов, когда я говорила! Зато

вычайный и полномочный посол Республики Сербия в Российской Федерации и Туркменистане (2012–2019 гг.).

в Хорватии мне было проще... Хорваты, когда я начинала говорить на своем «югославянском» языке — смеси сербского и словенского, восклицали: «Как вы хорошо знаете хорватский язык!» — а в магазинах и на рынках продавцы иногда уменьшали цену. В Загребе нас со Светланой Ивановной встречали и опекали Н. Станчич и его ученица Здравка Злодич, симпатичная девушка, влюбленная в русскую литературу.

— *Были ли в институте свои традиции? Как справляли праздники?*

Капустник в институте.
В центре директор Иван Александрович Хренов.
1960-е гг.

— Хорошей традицией института были капустники, новогодние вечера. В основном сценарии и песни сочиняли филологи. Представления были костюмированные, обязательно кто-то играл Снегурочку и Деда Мороза.

На майской демонстрации.

Борис Федорович Стахеев, Анна Петровна Соловьева,
Инесса Евгеньевна Можаяева, Ольга Павловна Морозова,
Лев Никандрович Смирнов, Галина Парфеньевна Нешиченко,
Евгений Павлович Наумов, Искра Васильевна Чуркина.
Конец 1950-х гг.

От историков чаще всего участвовали Миша Кузьмин, полонистка Светлана Михайловна Фалькович⁵¹, остроумная и иногда язвительная, и я. Я больше играла на сцене, чем писала тексты. Активными авторами текстов и артистами были Юрий Васильевич Богданов⁵², занимавшийся словацкой литературой, и Борис Федорович Стахеев⁵³, участник войны, писавший

⁵¹ Светлана Михайловна Фалькович (1932–2018) — историк-полонист широкого профиля, специалист по истории польского национального движения, русско-польских отношений, связей русской и польской культуры, доктор исторических наук. В 1962–2018 гг. работала в ИСЛ.

⁵² Юрий Васильевич Богданов (1932–2010) — литературовед, исследователь словацкой литературы XX в. и популяризатор ее в России, кандидат филологических наук. В 1958–2010 гг. работал в ИСЛ.

⁵³ Борис Федорович Стахеев (1924–1993) — литературовед, исследователь литературного процесса в Польше периода романтизма, кандидат филологических наук. В 1954–1993 гг. работал в ИСЛ.

остроумные и веселые стихи на институтские темы. Наши авторы составляли даже шаржи на дирекцию. И никто из начальства не обижался. Было очень весело. Если какой-то вечер проходил без упоминаний дирекции, ее члены спрашивали: «А чего это вы нас забыли?»

Помимо наших праздников и капустников в институте практиковались поездки по старинным городам России и Украины. Инициатором их был Александр Иванович Рогов⁵⁴, человек, влюбленный в древнерусскую архитектуру домонгольского периода и прекрасно ее знавший. Вместе с ним мы посетили множество старинных монастырей Подмосковья, Владимир, Псков, Великий Новгород и много других замечательных древних городов. И после того как Александр Иванович перестал проводить экскурсии, профком института продолжал их устраивать через Московское экскурсионное бюро. В эти поездки мы брали с собой своих детей, родственников и приезжавших в наш институт из других городов и стран ученых. Обычно такие экскурсии проходили в мае или октябре.

— *А экскурсионные поездки по другим странам были?*

— Мне запомнилась экскурсия по Югославии для сотрудников нашего института и других югославистов в 1960 году. Тогда в Герцеговине приключилась интересная история. Среди нас были ученики Владимира Ивановича Пичеты⁵⁵ — Санчук⁵⁶ и Королюк⁵⁷. Приехали мы в Мостар, и вдруг Генрих Эдуардович Санчук говорит: «Это же родина Владимира Ивановича Пичеты! Здесь наверняка живут его родственники». Стоим мы около знаменитого моста, и идет какой-то достаточно молодой парень. Санчук подошел к нему и спрашивает на ломаном сербо-русском языке: «Скажите, пожалуйста, а где здесь живут Пичеты?» — «Я Пичета, а что вам надо?» Санчук, конечно, удивился и говорит: «А скажите, пожалуйста, у вас был какой-то предок, который уехал в Россию?» — «Да, мой двоюродный дедушка»⁵⁸.

⁵⁴ Александр Иванович Рогов (1935–1996) — историк, археограф, исследователь славянских культур периода феодализма, межславянских культурных связей в Средние века, истории России, проблем источниковедения, кандидат исторических наук. В 1963–1996 гг. работал в ИСл.

⁵⁵ Владимир Иванович Пичета (1878–1947) — известный советский славист, академик АН СССР, первый ректор Белорусского государственного университета, основатель кафедры истории южных и западных славян исторического факультета в Московском государственном университете, один из основателей Института славяноведения АН СССР.

⁵⁶ Генрих Эдуардович Санчук (1917–1996) — источниковед, исследователь и публикатор средневековых хроник, специалист по истории Чехии, Словакии и полабских славян эпохи раннего Средневековья, доктор исторических наук. В 1947–1986 гг. работал в ИСл.

⁵⁷ Владимир Дорофеевич Королюк (1921–1981) — специалист по средневековой истории славянских народов, историк славистики, исследователь экслибриса, доктор исторических наук. В 1947–1981 гг. работал в ИСл.

⁵⁸ В 1858 г. уроженец Мостара Йован (Иван) Христофорович Пичета (1844–1920), отец В.И. Пичеты, прибыл в Россию для получения образования. См.: *Пичета И. Факты и воспоминания из жизни герцеговинца // Вера и разум. 1911. Т. 1–4.*

Потом Санчук поддерживал с родственниками В.И. Пичеты связь, они даже приезжали в СССР. Это было совершенно потрясающе! Мостар, конечно, не Москва, это маленький городок, но чтобы вот так подойти к первому встречному и сразу попасть на нужного человека!

— *Как вы впервые попали в Словению?*

— В первый раз я поехала в Словению, в Люблян, на семинар словенского языка и литературы, куда приглашали всех, кто занимался словенцами, кто хотел изучать словенский язык. И поехала я не одна, а с Володей Дыбо⁵⁹. Это было очень трудно, потому что мы несколько дней ехали на поезде, пересекая много границ. На каждой из них мы стояли по несколько часов, наш вагон отцепляли, прицепляли и т.д. Встречали нас в Словении два словенских ученых. Одним из них был Ф. Якопин⁶⁰. Он у словенцев считался специалистом по русскому языку. Очень интересный был человек. У него вышел ряд статей, посвященных влиянию русского языка на формирование литературного словенского языка.

На семинар приезжали исследователи не только из России, но и из Польши, из Америки, из Швеции... Программа была такой: сначала мы слушали лекции, потом занимались словенским языком, а в субботу и воскресенье нас возили на экскурсии. Это было очень здорово, мы познакомились с коллегами из разных стран. Все они были славистами, в основном занимались русским языком и в Словению ехали для расширения своего кругозора. Тех, которые занимались специально словенцами, было немного. Словенский язык я еще не очень хорошо знала. Могла разговаривать только на базаре или что-то спрашивать на улице. Меня прекрасно понимали, но с профессурой я просто боялась говорить по-словенски (еще ляпнешь что-нибудь)... Но почти все словенские ученые, общавшиеся с нами, знали русский язык. Впечатление от первой поездки за рубеж было самое приятное, потому что со мной общались те люди, которые хорошо относились к России, к русскому языку. Они всегда радушно принимали нас, показывали свою страну.

— *В каких библиотеках вы любите работать?*

— Историчку я обожала совершенно⁶¹. Первый раз я пошла туда в 1946 г., представляете? Мне очень там нравилось, потому что можно было прийти

⁵⁹ Владимир Антонович Дыбо (р. 1931) — лингвист, специалист в области славянской и балтославянской сравнительно-исторической акцентологии, доктор филологических наук, академик РАН. С 1958 г. работает в ИСл, главный научный сотрудник Отдела славянского языкознания.

⁶⁰ См.: Дерганц А., Чуркина И.В., Чепелевская Т.И., Кирилина Л.А., Созина Ю.А. Памяти Ф. Якопина (1921–2002) // Славяноведение. 2003. № 2. С. 121.

⁶¹ Искра Васильевна Чуркина является почетным дарителем ГПИБ. См.: URL: https://www.shpl.ru/about_library/structure_library/hall_world_history5/pozhertvovaniya/dariteli/churkina/ (дата обращения: 30.04.2020).

и сразу же получить книги. Не знаю, как сейчас, но раньше совершенно спокойно давали в тот же день, в тот же час. Не то что в Ленинке. Там надо было сделать всё заранее — сначала прийти выписать, потом скажут, что это будет через три или четыре дня. А мне, как правило, нужны были издания XIX века, так что в Ленинке всегда приходилось заказывать и долго ждать... В Историчке всё было проще.

В Ленинку раньше было очень трудно попасть, надо было ехать с самого утра, часов в 9, тогда ты сможешь найти себе место, а иначе — всё, стоишь и ждешь в очереди, пока кто-нибудь выйдет. Там мы познакомились с моим будущим мужем, сначала у каталога перекинулись парой слов, а потом он стал занимать мне место, поскольку приходил обычно раньше меня.

— Когда впервые вы пошли в архив? Какие архивы чаще всего посещали и как там была устроена работа?

— Работать в архивах я стала значительно позже. Я ведь сначала занималась Средними веками. А что у нас есть по Средним векам в Словении? Ничего нет. В институте мы трудились над изданием архивных материалов по истории русско-турецкой войны⁶², и я сообразила, что ведь можно заниматься и другим, и стала смотреть сербские, хорватские и болгарские документы XIX века. Тогда было невероятно сложно работать в архивах — отсутствовали описи, надо было брать папку с документами «вслепую» и просто смотреть, что там есть. Могло быть и название совершенно другое на папке, а еще нам архивисты могли сказать: «А вот там у нас еще папка не разобрана, посмотрите, что там вообще есть». Особенно много я работала в Отделе письменных источников Исторического музея на Красной площади, там я вообще дневала и ночевала.

Обычно нужные материалы я переписывала в тетрадку, у меня столько этих тетрадок! С работой в архивах возникали свои сложности, особенно в Архиве внешней политики России (АВПР). Прежде чем выдать допуск, проверяли, что я не враг народа и не являюсь дочерью врага народа. Но у меня довольно спокойно всё это проходило, потому что отец был участником Отечественной войны, а мама преподавала в Бауманском училище основы марксизма-ленинизма. А вот если кто-то был просто инженер или кто-то еще, то начинали уже серьезно проверять.

Тогда в АВПР просматривали конспекты читателей, что-то вырезали. И такие глупости вырезали, смешно даже! Когда были плохие отношения с Югославией, сотрудники архива как увидят что-то связанное с ней: «Ой, это нельзя, нельзя!» — и вырезали, не объясняя причин. Какие могут быть тайны XIX века? Какие там секреты могут быть? Но приходилось подчиняться, что же делать.

⁶² Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы: В 3 т.

— *Как вы пришли к изучению славянофилов? Чем вас привлекла эта тема?*

— Я занималась славянами, русско-славянскими, русско-словенскими, русско-чешскими связями, и волей-неволей мне попадались славянофилы, поскольку они были активными деятелями в этом отношении. И вот я постепенно начала узнавать, что они из себя представляли, и поняла, что это очень знатные, богатые люди, им ничего не надо было, они шли на всё ради идеи. Так, случайно, я начала заниматься славянофилами.

Все мои герои из XIX века были тесно связаны с Михаилом Федоровичем Раевским. Это, как говорится, моя любовь. Все русско-славянские связи второй половины XIX века шли через него. Он состоял в переписке со всеми, начиная с царственных особ и кончая нищими учениками.

Главной целью славянофилов было не достижение каких-то благ. Им ничего не надо было — ни высоких должностей, они и так их имели, ни богатства, они все были очень состоятельные люди. Например, Самарин или Хомяков, Чижев, Кошелев и прочие. Они боролись за освобождение крестьян от крепостной зависимости, за создание условий для их безбедного существования, за свободу печати, за освобождение славян от иноземного ига.

— *Что вы хотели бы пожелать коллегам — сотрудникам института? Чего вы ждете от них?*

— Я считаю, что обязательно нужно написать историю института, пока есть еще люди старшего поколения, которые работали там почти с самого начала его существования. Они могут многое рассказать. История Института славяноведения интересна не только как часть всемирной истории науки, но и как история русской дипломатии, история взаимоотношений между народами.

Литература

Данченко С.И., Чуркина И.В. С.А. Никитин и его научная школа историков-славистов // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина: сборник статей / отв. ред. И.В. Чуркина. М.: Тезаурус, 2013. С. 8–34.

Дерганц А., Чуркина И.В., Чепелевская Т.И., Кирилина Л.А., Созина Ю.А. Памяти Ф. Якопина (1921–2002) // Славяноведение. 2003. № 2. С. 121.

Историки-слависты МГУ. Кн. 13: Славянских древностей обитель. Кафедре истории южных и западных славян — 80 лет. Научный сборник / отв. ред.: Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева, Ю.А. Борисёнок. М.: Издатель Степаненко, 2020.

Матула В., Чуркина И.В. Архив М.Ф. Раевского как источник по истории связей между славистами России и Австрии (40–70-е гг. XIX в.) // Культура и общество в эпоху становления наций / ред. И.А. Богданова, В.И. Злыднев, Ю.И. Ритчик. М.: Наука, 1974. С. 166–178.

Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улунына: сб. статей / отв. ред. С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2014.

Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук / отв. ред. М.А. Робинсон, А.Н. Горяинов. М.: Индрик, 2012.

Чуркина И.В. Памяти Елены Михайловны Рудловчак (1919–2007) // Славянский альманах 2007. М.: Индрик, 2008. С. 532–539.

Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М.: Институт славяноведения РАН, 2011.

References

Churkina, I.V., 2008. Pamiati Eleny Mikhailovny Rudlovchak (1919–2007). *Slavian-skii al'manakh 2007*, pp. 532–539.

Churkina, I.V., 2011. *Protoierei Mikhail Fedorovich Raevskii i iugoslaviane* [Archpriest Mikhail Fedorovich Raevsky and the Yugoslavs]. Moscow: Institut slaviano-vedeniia RAN.

Churkina, I.V., Nenasheva, Z.S., 2015. K istorii publikatsii nasledii M.F. Raevskogo. *Slavianovedenie*, 5, pp. 75–86.

Danchenko, S.I., Churkina, I.V., 2013. S.A. Nikitin i ego nauchnaia shkola istorikov-slavistov. In: Churkina, I.V., ed., 2013. *Slaviane i Rossiia. K 110-letiiu so dnia rozhdeniia S.A. Nikitina: Sbornik statei* [Slavs and Russia. To the 110th anniversary of the birth of S.A. Nikitin: Collection of articles]. Moscow: Tezaurus, pp. 8–34.

Danchenko, S.I., ed., 2014. *Slaviane i Rossiia: slavianskie i balkanskie narody v periodicheskoi pechati. K 90-letiiu so dnia rozhdeniia A.A. Uluniana: Sb. statei* [Slavs and Russia: Slavic and Balkan peoples in periodicals. On the 90th anniversary of the birth of A.A. Ulunyan: Collection of articles]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

Dergants, A., Churkina, I.V., Chepelevskaia, T.I., Kirilina, L.A., Sozina, Iu.A., 2003. Pamiati F. Iakopina (1921–2002). *Slavianovedenie*, 2, pp. 121.

Matula, V., Churkina, I.V., 1974. Arkhiv M.F. Raevskogo kak istochnik po istorii sviazei mezhdru slavistami Rossii i Avstrii (40–70-e gg. XIX v.). In: Bogdanova, I.A., Zlydnev, V.I., Ritchik, Iu.I., eds, 1974. *Kul'tura i obshchestvo v epokhu stanovleniia natsii* [Culture and society in the era of the formation of nations]. Moscow: Nauka, pp. 166–178.

Matveev, G.F., Nenasheva, Z.S., Borisenok, Iu.A., eds, 2020. *Istoriki-slavisty MGU: Kn. 13. Slavianskikh drevnosteu obitel'. Kafedre istorii iuzhnykh i zapadnykh slavian — 80 let. Nauchnyi sbornik* [Historians-Slavists of Moscow State University: Book 13. Slavic antiquities abode. The Department of the History of Southern and Western Slavs is 80 years old. Scientific collection]. Moscow: Izdatel' Stepanenko.

Robinson, M.A., Goriainov, A.N., eds, 2012. *Sotrudniki Instituta slavianovedeniia Rossiiskoi akademii nauk* [Employees of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Indrik.

DOI: 10.31168/2412-6446.2020.15.1-2.11

«СЛОВАРЬ МАКЕДОНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ» Л. МАКАРИЙОСКОЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СЛАВЯНСКОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Ирина Александровна Седакова —

доктор филологических наук,
заведующая отделом типологии
и сравнительного языкознания,
руководитель Центра
лингвокультурных исследований BALCANICA,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: irina.a.sedakova@gmail.com

Аннотация

В рецензии подробно анализируется словарь Л. Макарийоской «Речник на македонската традиционална култура» (Скопје, 2016; 564 с.) с точки зрения состава словника и организации словарной статьи (толкование, примеры, перекрестные ссылки). Данный словарь сопоставляется с другими славянскими лексикографическими трудами сходного типа, основанными на болгарской и общеславянской традициях. Автор опирается на диалектную лексику из области духовной и материальной культуры Македонии, уделяя внимание не только отдельным терминам, но и кратким словесным формулам (проклятиям, благопожеланиям), которые выделены в отдельные словарные статьи. К термину дается толкование с учетом места соответствующего понятия в народной традиции Македонии. Таким образом, словарь занимает по своему типу промежуточное положение между диалектным и энциклопедическим.

Ключевые слова

Этнолингвистика, лексикография, македонистика, традиционная культура

Статья поступила в редакцию 29 сентября 2019 г.

Цитирование: *Седакова И.А.* «Словарь македонской традиционной культуры» Л. Макарийоской в контексте современной славянской этнолингвистической лексикографии // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 179–186.

DICTIONARY OF MACEDONIAN TRADITIONAL CULTURE BY LJILJANA MAKARIJOSKA IN THE CONTEXT OF CURRENT SLAVIC ETHNOLINGUISTIC LEXICOGRAPHY

Irina A. Sedakova,

D.Sc., Head of the Department
of Typology and Comparative Linguistics,
Head of the Center
of Linguocultural Studies BALCANICA,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: irina.a.sedakova@gmail.com

Abstract

This review sheds light on the glossary and structure of the vocabulary entry (the definition of the headword, examples, cross references) in the “Dictionary of Macedonian Traditional Culture” (Skopje, 2016; 564 p.) by Liljana Makarijoska. The dictionary is compared with other Slavic lexicographic publications of similar type, based on Bulgarian and all-Slavic folk traditions. The author chooses dialectal words from the vocabulary of material and spiritual Macedonian culture as headwords, paying attention not only to single words, but to verbal formulae as well (curses, good wishes), presenting them as special entries. Each entry contains interpretation of the corresponding notion in the folk tradition of Macedonia. Thus, the dictionary occupies the middle-ground between dialectal and encyclopaedic.

Keywords

Ethnolinguistics, lexicography, Macedonian studies, traditional culture

Received 29 September 2019.

How to cite: Sedakova, I.A., 2020. “Slovar’ makedonskoi traditsionnoi kul’tury” L. Makarijoskoi v kontekste sovremennoi islavianskoi etnolingvističeskoj leksikografii [*Dictionary of Macedonian Traditional Culture by Liljana Makarijoska in the Context of Current Slavic Ethnolinguistic Lexicography*]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 179–186.

В последние десятилетия в славянских странах этнолингвистическая лексикография стала отдельным и весьма продуктивным направлением. Для последователей Московской этнолингвистической школы, созданной Никитой Ильичом Толстым и развитой Светланой Михайловной Толстой, характерно особое внимание к лексике традиционной культуры и ее систематизации в виде индексов, тематических словников и словарей. Многие диссертации и монографии, написанные в русле этнолингвистики, включают тематические словари; ряд подобных изданий выполнен целиком или отчасти в жанре лексикографических трудов¹. Завершением многолет-

¹ Толстая С.М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005; Славянская мифология. Энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Толстая. Изд. 3-е, исправленное

него первого в своем роде проекта стало пятитомное издание «Славянские древности. Этнолингвистический словарь», охватывающее все славянские народные традиции².

В Болгарии выходили тематические этнолингвистические словари³, а в 2018 г. коллектив авторов опубликовал словарь народной духовной культуры болгар⁴, сходный по методике с лексикографическими трудами, выходящими в России. Славистам хорошо известен издаваемый в рамках Люблинской этнолингвистической школы «Словарь стереотипов и народных символов»⁵, во многом близкий работам Московской этнолингвистической школы. Незамеченным в России остался важный труд Л. Макарийоской «Словарь македонской традиционной культуры»⁶ (далее «Словарь»)⁷. Между тем это издание уникально в своей области даже с учетом современных лексикографических трудов, опубликованных вне Македонии. «Словарь» содержит свыше 16 500 слов и по своему типу является комбинированным, сочетающим принципы диалектного и этнолингвистического (энциклопедического) словаря.

Автор «Словаря» Л. Макарийоска специализируется в области исторической лексикологии македонского языка; она — автор или соавтор нескольких фундаментальных тематических словарей по палеославистике и церковнославянскому языку македонского извода⁸. Рецензируемое из-

и дополненное. М.: Международные отношения, 2011; *Атросенко О.В., Кривошапова Ю.А., Осипова К.В.* Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. М.: АСТ-Пресс, 2015.

² Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. В 5 т. М.: Международные отношения, 1995–2012. Рецензии см. в издании: Славянская этнолингвистика. Библиография. М.: Институт славяноведения, 2020.

³ Българска народна медицина. Енциклопедия / ред. М. Георгиев. София: Петър Берон, 1999; *Легурска П., Китанова М.* Тематичен речник на термините на народния календар. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2008; *Легурска П., Павлова Н., Китанова М.* Човешкият живот — раждане, сватба, погребение. Тематичен речник на семейната обредност. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2012.

⁴ *Барболова З., Симеонова М., Китанова М., Мутафчиева Н., Легурска П.* Речник на народната духовна култура на българите. София: Наука и изкуство, 2018. Рецензию на этот словарь см.: *Седякова И.А.* З. Барболова, М. Симеонова, М. Китанова, Н. Мутафчиева, П. Легурска. Речник на народната духовна култура на българите // Славяноведение. 2019. № 6. С. 136–138.

⁵ Słownik stereotypów i symboli ludowych (SSSL). T. I–II / Niebrzegowska S. et al. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1996–2017.

⁶ Мне известна только рецензия, опубликованная в Македонии: *Ѓорѓиоска Ж.* Речник на македонската традиционална култура // Македонски јазик. LXVIII. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2017. С. 251–256.

⁷ Этнолингвистам хорошо известен лексикографический труд «Речник на македонската народна поезија» (ред. Т. Димитровски, I–III. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 1983–1993), в котором структурированы не только фольклорные, но также этнографические и языковые сведения.

⁸ Из наиболее близких к рецензируемому труду укажу: *Макаријоска Л.* Лексиката на материјалната култура во македонските црковнославянски ракописи. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2003.

дание — ее первый опыт в области составления словаря традиционной культуры не по рукописям, а по источникам иного плана — этнографическим описаниям, фольклорным произведениям, диалектным словарям и архивным материалам. Этот труд, безусловно, титанический — осилить в одиночку такую большую тему с привлечением богатых материалов по плечу далеко не каждому. В обширной статье, предваряющей собственно словарь, автор подробно описывает принципы его составления, тематические группы, источники и географию охвата терминов. Словник преимущественно включает *лексику* материальной и духовной культуры; основные сферы, представленные в словнике, подробно описаны в предисловии. Если для «Славянских древностей» лексика — это лишь один из кодов, наряду с предметным, акциональным и др., то для македонского «Словаря» отправной точной является именно *слово, термин*. Периодически Л. Макарийска отходит от обозначенных принципов составления словника и включает в него в качестве заглавных лексемы, обозначающие родовые понятия: например, *дрво* «дерево». При этом в словарной статье нет научного описания дерева, а представлен лишь ритуал рубки дерева с последующим возложением камня на пень, чтобы на дровосека не пало проклятие. Есть в «Словаре» и более общие концепты: например, *време* дается в значении «время» и «погода», без этнолингвистических комментариев. Затем отдельными статьями следуют видовые сложные термины: *време за голем обед*; *време за дива ужина* как народное обозначение определенного времени суток и др. К ним добавляется информация этнокультурного характера: так, в статье *време на пости* время воздержания (здесь подробно перечисляются календарные посты) увязывается с запретом на венчание. Наоборот, понятие «защита» не приводится в словнике отдельно, зато шесть отдельных статей (*заштита од болвите*, *заштита од градоносни облаци*, *заштита од змии*, *заштита од молци*, *заштита од нави*, *заштита од уроци*) содержат описания ритуалов, призванных уберечь соответственно от блох, града, змей, моли, демонов и сглаза. Статья «Сол» дается отдельно без научного описания, но с рядом поверий о соли. В «Словаре» показываются многозначность и многофункциональность лексем в народной речи. Так, *душа*¹ — это «совокупность чувств и характеристик человека», *душа*² — человек, *душа*³ — внутренности человека (в таком значении слово используется при описании болезненного состояния). Три статьи о «душе» различаются по составу: в первой подробно говорится о душе покойника, вторая содержит только дефиницию, третья же приводит примеры из фразеологии.

Здесь я остановлюсь на этом аспекте лексикографической работы подробнее⁹. В структуре словарных статей наблюдается некоторый разноречив,

⁹ О специфике этнолингвистической лексикографии см.: Толстая С.М. Дефиниция в этнолингвистическом словаре // Словарь и культура. К столетию с начала публикации «Словаря болгарского языка» Н. Герова. Материалы международной научной конференции (Москва, ноябрь 1995 г.). М.: Институт славяноведения и балканистики, 1995.

что вполне объяснимо. Из этнолингвистических исследований известно, что некоторые термины входят исключительно в обрядовый словарь, — то есть, скажем, предметы имеют самостоятельное ритуальное применение и вне обряда не функционируют, причем такой лексики в «Словаре» немало: *кукулник* «пасхальный кулич» (и многие другие обрядовые хлеба); *сокај* «часть костюма невесты» и др. Часть предметов имеет и утилитарные, и — при определенных условиях — ритуальные, сакральные свойства: в статье *котел*, кроме этнографического описания — «огромный бак для готовки или подогрева воды», приводится ритуал переворачивания этого бака в случае града для предотвращения вредоносного воздействия стихии. И, наконец, немало предметов, которые не получают в народной культуре никакого символического осмысления: *крупник* «вид пшеницы», *мусандра* «полка», «сундук». То же самое можно сказать и о субъектах, действиях, хронологических и локальных параметрах и пр., которые или полностью описываются обычным энциклопедическим объяснением, или могут применяться также в составе обряда, или же имеют исключительно символические, ритуальные функции. Поскольку слова включаются в «Словарь» независимо от присутствия / отсутствия символических коннотаций, различий в их толковании и в иллюстративных примерах не избежать.

В «Словаре» подробно представлена лексика всех тематических областей традиционной культуры. Это прежде всего собственно материальная культура: дом, хозяйство, земледелие и животноводство, профессии и пр. Словник содержит значительное количество терминологической лексики из области духовной культуры: обрядовые календарные и семейные комплексы, календарные праздники с их народными хрононимами, ритуальные действия, имена демонов и названия болезней, фрагменты народной медицины. Хорошо представлены термины обрядовых актов родинной и около-родинной обрядности, приводится немало обозначений некрещеных младенцев, демонов, болезней, магических актов, народных «специалистов» и обрядовых лиц и др.

Помимо терминов и лексем, обозначающих конкретные явления народной культуры, в «Словаре» в алфавитном порядке включены клишированные выражения и этикетные фразы, краткие фольклорные жанры (благопожелания, проклятия, ритуальные приговоры и пр.). Так, дается 18 конструкций клятв с зачином *Жими* (*Жимимајка* «Клянусь матерью» и др.); десятки благопожеланий и других клише с упоминанием Бога, проклятий с названиями болезней и метафорическими обозначениями смерти. Македонская традиция изобилует подобными выражениями, и очевидно, что немалая часть осталась за пределами издания. В словаре «Славянские древности» такие формулы представлены обобщающими словарными статьями «Благопожелания», «Приветствия», «Приговоры», «Проклятия» и др. Словник труда Л. Макарийоской, как упоминалось выше, содержит много видовых сложных терминов с прилагательным или порядковым числитель-

ным, которые увязываются с конкретным обрядовым предметом, ритуалом, запретом или рекомендацией. На вопрос, нужно ли следовать принципу введения их в «Словарь» отдельно или всё же их можно было бы объединить под одним обобщающим словом (например, *прв* «первый», *женски* «женский», *машки* «мужской»), я отвечаю в пользу первой альтернативы. Для данного «Словаря», как мне кажется, важна наглядность, представленность именно лексики или словосочетания. Большее структурирование собственно народной культуры – это следующая задача исследователей.

Такой объемный труд не может не ставить вопросов и не порождать возражений. В данном случае замечания носят незначительный характер и легко могут быть устранены в следующем издании. Из серьезных упущений отмечу отсутствие во многих случаях географических помет. «Словарь македонской традиционной культуры» Л. Макарийской включает и сведения из юго-западных регионов Болгарии, а также частично Греции и Албании, и это чаще всего указывается в соответствующей статье. Однако сведения по собственно македонской лексике и обрядности в «Словаре» не всегда привязаны к региону, хотя нередко носят узколокальный характер.

В целом «Словарь македонской традиционной культуры» Л. Макарийской, как и задумывалось автором, документирует (и, таким образом, сохраняет для последующих поколений) македонское культурное наследие через его лексический состав, часть которого носит диалектный или архаический характер. «Словарь» вобрал в себя важнейшую диалектную лексику, а именно она и является основной для этнолингвистических семантических исследований. Его материалы позволяют проводить исследования как одной (македонской) традиции, так и нескольких (южнославянской, балканославянской и балканской) — и сопоставлять их в общеславянском и европейском контексте. «Словарь» послужит ценным источником для специалистов разного профиля: лингвистов всех специальностей (особенно диалектологов и этнолингвистов), фольклористов, этнологов и всех, кто интересуется славистикой.

Литература

- Атрощенко О.В., Кривошапова Ю.А., Осипова К.В.* Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. М.: АСТ-Пресс, 2015.
- Барболова З., Симеонова М., Китанова М., Мутафчиева Н., Легурска П.* Речник на народната духовна култура на българите. София: Наука и изкуство, 2018.
- Българска народна медицина. Енциклопедия / ред. М. Георгиев. София: Петър Берон, 1999.
- Ѓорѓиоска Ж.* Речник на македонската традиционална култура // Македонски јазик. LXVIII. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2017. С. 251–256.
- Легурска П., Китанова М.* Тематичен речник на термините на народния календар. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2008.

- Легурска П., Павлова Н., Китанова М. Човешкият живот — раждане, сватба, погребение. Тематичен речник на семейната обредност. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2012.
- Макаријоска Л. Лексиката на материјалната култура во македонските црковно-славенски ракописи. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2003.
- Макаријоска Л. Речник на македонската традиционална култура. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2016.
- Речник на македонската народна поезија. I–III / ред. Т. Димитроски. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 1983–1993.
- Седакова И.А. З. Барболова, М. Симеонова, М. Китанова, Н. Мутафчиева, П. Легурска. Речник на народната духовна култура на българите // Славяноведение. 2019. № 6. С. 136–138.
- Славянская мифология. Энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Толстая. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М.: Международные отношения, 2011.
- Славянская этнолингвистика. Библиография. М.: Институт славяноведения РАН, 2020.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь в пяти томах / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012.
- Толстая С.М. Дефиниция в этнолингвистическом словаре // Словарь и культура. К столетию с начала публикации «Словаря болгарского языка» Н. Герова. Материалы международной научной конференции (Москва, ноябрь 1995 г.). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 84–86.
- Толстая С.М. Полесский народный календарь. М.: Индик, 2005.
- Słownik stereotypów i symboli ludowych (SSSL). T. I–II / Niebrzegowska S. et al. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1996–2017.

References

2020. *Slavianskaia etnolingvistika. Bibliografiia* [Slavic Ethnolinguistics. Bibliography]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Atroshchenko, O.V, Krivoshchapova, Iu.A., Osipova, K.V., 2015. *Russkii narodnyi kalendar'*. *Etnolingvisticheski slovar'* [Russian Folk Calendar. Ethnolinguistic Calendar]. Moscow: AST-Press.
- Barbolova, Z., Simeonova, M., Kitanova, M., Mutaftchieva, N., Legurska, P., 2018. *Rechnik na narodnata dukhovna kultura na bulgarite* [Dictionary of Bulgarian Folk Spiritual Culture]. Sofia: Nauka i izkustvo.
- Dimitroski, T., ed., 1983–1993. *Rechnik na makedonskata narodna poezija. I–III* [Dictionary of Macedonian folk poetry. Vol. I–III]. Skopje: Institut za makedonski jazik “Krstе Misirkov”.
- Georgiev, M., ed., 1999. *Bulgarska narodna meditsina. Entsiklopediia* [Bulgarian folk medicine. Encyclopedia]. Sofia: Petur Beron.
- Gorgioska, Zh., 2017. *Rechnik na makedonskata traditsionalna kultura* [Dictionary of Macedonian traditional culture]. *Makedonski jazik*, Institut za makedonski jazik “Krstе Misirkov”, 2017, LHVIII, pp. 251–256.

- Legurska, P., Pavlova, N., Kitanova, M., 2012. *Choveshkiiat zhivot — razhdane, svatba, pogrebenie. Tematichen rechnik na semeinata obrednost* [Human's life — childbirth, wedding, funeral. Thematic dictionary of family rituals]. Sofia: Akademichno izdatelstvo "Prof. Marin Drinov".
- Legurska, P., Kitanova, M., 2008. *Tematichen rechnik na terminite na narodniiia kalendar* [Thematic Dictionary of the Folk Calendric terminology]. Sofia: Akademichno izdatelstvo "Prof. Marin Drinov".
- Makarijoska, L., 2003. *Leksikata na materijalnata kultura vo makedonskite tsrkovno-slavenski rakopisi* [Lexicon of the material culture in the Macedonian Church-Slavonic manuscripts]. Skopje: Institut za makedonski jazik "Krstе Misirkov".
- Makarijoska, L., 2016. *Rechnik na makedonskata traditsionalna kultura* [Dictionary of Macedonian Traditional Culture]. Skopje: Institut za makedonski jazik "Krstе Misirkov".
- Niebrzegowska, S., et al., eds, 1996–2017. *Słownik stereotypów i symboli ludowych (SSSL). T. I–II* [Dictionary of stereotypes and folk symbols. Vol. I–II]. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Sedakova, I.A., 2019. Z. Barbolova, M. Simeonova, M. Kitanova, N. Mutafchieva, P. Legurska. *Rechnik na narodnata dukhovna kultura na bulgarite* [Dictionary of Folk Spiritual Bulgarian Culture]. *Slavianovedenie*, 2019, 6, pp. 136–138.
- Tolstaia, S.M., ed, 2011. *Slavianskaia mifologiia. Entsiklopedicheskii slovar' Izd. 3-e, ispravlennoe i dopolnennoe* [Slavic Mythology. Encyclopedic Dictionary. 3rd edition]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Tolstaia, S.M., 1995. *Definitsiia v etnolingvisticheskom slovare* [Definition in an ethnolinguistic dictionary]. In: *Slovar' i kul'tura. K stoletiiu s nachala publikatsii "Slovaria bolgarskogo iazyka" N. Gerova. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, noiabr' 1995 g.)* [Towards 100 years jubilee of the publication of the "Dictionary of Bulgarian language" by N. Gerov. Proceedings of the international scholarly conference (Moscow, November 1995)]. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, pp. 84–86.
- Tolstaia, S.M., 2005. *Polesskii narodnyi kalendar'* [Polessian folk calendar]. Moscow: Indrik.
- Tolstoi, N.I., ed., 1995–2012. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' v piati tomakh* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary. Vol. 1–5] Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.

**ŠVORC P. OD PLUHU DO SENÁTORSKÉHO KRESLA.
JURKO LAŽO A JEHO DOBA (1867–1929).
PREŠOV: UNIVERSUM, 2018. 271 S.**

**[ШВОРЦ П. ОТ СОХИ ДО СЕНАТОРСКОГО КРЕСЛА.
ЮРКО ЛАЖО И ЕГО ЭПОХА (1867–1929).
ПРЕШОВ: UNIVERSUM, 2018. 271 С.]**

Михаил Юрьевич Дронов —

кандидат исторических наук,
научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: mikhaildrnov@rambler.ru

Аннотация

Рецензия посвящена новой монографии словацкого историка Петера Шворца о Юрии Лажо (1867–1929). Представляемая книга является скрупулезным исследованием биографии русинского национально-политического активиста на фоне истории карпатских русинов, Австро-Венгрии и Чехословакии. Особое внимание автор уделяет вопросам национальной и конфессиональной идентичности русинского населения Пряшевщины и Подкарпатской Руси. Ю. Лажо вошел в историю в первую очередь как сенатор, представлявший в чехословацком парламенте интересы русинских селян, и борец за переход грекокатоликов в лоно православной церкви. Лажо действовал как последовательный сторонник «общерусского» (общевосточнославянского) национально-языкового направления и критик мадьяризации, а затем словакизации русинов. Монография П. Шворца отличается оригинальностью, автор опирался на документы из различных архивов Словакии, Чехии и Австрии. Несмотря на остающиеся пробелы в биографии Юрия Лажо, книга Петера Шворца является ценным вкладом в историографию темы.

Ключевые слова

Петер Шворц, православное движение, русины, Чехословакия, Юрий Лажо

Статья поступила в редакцию 15 апреля 2020 г.

Цитирование: Дронов А.М. Švorc P. Od pluhu do senátorského kresla. Jurko Lažo a jeho doba (1867–1929). Prešov: Universum, 2018. 271 s. [Шворц П. От сохи до сенаторского кресла. Юрко Лажо и его эпоха (1867–1929). Прешов: Universum, 2018. 271 с.] // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 187–192.

**ŠVORC P. OD PLUHU DO SENÁTORSKÉHO KRESLA.
JURKO LAŽO A JEHO DOBA (1867–1929).
PREŠOV: UNIVERSUM, 2018. 271 S.**

Mikhail Yu. Dronov,

Ph.D., Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

Abstract

The review is dedicated to the recent monograph by the Slovak historian Peter Švorc on Jurij Lažo (1867–1929). The book is a meticulously researched biography of the Rusyn national political activist set against the background of the history of the Carpathian Rusyns, Austria-Hungary, and Czechoslovakia. The author pays increased attention to the issues of national and confessional identity of the Rusyn population of the Prešov region and Subcarpathian Rus'. J. Lažo went down in history primarily as a Senator who represented the interests of Rusyn villagers in the Czechoslovak Parliament, and as a fighter for the conversion of Greek Catholics to the Orthodox Church. Leger acted as a consistent proponent of the “all-Russian” (all-Eastern Slavic) national-language trend and a critic of the Magyarization and later Slovakization of the Rusyns. All six chapters of the monograph differ in their originality, and are based on documents from various archives in the Slovak Republic, the Czech Republic, and Austria. Despite the remaining gaps in the biography of Jurij Lažo, Peter Švorc's book is a valuable contribution to the historiography of this topic.

Keywords

Czechoslovakia, Jurij Lažo, Peter Švorc, Orthodox movement, Rusyns

Received 15 April 2020.

How to cite: Dronov, M. Yu., 2020. Švorc P. Od pluhu do senátorského kresla. Jurko Lažo a jeho doba (1867–1929). Prešov: Universum, 2018. 271 s. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 187–192.

Изучение истории русинского нацменьшинства в Словакии (на Пряшевщине) в контексте словацкой историографии принадлежит к числу особенно перспективных и активно развивающихся направлений. Примечательно, что в последние годы русинские сюжеты всё больше привлекают внимание не только исследователей — этнических русинов, но и ученых-историков, не связанных никакими узами ни с русинами, ни с украинцами, ни со словацкими грекокатоликами и православными. Одним из таких авторитетных историков-русинистов является профессор Прешовского университета Петер Шворц (род. 1957). Будучи известным ученым, заместителем председателя Словацкого исторического общества при Словацкой академии наук, по происхождению словаком, а не русином, Шворц вот уже более 20 лет успешно разрабатывает русинские сюжеты. Кроме многочисленных научных статей о русинах в первой половине XX в., его

перу принадлежат две русинистические монографии, получившие заслуженное признание коллег в Словакии и за ее пределами. Первая книга, «Заколдованная земля», посвящена истории Подкарпатской Руси в 1918–1946 гг.¹, вторая работа повествует о становлении словацко-подкарпатской административной границы в 1919–1939 гг.² Поэтому публикация его очередной монографии вызвала особый интерес. Она посвящена более узкому вопросу, а именно судьбе заметного, хотя и отнюдь не самого выдающегося русинского политика Юрия (Георгия, Юрка) Лажо (1867–1929).

Юрий Лажо вошел в историю в первую очередь как сенатор от Социал-демократической партии (1920–1924 гг.), представлявший интересы русинских селян в чехословацком парламенте, и активный борец за переход («возвращение») грекокатоликов в лоно православной церкви. Лажо родился 3 мая 1867 г. в селе Свидник Шаришского комитата Венгерского королевства — вскоре после образования Австро-Венгрии. До Первой мировой войны будущий политик на некоторое время отправился на заработки в США, после чего с успехом применил полученные трудовые навыки, вернувшись на родину и основав собственную строительную фирму. В традиционно остром для русинов вопросе национальной идентичности и литературного языка Лажо проявил себя как сторонник общерусского (общевосточно-славянского) направления и последовательный критик мадяронства (как известно, ориентация на Венгрию, ее язык и культуру, была особенно популярна в среде грекокатолического духовенства). В 1920-е годы он критиковал и процессы словакизации Пряшевщины. До недавнего времени со взглядами Лажо исследователи знакомились в первую очередь благодаря его брошюре «Русскому народу на Словенску» (Вышний Свидник на Словенску: Типография Ю. Лажо, 1925). Причем до самой этой брошюры, являющейся библиографической редкостью, добирались далеко не все. Большинство русинистов, не говоря о широкой общественности, были вполне удовлетворены приведенным набором фактов, который кочевал из публикации в публикацию.

Ситуация кардинально изменилась с выходом монографии проф. Шворца, который, без преувеличения, представил Ю. Лажо в абсолютно новом, во многом неожиданном свете. В шести главах фундаментального биографического исследования словацкий историк заново, предельно внимательно и критически, пересмотрел вехи жизни русинского политика. П. Шворц опирался на богатый источниковый материал, прежде всего на документы различных архивных хранилищ Словакии (Словацкий национальный архив в Братиславе, Государственный архив в Кошице, Государственный архив в Прешове и др.), Чехии (Архив Канцелярии президента республики, Нацио-

¹ Švorc P. Zakliata krajina. Podkarpatská Rus 1918–1946. Prešov: Universum, 1996; *Idem*. Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918–1946. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2007.

² Švorc P. Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou v medzivojnovom období (1919–1939). Prešov: Universum, 2003.

нальный архив Чешской Республики, Военно-исторический архив в Праге и др.) и Австрии (Австрийский государственный архив в Вене).

Свежий взгляд автора на личность русинского политика присутствует во всех шести главах (учитывая их внутреннюю структурированность, можно сказать — разделов) монографии. При этом автор в рамках повествования не забывает сообщить о фактах не только из биографии самого Лажо, но и из региональной и мировой истории. По сути, это фирменный прием П. Шворца — постоянно чередовать параграфы, посвященные главному герою, с параграфами, касающимися макроконтекста. Последние, пожалуй, даже более насыщены информативно, что только способствует лучшему восприятию текста: подобный подход делает чтение монографии, отвечающей всем критериям академичности, более доступным для новичков в русинистике и широкого круга читателей, по-любительски интересующихся историей.

Уже в первой главе «До вступления в большую политику. Юрко Лажо и его родовые корни» (S. 13–74) П. Шворц сообщил неизвестные подробности из жизни родителей Лажо, описал необычные обстоятельства крещения, которое, к слову, совершил сам Александр Павлович (1819–1900) — заметная фигура в пантеоне «карпаторусских будителей». Историк конкретизировал и саму дату рождения будущего политика — 2-е вместо 3-го мая 1867 г., как это обычно приводится в литературе. Здесь же автор привел то немногое, что удалось найти о пребывании Лажо в США и его гражданской позиции в период Первой мировой войны. Известно, что у него, как и у многих его односельчан, был скорее позитивный опыт общения с русскими военными. Это, возможно, и убедило Лажо в национально-языковом единстве «карпатороссов» (сегодня — русинов) и «великороссов» (собственно русских). А как неблагонадежный элемент он некоторое время провел в заключении (конкретное место в рамках Венгерского королевства, к сожалению, пока не удалось установить).

Глава «Юрий Лажо и его вступление в большую политику» (S. 75–138) посвящена первым годам существования Чехословацкой Республики. Большинство русинов, за исключением небольшой прослойки духовенства и учительства, традиционно были заняты в сельском хозяйстве и, как следствие, слабо разбирались в перипетиях политической жизни. Поэтому и первые шаги новоявленных русинских политиков выглядели не всегда умело. Хотя сенаторское кресло, как следует из названия книги, представляется апогеем всей жизненной карьеры Ю. Лажо, показательно, что он удержался в этом самом кресле лишь одну каденцию. Выборы 1925 г. русинский политик из народа проиграл — в том числе, несомненно, из-за мощной конкуренции более образованных и «хищных» коллег. Если в 1920 г. Лажо проходил по избирательному списку социал-демократов, то в 1925 г. он уже был кандидатом от Чехословацкой национально-демократической партии. П. Шворц провел в книге детальный разбор личной политической платформы Лажо и ее восприятия современниками. В частности,

автор доходчиво объяснил, почему одни считали его коммунистом, а другие, особенно при упоминании Лажо уже в годы социализма, относили его к реакционерам. Также любопытны бытовые подробности, например, о поездках Лажо из Свидника на заседания Сената в Прагу.

Глава «Юрий Лажо и административная граница между Словакией и Подкарпатской Русью» (S. 139–166) посвящена проблеме, более всего разделявшей словацких и русинских политиков в межвоенной Чехословакии. Сенатор Лажо отстаивал русинскую точку зрения, добиваясь передачи в состав Подкарпатской Руси Земплинской, Шаришской и Спишской жуп, которые по Сен-Жерменскому мирному договору 1919 г. были включены в словацкую часть нового государства. Инициативы русинов, подробно представленные П. Шворцом, потерпели неудачу.

Глава «Свидницкое “Земледельческое общество” и его основатель» (S. 167–194) повествует о сельскохозяйственной деятельности Ю. Лажо, на которой он сосредоточился после своего провала на выборах. Этот раздел, пожалуй, наиболее насыщен не публиковавшимися ранее архивными источниками. Проф. Шворц детально разобрал историю кооператива, в котором Лажо был сперва почетным, а с 1925 г. действительным председателем. Этот раздел книги будет особенно интересен свидничанам, интересующимся краеведением. Многие из них найдут здесь упоминания состоявших в «Земледельческом обществе» своих предков или предков своих земляков.

Ряд неизвестных подробностей приводится в главе под красноречивым названием «Под микроскопом недоброжелателей» (S. 195–200). Хотя это самая малая по объему глава книги, в ней содержится ценная информация о некоторых судебных разбирательствах, коснувшихся Ю. Лажо.

Принимая во внимание то, что фамилия Лажо у многих ассоциируется прежде всего с процессом перехода русинских униатов в православие, особый интерес вызывает последняя kapitola книги: «Юрий Лажо — грекокатолическая и православная церкви» (S. 201–245). Вероятно, многие удивятся, узнав, что у истоков православных симпатий политика были и совсем прозаические причины, а именно финансовый конфликт с местным грекокатолическим деканом (благочинным), переросший в длительную конфронтацию (именно этот пастырь, придерживавшийся венгерских патриотических взглядов, донес на Лажо в годы войны, вследствие чего последний подвергся репрессиям). По иронии судьбы самого Лажо после его преждевременной кончины от простуды отпевал не православный, а грекокатолический священник. К этой же конфессии семья Лажо принадлежит и сейчас. По мнению П. Шворца, указанное обстоятельство свидетельствует о том, что Ю. Лажо никогда официально не переходил в православие. Однако вклад политика, а также носившей его имя типографии в распространение православной веры на Пряшевщине не поддается сомнению.

Автор книги не скрывает, что далеко не все страницы биографии Ю. Лажо удалось осветить с одинаковой тщательностью. Наверное, иссле-

дование обогатили бы дополнительные источники, например о пребывании героя книги в Северной Америке или о его заключении в годы Первой мировой войны. При этом, несмотря на остающиеся пробелы в жизнеописании Лажо, монография П. Шворца является ценным вкладом в историографию вопроса.

В заключение нельзя не отметить оформление книги. Хотя полиграфия в целом достигла за последние годы заметного прогресса, книга о Лажо представляет собой в этом отношении особый случай. Дело в том, что проф. Шворц, помимо того что занимается исследовательской и преподавательской деятельностью, является директором прешовского издательства «Universum». Поэтому для собственной книги автор не пожалел ни творческих сил, ни средств. Речь идет даже не об обложке, которую украшает фотография внутреннего убранства русинской «хыжы», и не о мелованной бумаге. Практически все главы монографии снабжены уникальными иллюстрациями — документами и фотоматериалами, в том числе из ряда личных архивов.

Неудивительно, что книга П. Шворца была признана «книгой Прешовского самоуправления края 2018 г.» в категории профессиональной литературы.

Рекомендую монографию о Ю. Лажо в качестве обязательного чтения всем, кто серьезно интересуется историей карпатских русинов XIX и XX столетий.

Литература

Švorc P. *Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou v medzivojnovom období (1919–1939)*. Prešov, 2003. 424 s.

Švorc P. *Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918–1946*. Praha, 2007. 318 s.

Švorc P. *Zakliata krajina. Podkarpatská Rus 1918–1946*. Prešov, 1996. 127 s.

References

Švorc, P., 1996. *Zakliata krajina. Podkarpatská Rus 1918–1946*. Prešov: Universum.

Švorc, P., 2003. *Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou v medzivojnovom období (1919–1939)*. Prešov: Universum.

Švorc, P., 2007. *Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918–1946*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny.

DOI: 10.31168/2412-6446.2020.15.1-2.13

КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ». МОСКВА, 10–12 ДЕКАБРЯ 2019 Г.

Сергей Александрович Орешин —

кандидат исторических наук,
научный сотрудник,
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: Oreshin12345@yandex.ru

Аннотация

Читателю представляется обзор прошедшей 10–12 декабря 2019 г. в Москве конференции молодых ученых, организованной Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Участники конференции обсудили широкий спектр вопросов и актуальных проблем современной этнологии и антропологии. Были затронуты такие темы, как развитие бизнес-антропологии в России и в мире; применение методов интернет-исследований в антропологии; антропология исторической памяти и репрезентации социальных и этнических групп; трансформация повседневного быта и традиций горожан в условиях современности; проблема функционирования и взаимодействия различных медицинских систем; детство и подростковый возраст как важный этап и феномен эволюционного развития человеческой личности; исследования проблем гендера, телесности и сексуальности в России и за рубежом; история и практика оккультизма и эзотеризма; этнополитические и миграционные процессы в России и мире.

Ключевые слова

Институт этнологии и антропологии РАН, этнология, антропология, гендерные исследования, религиоведение, этнополитика, бизнес-антропология, традиционная культура

Статья поступила в редакцию 9 января 2019 г.

Цитирование: *Орешин С.А.* Конференция молодых ученых «Актуальные вопросы этнологии и антропологии». Москва, 10–12 декабря 2019 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 193–199.

YOUNG SCHOLARS' CONFERENCE "TOPICAL ISSUES OF ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY", MOSCOW, DECEMBER 10–12, 2019

Sergey A. Oreshin,

Ph.D., Researcher,
Institute of Ethnology and Anthropology
named after N.N. Miklukho-Maclay,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: Oreshin12345@yandex.ru

Abstract

The author presents an overview of the conference of young scientists held on December 10–12, 2019, in Moscow. The Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maclay, Russian Academy of Sciences organized this conference. Young researchers from Russian and foreign universities and research institutes discussed a wide range of issues including the topical problems of modern ethnology and anthropology. The main themes of the conference were: development of business anthropology in Russia and the world; the application of Internet research techniques in anthropology; anthropology of historical memory and representation of social and ethnic groups; transformation of everyday life and traditions of citizens in modern times; the problem of functioning and interaction of different medical systems; childhood and adolescence as important stages in, and the phenomenon of, the evolutionary development of the human person; research into gender, body, and sexuality issues in Russia and abroad; history and practice of occultism and esotericism; and ethnopolitical and migration processes in Russia and the world.

Keywords

Institute of ethnology and anthropology of the Russian academy of sciences, ethnology, anthropology, gender studies, religious studies, ethnopolitics, business anthropology, traditional culture

Received 9 January 2019.

How to cite: Oreshin, S.A., 2020. Konferentsiia molodykh uchenykh "Aktual'nye voprosy etnologii i antropologii". Moskva, 10–12 dekabria 2019 g. [Young Scholars' Conference "Topical Issues of Ethnology and Anthropology", Moscow, December 10–12, 2019]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 193–199.

10–12 декабря 2019 г. в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (далее — ИЭА РАН) состоялась конференция молодых ученых «Актуальные вопросы этнологии и антропологии». В ней приняли участие молодые исследователи из Москвы, регионов России, Белоруссии и Узбекистана. Директор ИЭА РАН, д.и.н., профессор Д.А. Функ открыл конференцию и прочитал вступительную лекцию ««Кажется, они вовсе не умеют писать»: некоторые размышления о пользе и вреде наукометрии в антропологии», в которой представил некоторые проблемы, стоящие сегодня перед российскими научными журналами и авторами. Он дал краткую характеристику

ку международным базам данных и рассказал о критериях, которым должен соответствовать научный журнал, чтобы оказаться в подобной базе. Д.А. Функ призвал молодых ученых публиковаться в высокорейтинговых журналах и дал практические рекомендации по проведению полевых исследований и подготовке на основе собранных материалов научных статей, соответствующих критериям ведущих научных изданий.

Работа конференции проходила в нескольких секциях, на площадках которых участники форума получили возможность представить доклады и обменяться мнениями по самому широкому спектру проблем современной антропологии и этнологии.

В рамках секции «Антропологи, бизнес и организации» (руководитель — стажер-исследователь А.С. Басов, ИЭА РАН) молодые ученые проанализировали поле бизнес-антропологии, как оно складывается в русскоязычном мире. Были рассмотрены вопросы координации компаний в глобальной цепи поставок (Б.А. Белявский, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (далее — НИУ ВШЭ)); исследования процесса организационных изменений в множественной компании (Е.А. Гудова, НИУ ВШЭ); перспективы взаимодействия антропологии, бизнеса и религии (Б.И. Чибисов, Информационно-консалтинговая компания «Религия сегодня»); роль и функции антропологии в городском планировании (О.В. Воробьева, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (далее — РАНХиГС)).

Работа секции «Антропология онлайн. Перезагрузка» (руководитель — н.с., к.и.н. Н.А. Лапкина, ИЭА РАН) была посвящена изучению актуальных проблем социальной, культурной, экономической и политической значимости глобальной сети и процессам, происходящим в интернете, интернет-коммуникациям и направлению *internet studies*¹ в научных междисциплинарных исследованиях. Ученые обсудили роль смартфонов и цифровых технологий в проведении полевых исследований (С.И. Каверин, Российский государственный гуманитарный университет (далее — РГГУ)); основные проблемы метода скайп-интервью (А.Л. Громенко, Тверской государственный университет (ТвГУ)); *digital* методы² и инструменты для изучения праздничной обрядности (А.В. Газданова, Российский этнографический музей (РЭМ)); онлайн стратегии в ходе процессов ревитализации этнических общностей (М.Э. Сысоева, ИЭА РАН).

Во время работы секции «Антропология репрезентации: память, общественные пространства и визуальность» (руководители — н.с., к.и.н. А.А. Пле-

¹ *Internet studies* (интернет-исследования) — междисциплинарная область, изучающая социальные, психологические, педагогические, политические, технические, культурные, художественные и другие аспекты интернета и связанные с ним информационно-коммуникационные технологии.

² *Digital* методы — цифровые технологии, использующие интернет в качестве основного коммуникационного посредника.

ханов, ИЭА РАН; стажер-исследователь А.С. Бородулина, ИЭА РАН) были заслушаны доклады, посвященные вопросам памяти и репрезентации социальных и этнических групп, а также связи антропологии с такими междисциплинарными областями, как *public history* и *memory studies*³. В них нашли отражение следующие темы: способы формирования исторической памяти о политических репрессиях у старшеклассников (Ю.В. Зевако, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (УрО РАН)); коммеморация трагедии убыхов в художественной литературе (А.Г. Агабабян, независимый исследователь); практика мемориальной коммеморации в современном Крыму (Д.Г. Чубукова, РГГУ); историческая память евреев Москвы (И.В. Бирюкова, Музей антропологии и этнографии Российской академии наук (МАЭ РАН)); историческая память поляков о Второй мировой войне (А.Р. Лагно, Институт славяноведения Российской академии наук (ИСл РАН)); репрезентация культурной идентичности в латиноамериканском комиксе (А.Н. Арканов, Воронежский государственный университет (ВГУ)) и в ирландских комиксах (М.-В.В. Моррис, РАНХиГС); визуальные коды советской идеологии в национальных букварях народов Севера (Н.А. Бирюкова, ИЭА РАН).

В рамках секции «Глобальное и локальное в повседневных практиках горожан» (руководители — н.с., к.и.н. Е.А. Белоногова, ИЭА РАН; м.н.с. П.А. Серин, ИЭА РАН) были проанализированы трансформации современной праздничной культуры: в Боливии (А.Е. Агапова, Институт Латинской Америки Российской академии наук (ИЛА РАН)) и в общинах бахаи⁴ (В.В. Матвеев, РГГУ); модернизация талышской свадьбы (Е.Ю. Гуляева, РЭМ); роль этноквестов в сближении культур (М.Ю. Ледяева, Самарский государственный институт культуры (СГИК)); влияние глобализации на современное искусство (А.О. Ландина, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (далее — МГУ имени М.В. Ломоносова)); изменения в повседневности россиян в Испании (М.Р. Осипова, Санкт-Петербургский государственный университет (далее — СПбГУ)); бытование национального эпоса в современных Финляндии и Карелии (М.А. Мочалова, ИЭА РАН); туристический потенциал малых городов Центральной России (Д.С. Сабина, ИЭА РАН).

³ *Public history* (публичная история) — отрасль знания, посвященная проблеме бытования истории в публичной сфере как с практической, так и с теоретической точек зрения. *Memory studies* (исследования памяти) — академическая область, изучающая использование памяти как инструмента для изучения, понимания и репрезентации прошлого.

⁴ Бахаи — 1) Религия, возникшая в середине XIX в. в Персии (Иране), основанная на учении проповедника Мирзы Хусейна Али (назвавшегося Бахауллой). Его последователи провозглашают единство Бога, единство всех религий и единство человечества. Современные религиоведы классифицируют ее как исламско-синкретическую секту, новое религиозное движение или даже новую мировую религию. 2) Последователи данной религии.

На площадке секции «Медицинский плюрализм и проблемы здоровьесбережения» (руководитель — н.с., к.и.н. Н.А. Маничкин, ИЭА РАН) молодые ученые обсудили проблемы функционирования и взаимодействия различных медицинских систем. В фокусе внимания исследователей оказались вопросы медитативных практик в современных реалиях Запада и Востока (Л.С. Герасимова, ИЭА РАН); роль гендерно-ролевой идентификации в патоморфозе шизофрении (Е.А. Шумакова, врач-психиатр); телесность в игре (С.Д. Колдман, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова); феномен знахарства в традиционной культуре белорусов Подвинья (Д.С. Грицкевич, Институт истории Национальной академии наук Белоруссии (НАНБ)); использование методов музыкотерапии в современной медицинской практике (И.А. Меккюсярова, ИЭА РАН).

В докладах, представленных в секции «Детство и взросление в контексте исследований эволюционных основ поведения человека» (руководители — стажер-исследователь В.О. Филатова, ИЭА РАН; стажер-исследователь О.В. Семенова, ИЭА РАН), феномен «детства» рассматривался с позиций различных дисциплин: этологии человека и кросс-культурной психологии, физической антропологии, социальной/культурной антропологии, социологии, психологии и педагогики. В докладах затрагивались вопросы обрядовых функций самоповреждающего поведения в подростковом возрасте (В.В. Салов, педагог-психолог); современных молодежных практик ритуальных бесчинств (И.М. Струтинский, СПбГУ); феномена отцовской заботы о детях в разных культурах (О.В. Семенова, ИЭА РАН); подросткового компонента в структуре деструктивных сообществ (А.Х. Мингалиев, Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ)); кооперации и альтруизма в подростковых сообществах (Э.И. Богданова, РАНХиГС).

Традиционно большим вниманием молодых исследователей пользовались доклады, прочитанные в секции «Гендер, телесность, сексуальность: пространство социокультурных вариантов» (руководители — м.н.с. А.И. Громова, ИЭА РАН; м.н.с. Т.Н. Самарина, ИЭА РАН), которая была посвящена актуальным вопросам современных гендерных исследований как в России, так и за рубежом. Были рассмотрены такие проблемы, как киберготика в контексте постмодернистского феминизма (М.Е. Тишкова, МГУ имени М.В. Ломоносова); трансгендерность как форма духовного поиска (Т.А. Иванова, МГУ имени М.В. Ломоносова); политические предпочтения представителей ЛГБТ-сообщества России (П.Е. Хлынова, НИУ ВШЭ); телесные и духовные аспекты спорта (Е.Е. Гресь, МГУ имени М.В. Ломоносова); паттерны сетевого взаимодействия в танцевальном коллективе (Е.В. Калашникова, СПбГУ); телесность и репродуктивное поведение (К.П. Полякова, ИЭА РАН).

Интересные темы были затронуты в ходе работы секции «Антропология эзотеризма: история, методология, практика» (руководители — ученый

секретарь ИЭА РАН, к.и.н. Д.А. Трынкина, м.н.с. А.А. Власенко, ИЭА РАН): демонологические образы в верованиях тувинцев (А.-Х.О. Базырчап, Тувинский научный центр); викторианская эвгемеристическая теория в викканстве (Д.А. Трынкина, ИЭА РАН); связь образа рогатого бога ведьм с христианскими представлениями о дьяволе (А.А. Власенко, ИЭА РАН); культ магических камней в Нижегородской области (А.Д. Гребенникова, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (ННГУ)); традиционализм и модернизм в мировоззрении славянских неоязычников (Н.А. Кутявин, Удмуртский государственный университет (УдГУ)); нью-эйдж традиционализм в условиях (пост)секулярности (А.Е. Тютхяев, Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН)).

Секция «Этнополитические и миграционные процессы в России и мире» (руководитель — н.с., к.и.н. С.А. Орешин, ИЭА РАН) была посвящена актуальным проблемам современной государственной национальной (этнической) и миграционной политики Российской Федерации и зарубежных стран. В докладах исследователи проанализировали формирование и развитие берберской идентичности в независимом Алжире (А.С. Воронов, МГУ имени М.В. Ломоносова); восприятие целевых ориентиров государственной национальной политики молодежью Северного Кавказа (З.Р. Высоцкая, МГУ имени М.В. Ломоносова); миграционную ситуацию на современном Ближнем Востоке (Е.В. Гулынская, РГГУ); идентичность белорусов в Литовской Республике (Е.Н. Изергина, НАНБ); правовые конфликты и социальные противоречия на землях коренных малочисленных народов (Е.А. Кофанова, Кемеровский государственный университет (КемГУ)); албанские националистические образы древности в споре о Македонии (М.Ю. Ломоносов, Тюменский государственный университет (ТюмГУ)).

В рамках конференции были проведены несколько круглых столов, мастер-классов, лекций, посвященных наиболее важным, сложным и интересным вопросам, волнующим молодых ученых. Декан факультета социальных наук Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН), к.с.н. В.С. Вахштайн прочитал лекцию «“Социальная антропология” на мониторе “Социальной теории”: проблемы перекодировки». В ней он наметил основные пути и направления развития современной антропологической науки, уделив особое внимание взаимосвязи социальной антропологии и социологии. Состоялся мастер-класс «Бизнес-антропология и UX-исследования: взгляд из США» (модератор — А.С. Басов, ИЭА РАН) с участием по Skype ведущих американских бизнес-антропологов, поделившихся с российскими коллегами опытом в сфере бизнес-аналитики и проведения антропологических исследований в рамках бизнес-структур и крупных корпораций.

Большой интерес вызвал круглый стол «Антропология, активизм и социальная ответственность: этика научного исследования» (модератор —

П.А. Серин, ИЭА РАН). Ученые рассмотрели различные аспекты проведения успешных полевых антропологических исследований в инокультурной среде и дали практические рекомендации молодым исследователям по организации плодотворной работы с информантами с учетом особенностей той или иной культуры, а также научной этики.

Г.н.с. Центра этнополитических исследований РАН, член экспертного совета Российского научного фонда (РНФ), д.и.н. Е.И. Филиппова провела мастер-класс «Как не лениться и не бояться писать заявки на гранты?», посвященный правильному составлению и оформлению заявок на получение грантов молодыми исследователями. Она рассказала об основных формах грантовой поддержки молодых ученых, дала рекомендации по составлению заявок, отметив, что научные фонды заинтересованы в поддержке перспективных проектов. Директор учебно-научного Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, д.ф.н., профессор О.Б. Христофорова выступила с лекцией «От “ложной науки” к “логике коммуникации”»: как концепт “магия” отражал развитие антропологии», в которой представила антропологические подходы к изучению феномена колдовства. Она осветила доминирующие в современной антропологической науке модели понимания колдовства как широко распространенного социального феномена, подчеркнув его связь с двумя важными темами — мышления и социальных отношений в традиционном обществе.

Состоялся и традиционный кинопоказ антропологического кино: участникам конференции был продемонстрирован фильм норвежского режиссера Лисбет Хольтедаль «Жены», посвященный социальным связям в одной африканской полигамной семье, а также традиционному образу жизни местных сообществ камерунско-нигерийского пограничья. В фокусе фильма — взаимоотношения внутри полигамной семьи Альхаджи Ибрагима — исламского наставника, живущего в г. Нгаундере на севере Камеруна, которые показаны с точки зрения как жен, так и мужа.

Подводя итоги конференции, Д.А. Функ отметил, что она прошла в деловой, творческой и дружеской атмосфере. Были подняты интересные темы, молодые исследователи поделились накопленным опытом, обсудили актуальные проблемы и задачи, которые стоят перед современной антропологической наукой.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ГПИБ ДЛЯ СЛАВИСТОВ: ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ» 25 ФЕВРАЛЯ 2020 Г.

**Вера Захаровна
Григорьева —**

главный библиотекарь,
Государственная публичная
историческая библиотека России
Почтовый адрес: Старосадский переулок, 9,
стр. 1, Москва, 101000, Россия
Электронный адрес: whist@shpl.ru

**Анна Андреевна
Леонтьева —**

младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: leontanna@gmail.com

**Людмила Борисовна
Станюкович —**

зав. Отделом иностранного комплектования
и международного книгообмена,
Государственная публичная
историческая библиотека России
Почтовый адрес: Старосадский переулок, 9, стр. 1,
Москва, 101000, Россия
Электронный адрес: staniuko@shpl.ru

Аннотация

25 февраля 2020 г. Государственная публичная историческая библиотека России (ГПИБ) и Институт славяноведения РАН провели совместный круглый стол «Информационные ресурсы ГПИБ для славистов: практика использования». Открыли заседание директор ГПИБ М.Д. Афанасьев и директор Института славяноведения К.В. Никифоров, которые отметили роль и значение библиотеки в развитии исторической науки и образования России. Специалисты ГПИБ рассказали о возможных путях приобретения иностранной научной литературы по славистике, о связях с библиотеками и научными центрами славянских государств; предоставили информацию о доступных полнотекстовых ресурсах по славистике Белоруссии, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Македонии, Польши, Сербии, Словении, Словакии, Украины, Хорватии, Черногории, Чехии. К проведению круглого стола была подготовлена выставка более 700 изданий иностранной литературы по истории южных и западных славян, приобретенной ГПИБ в 2018–2019 гг. В свою очередь коллеги из Института славяноведения РАН представили книги, опубликованные под грифом Института в 2019 г., — серийное издание «Славяне и Россия», выходящее ежегодно с 2013 г., перевод с сербского аналитических мемуаров М. Секулича «Книн пал в Белграде. Почему погибла Сербская Краина» и воспоминаний Н. Вуйовича «Последний рейс из Дейтона. Переговоры за закрытыми дверями».

Ключевые слова

Институт славяноведения РАН, ГПИБ, славяноведение, формирование библиотечных фондов

Статья поступила в редакцию 10 июня 2020 г.

Цитирование: Григорьева В.З., Леонтьева А.А., Станюкович Л.Б. Круглый стол «Информационные ресурсы ГПИБ для славистов: практика использования» 25 февраля 2020 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 200–205.

INFORMATION RESOURCES OF THE STATE HISTORICAL PUBLIC LIBRARY OF RUSSIA FOR SLAVISTS: THE PRACTICE OF USING

Vera Z. Grigoreva,

Chief Librarian,
State Historical Public
Library of Russia
Postal address: Starosadski str. 9, ed. 1,
Moscow, 101000 Russia
E-mail: whist@shpl.ru

Anna A. Leontyeva,

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: leontanna@gmail.com

Lyudmila B. Stanyukovich,

Head of Department,
State Historical Public
Library of Russia
Postal address: Starosadski str. 9, ed. 1,
Moscow, 101000 Russia
E-mail: staniuko@shpl.ru

Abstract

The round table, “Information resources of the State Historical Public Library of Russia for Slavists: the practice of using” was held on 25 February 2020 at the State Historical Public Library of Russia. It was opened by the director of the Historical Public Library, Mikhail D. Afanasiev, and by the director of the Institute of Slavic Studies, Konstantin V. Nikiforov, who underscored the importance of libraries for education, historical science, and Slavic studies in Russia. Specialists from the Historical Public Library discussed ways of acquiring foreign literature for Slavic studies and of networking with colleagues, libraries, and science centres in other Slavic countries; and provided information regarding Slavic studies in Belarus, Bulgaria, Bosnia and Herzegovina, Macedonia, Poland, Serbia, Slovenia, Slovakia, Ukraine, Croatia, Montenegro, and the Czech Republic. For the Round table, an exhibition of foreign literature for Slavic studies was opened, which included items acquired by the Historical Public Library in 2018 and 2019. The exhibition contained more than 700 publications. Colleagues from the Institute of Slavic Studies presented some books published by the Institute of Slavic Studies, including “Slaves and Russia”. They have been publishing since 2013, when they released the translation of M. Sekulich’s book “Knin failed in Belgrad. Why did the Serb Republic of Krajina die?” and N. Vujović’s memoirs “The last flight from Dayton. Closed-door negotiations”.

Keywords

Institute of Slavic Studies, State Historical Public Library of Russia, Slavic Studies, the library collection

Received 10 June 2020.

How to cite: Grigoreva, V.Z., Leontyeva, A.A., Stanyukovich, L.B., 2020. Kruglyi stol “Informatsionnye resursy GPIB dlia slavistov: praktika ispol’zovaniia” 25 fevralia 2020 g. [Information Resources of the State Historical Public Library of Russia for Slavists: The Practice of Using]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 200–205.

25 февраля 2020 г. в Исторической библиотеке состоялось заседание круглого стола «Информационные ресурсы ГПИБ для славистов: практика использования», подготовленного Государственной публичной исторической библиотекой России (ГПИБ) и Институтом славяноведения РАН.

Заседание открылось приветственными словами директора ГПИБ М.Д. Афанасьева и директора Института славяноведения К.В. Никифорова, отметивших роль и значение библиотеки в развитии исторической науки и образования России.

К круглому столу был подготовлен список продолжающихся изданий по славистике, имеющихся в фондах ГПИБ, учитывающий издания с года их поступления в библиотеку, а также выставка более 700 изданий иностранной литературы по истории южных и западных славян, приобретенной ГПИБ в 2018–2019 гг.

Основная часть заседания началась с выступления В.З. Григорьевой (ГПИБ), представившей тематический обзор иностранной литературы по славистике, поступившей в ГПИБ в 2018–2019 гг. Она отметила, что на протяжении многих лет библиотека получает основные продолжающиеся издания, публикуемые национальными академиями наук, университетами, архивами, музеями, библиотеками и другими научными и учебными организациями. Тематика представленных изданий разнообразна: археология, специальные исторические дисциплины, экономика, право, литературоведение и лингвистика, история, история науки (летописи академий наук, университетов). Среди публикаций национальных и университетских библиотек помимо традиционно издаваемых каталогов старопечатных книг привлекают внимание личные архивы.

Ранняя история славянских народов и византийский период на выставке были представлены главным образом изданиями по археологии («Ниш и Византия» и др.). Широкое освещение нашла общеславянская проблематика: славяне в мире и в европейском пространстве, история панславизма, политика в Новое время, тема войн (Тридцатилетняя война, русско-турецкие, балканские, Первая и Вторая мировые войны).

Говоря о взаимоотношениях славянских народов, необходимо отметить литературу об эмиграции, об участии славян в вооруженных силах других государств (чехи в британских вооруженных силах во время Второй мировой войны, отдельные лица в Гражданской войне в Испании), о жизни переселенцев в других странах. Особое место занимает тема трагических событий: расстрел польских офицеров в Катыни, 1968 год в Чехословакии, Балканский кризис 1990-х гг.

Среди книг по современной истории присутствуют исследования об идентичности народов, интеграционных процессах в ЕС, участии в органах управления ЕС и др. Разнообразен и обширен круг изданий биографического плана: о дворянских родах, княжеских и королевских династиях и от-

дельных их представителях; о политических и общественных деятелях, деятелях культуры, ученых, журналистах и т. д.

Продолжило заседание выступление Л.Б. Станюкович (ГПИБ) «Электронные ресурсы свободного доступа по истории и культуре славян». Она отметила, что интернет позволяет читателю напрямую обращаться в библиотеки разных стран для того, чтобы воспользоваться доступными виртуальными сервисами, которые предоставляются на их домашних страницах. Информационные электронные ресурсы национальных библиотек славянских стран занимают во всемирной паутине особое место. На их сайтах размещены полнотекстовые и библиографические ресурсы, которые слависты могут использовать в работе. Были приведены примеры подобных интернет-ресурсов. Например, сайт Национальной библиотеки Белоруссии¹, где можно ознакомиться с электронной библиотекой «Белорусское литературное наследие. Журналы 1919–1939 гг.»; электронными коллекциями «Книга Белоруссии XIV–XVIII вв.»; фондовым каталогом архивов Белоруссии и др. Сайт Национальной библиотеки Болгарии² предоставляет доступ к электронным коллекциям старопечатных книг, славянских и восточных рукописей и к оцифрованным собраниям периодических изданий. На сайте Национальной и университетской библиотеки Боснии и Герцеговины³ выложены электронные коллекции старых и редких книг, арабских рукописей, картографическая коллекция, коллекция графики и периодических изданий. Кроме того, в ходе выступления были рассмотрены сайты Национальной и университетской библиотеки Северной Македонии⁴, Национальной библиотеки Польши⁵, Национальной библиотеки Сербии⁶ и центральных библиотек других славянских стран. Полный список ссылок на зарубежные базы данных по истории и культуре славян был передан в Институт славяноведения.

Доклад «Комплектование фонда ГПИБ славянской литературой» представила Н.В. Простова (ГПИБ). Она отметила, что Историческая библиотека с момента основания имеет богатейшие фонды по истории славянских народов мира и продолжает их пополнение всеми доступными средствами. В настоящее время существует три источника поступлений в библиотеку иностранной литературы по славистике: это покупка, пожертвования, международный книгообмен. Покупка изданий происходит путем конкурсных процедур в рамках действующего законодательства Российской Федерации, а также на Международных книжных выставках-ярмарках.

¹ URL: <https://nlb.by/> (дата обращения: 06.06.2020).

² URL: <http://nationallibrary.bg/wp/> (дата обращения: 06.06.2020).

³ URL: <https://www.nub.ba/> (дата обращения: 06.06.2020).

⁴ URL: <http://www.dlib.mk/> (дата обращения: 06.06.2020).

⁵ URL: <https://www.bn.org.pl/> (дата обращения: 06.06.2020).

⁶ URL: <https://www.nb.rs/> (дата обращения: 06.06.2020).

Пожертвования славянской литературы библиотека получает регулярно. Издания дарят зарубежные издательства, авторы, научные учреждения. Особо ценны пожертвования читателей Исторической библиотеки, которые передают в общественное пользование свои личные книжные коллекции. Стабильным источником поступлений славянской литературы в фонд ГПИБ России остается международный книгообмен. Библиотека с 1960-х гг. имела плодотворные связи с национальными, академическими и университетскими библиотеками ряда славянских стран. Сегодня партнерами библиотеки остаются Национальная библиотека Болгарии им. свв. Кирилла и Мефодия, Центральная библиотека Болгарской АН, Центральная научная библиотека им. Якуба Колоса НАН Белоруссии, Национальная библиотека Польши, Институт славяноведения РАН, Институт истории РАН, Библиотека Вроцлавского университета, Национальная и университетская библиотека им. св. Климента Охридского (Северная Македония), Национальная библиотека Сербии, Библиотека Матицы сербской, Библиотека Сербской АН, Библиотека Матицы словацкой, Библиотека Словацкой АН, Библиотека Словенской АН, Национальная библиотека Чешской Республики, Славянская библиотека при Национальной библиотеке Чешской Республики, Библиотека Чешской АН, Библиотека Университета Масарика в Брно.

Н.В. Простова отметила, что один из способов возможного сотрудничества библиотеки со специалистами-историками — получение индивидуальных заказов на приобретение книг, а также предложений о приоритетных темах для комплектования фонда библиотеки и тем научных исследований Института, информации о готовящихся или уже изданных работах ведущих зарубежных славистов. Она также выразила признательность коллегам-славистам за предоставление контактов библиотек славянских стран, научных организаций и авторов, которые могут быть заинтересованы в программе обмена научными публикациями.

Сотрудники Института славяноведения РАН в рамках круглого стола представили ряд изданий, вышедших под грифом института в 2019 г.

Г.Н. Энгельгардт рассказал об аналитических мемуарах сербского генерала М. Секулича «Книн пал в Белграде. Почему погибла Сербская Краина», ответственным редактором и одним из авторов русского перевода которого он выступил. Эта книга посвящена анализу военных и политических причин трагедии Сербской Краины и изгнания ее населения в 1995 г. со своей исторической территории. Основное внимание автора уделено выявлению и разбору ошибок в военном строительстве, управлении войсками и при ведении боевых действий, совершенных в ходе конфликта как руководством самой непризнанной республики, так и лидерами помогавших ей Югославии, а затем Сербии. Другой представленной Г.Н. Энгельгардтом книгой стал перевод воспоминаний очевидца переговоров, происходивших в 1995 г. в американском городе Дейтоне и положивших конец гражданской войне в Боснии и Герцеговине и первому этапу югославского кри-

зиса (1991–2001), Н. Вуйовича «Последний рейс из Дейтона. Переговоры за закрытыми дверями». Публикация является ценным источником для понимания позиции руководства СРЮ / Сербии в тот период и сложных процессов, повлиявших на складывание новой системы международной безопасности.

М.М. Фролова рассказала об одном из серийных изданий Института славяноведения РАН — «Славяне и Россия», которое выходит с 2013 г. Основу издания составляют материалы ежегодной конференции «Никитинские чтения», проводимой в память выдающегося ученого-слависта профессора С.А. Никитина. Публикуемые работы посвящены изучению Восточного вопроса, проблем войны и мира, российско-славянских связей конца XVIII — начала XXI в., политики России на Балканах, становления государственности в этом регионе, этноконфессиональных вопросов, проблем историографии.

Экземпляры изданий института переданы в дар Исторической библиотеке.

Доклады участников круглого стола нашли живой отклик у слушателей. Присутствовавшие на заседании специалисты-славяноведы не только из Института славяноведения, но и из других профильных организаций смогли напрямую задать интересующие их вопросы о формировании библиотечного фонда. При подведении итогов круглого стола участники отметили пользу проведения совместных мероприятий в подобном формате. Было решено организовывать такие встречи регулярно и на постоянной основе практиковать приобретение иностранной литературы по славистике по предварительным заказам Института славяноведения, пополнять фонды ГПИБ изданиями Института славяноведения и трудами его сотрудников.

СЕМИНАР О.А. РЖАННИКОВОЙ ПО ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПЕРЕВОДУ С БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Мария Михайловна Громова —

старший лаборант
научно-исследовательской лаборатории
«Русская литература в современном мире»,
филологический факультет,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Почтовый адрес: Ленинские горы, ГСП-1,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
1-й корпус гуманитарных факультетов
(1-й ГУМ), Москва, 119991, Россия
Электронный адрес: marija.gromova@list.ru

Антонина Борисовна Тверицкая —

филолог,
преподаватель болгарского языка,
переводчик и редактор
в лингвистической компании AWATERA
Почтовый адрес: ул. Отрадная, 2Б, стр. 9,
Москва, 127273, Россия
Электронный адрес: tveritskaja@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена студенческому семинару по художественному переводу с болгарского языка, который несколько лет регулярно проводился на кафедре славянской филологии МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством доцента Ольги Александровны Ржанниковой (1955–2014). В статье идет речь о подходе О.А. Ржанниковой к преподаванию болгарского языка и о большой роли разных видов перевода в процессе обучения. Работа на переводческом семинаре представлена глазами участников — студенток славянского и русского отделений филологического факультета МГУ, изучавших болгарский язык как основной иностранный. Специфика работы на семинаре заключалась в активном участии каждого, в подробном разборе и обсуждении всех переводческих вариантов. Для работы выбирались произведения известных болгарских писателей, так что участники семинара не только учились переводить, но и знакомились с современной болгарской литературой. Несколько участников семинара продолжили профессионально заниматься переводом и теперь успешно работают в этой сфере. После смерти О.А. Ржанниковой в 2014 г. работа семинара продолжалась еще несколько семестров: сами участницы вели семинар для всех желающих, пока желающие находились. Цели данной статьи — сохранить память об О.А. Ржанниковой не только как о преподавателе болгарского языка, его истории и диалектологии, но и как о преподавателе перевода, а также привлечь внимание к продолжению традиции перевода болгарской литературы на русский язык. В статье представлены некоторые результаты работы семинара: переводы рассказов Георгия Господинова, Деяна Энева, Петра Чухова, Йордана Радичкова.

Ключевые слова

МГУ имени М.В. Ломоносова, болгарский язык, болгарская литература, славистика, художественный перевод, Ольга Ржанникова

Статья поступила в редакцию 3 марта 2020 г.

Цитирование: Громова М.М., Тверицкая А.Б. Семинар О.А. Ржанниковой по художественному переводу с болгарского языка // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2. С. 206–226.

OLGA RZHANNIKOVA'S SEMINARS ON LITERARY TRANSLATION FROM BULGARIAN INTO RUSSIAN

Mariya M. Gromova,

Senior Laboratory Assistant,
Research Laboratory
“Russian literature in the modern world”,
Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University.
Postal address: Leninskie Gory, GSP-1,
Lomonosov Moscow State University,
1st building of Humanities faculties
(1st GUM), Moscow, 119991 Russia
E-mail: marija.gromova@list.ru

Antonina B. Tveritskaya,

philologist,
teacher of Bulgarian language;
translator and editor,
AWATERA linguistics company
Postal address: 2B Otradnaya str., bld. 9,
Moscow, 127273 Russia
E-mail: tveritskaja@yandex.ru

Abstract

This article is dedicated to the seminars on literary translation from Bulgarian into Russian held regularly over the course of several years for students of the Department of Slavic Philology at Lomonosov Moscow State University by associate professor Olga Rzhannikova (1955–2014). The article discusses Rzhannikova's approach to teaching Bulgarian and the role of different types of translation in training future linguists. The learning process at the translation seminars is described through the eyes of its participants: students of the Slavic and Russian departments at the MSU Faculty of Philology who studied Bulgarian as their primary foreign language. Notable features of the seminars included the active participation of each student as well as the detailed discussion and analysis of all translation options. Seminar participants translated works by famous Bulgarian writers, which allowed them to not only practice their translation skills but also to familiarize themselves with contemporary Bulgarian literature. Several participants went into translation professionally and are currently successfully working in this field. After the death of Olga Rzhannikova in 2014, some of her former seminar participants continued her work teaching translation from Bulgarian to anyone interested. This continued for several more semesters, for as long as there were people still interested in taking the course. The purpose of this article is to preserve the memory of Olga Rzhannikova not only as a professor of Bulgarian language, history, and dialectology but also as a professor of translation, as well as to highlight and preserve the tradition of translating Bulgarian literature into Russian. The article outlines some of the accomplishments of the seminars: translations of short stories by Georgi Gospodinov, Deyan Enev, Peter Chukhov, and Yordan Radichkov.

Keywords

Lomonosov Moscow State University, Bulgarian language, Bulgarian literature, Slavic studies, literary translation, Olga Rzhannikova

Received 3 March 2020.

How to cite: Gromova, M.M., Tveritskaia, A.B., 2020. Seminar O.A. Rzhannikovoi po khudozhestvennomu perevodu s bolgarskogo iazyka [Olga Rzhannikova's Seminars on Literary Translation from Bulgarian into Russian]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 206–226.

Несколько не знакомых друг с другом студенток филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в разное время и по разным причинам приняли решение изучать болгарский язык. Тогда мы еще не знали, что нам повезет встретиться с Ольгой Александровной Ржанниковой (1955–2014). Она объединила нас, и, хотя ее нет с нами уже почти шесть лет, память о ней будет объединять нас всегда. Называться ее учениками — большая честь, и мы стараемся соответствовать тем высоким требованиям и тому профессиональному уровню, который она устанавливала для всех своих студентов.

Ольга Александровна была одним из первых преподавателей, с которыми будущие болгаристы знакомились на кафедре славянской филологии. Она вела семинары по практическому болгарскому языку; позже к этим занятиям прибавлялись ее лекции по истории и диалектологии болгарского языка, а также спецкурсы — в частности, «Лексика, фразеология и стилистика современного болгарского литературного языка», «История болгарского языкознания», «Болгарская лексикология и лексикография», «Актуальные проблемы современной болгарской морфологии», «Категория определенности в современном болгарском языке», «Актуальные проблемы болгарской социолингвистики». Кроме того, старшекурсникам Ольга Александровна читала авторский курс по методике преподавания славянских языков.

Ольга Александровна сама была выпускницей филфака МГУ. Она окончила славянское отделение в 1978 г., а в 1988 г. — аспирантуру. Ольга Александровна преподавала в МГУ на межфакультетской кафедре славянских языков, затем в Академии внешней торговли, а в 1992 г. вернулась на нашу кафедру по приглашению тогдашнего заведующего кафедрой Владимира Павловича Гудкова. Здесь в 2000 г. она защитила кандидатскую диссертацию и стала доцентом, здесь же воспитала шесть поколений болгаристов. Несколько человек защитили кандидатские диссертации уже под ее руководством.

Обучая нас болгарскому языку, Ольга Александровна уделяла много внимания переводу. На старших курсах мы осваивали разные виды перевода — как устного, так и письменного. Благодаря лингафонным занятиям по последовательному и синхронному переводам мы выработали привычку быть в курсе событий в Болгарии, письменно же переводили научные статьи, публицистические и художественные произведения.

Уже на первом курсе Ольга Александровна настоятельно советовала нам попробовать себя в студенческом конкурсе художественного перевода с болгарского языка. Этот конкурс организуют филологический факультет и факультет иностранных языков и регионоведения МГУ при содействии Посольства Республики Болгария в Российской Федерации и Болгарского культурного института в Москве; проводится он ежегодно с 2001 г. Все

О.А. Ржанникова
на Дне славянской письменности,
2014 г.

О.А. Ржанникова
на лингафонном занятии,
2014 г.

О.А. Ржанникова
с болгаристками выпуска 2014 года

О.А. Ржанникова
слушает доклад на студенческой конференции,
2014 г.

ошибки и переводческие успехи наших работ затем подробно разбирались на занятиях. Даже те из нас, кто — из-за неуверенности в своих силах или чрезмерной загруженности по учебе — не участвовал в конкурсе, во время этих разборов входили во вкус и азартно «ловили блох» в переводах своих сокурсников. Отмечать удачные находки мы научились не сразу.

Так, исподволь, в нас просыпался интерес к художественному переводу.

В 2011 г. под руководством Ольги Александровны на филологическом факультете МГУ начал работу регулярный переводческий семинар: сперва для группы русистов вечернего отделения с болгарским как основным иностранным, затем — для болгарской группы славянского отделения.

На занятиях по художественному переводу Ольга Александровна учила нас тонко чувствовать текст, работать со стилем, замечать детали, внимательно относиться к каждому слову и понимать, что художественный перевод требует прежде всего безупречного владения родным языком.

Начав с коротких рассказов современных болгарских писателей, мы постепенно учились решать всё более сложные переводческие задачи и через пару лет уже не страшились ни сказа (Йордан Радичков «Все и никто»), ни потока сознания (Деян Энев «Белая ласточка»), ни натурализма (Георги Господинов «Естественный роман»). Свои первые опыты профессионального перевода, в том числе с инославянских языков, мы всегда показывали Ольге Александровне. Мы знали — она рада тому, что наши переводческие интересы вышли за пределы семинара.

Нам хочется верить, что за годы работы с Ольгой Александровной мы достигли достойного уровня переводческого мастерства. Более пяти лет мы побеждаем и получаем награды в различных конкурсах переводов не только с болгарского, но и с других славянских языков. Так, в 2017 г. Антонина Тверицкая заняла первое место на Российско-болгарском литературном конкурсе для молодых прозаиков и переводчиков, посвященном 140-летию начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и организованном Литературным институтом имени А.М. Горького и Союзом болгарских писателей. В том же году Мария Громова стала победительницей Всероссийского конкурса научного и художественного перевода, заняв первое место в номинации «Поэтический перевод со словенского языка» с переводом стихотворения Ивана Цанкара. Конкурс проводил Центр славянских культур в Москве при поддержке Форума славянских культур, в жюри входили самые известные переводчики-слависты.

Нам довелось работать с известными писателями, поэтами, драматургами, музыкантами и актерами из Болгарии и других стран — ведь болгарским языком мы не ограничиваемся. Ольга Александровна научила нас не бояться новых и сложных задач, поэтому мы работаем в разных форматах и жанрах. Так, Мария Громова и Антонина Тверицкая уже занимались переводами песен, художественных фильмов, пьес и спектаклей; Екатерина Струганова (сейчас — младший научный сотрудник Института славянове-

дения РАН) переводила документальные фильмы, выходившие на федеральных телеканалах; Ольга Московцева в 2018 г. попробовала себя в роли редактора сборника рассказов. Мария Громова совместно с Марией Цой (тогда — аспиранткой Института стран Азии и Африки) в 2016/17 учебном году вела авторский семинар «Трудности перевода» в Школе юного филолога имени Л.М. Баш.

Мы публикуем наши переводы в сборниках и участвуем в крупных проектах.

В 2016 г. в сборнике «Антология современной словенской драматургии» (издательство «Новое литературное обозрение», серия «Драма») вышла «ностальгическая комедия» Тоне Партлича «Чай для двоих» в переводе Марии Громовой. А в 2018 г. в серии «Новый болгарский роман» вышла книга Виктора Паскова «Детские истории взрослого человека», одну из повестей в которой перевела Антонина Тверицкая. Книги проекта публикует издательство «Центр книги Рудомино» при поддержке Болгарского культурного института в Москве и Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино.

Мы знаем, что школа Ольги Александровны — это знак качества, поэтому всегда стараемся выполнять свою работу на достойном уровне, так, чтобы Ольга Александровна могла сказать: этот перевод сделан профессионально. Когда она говорила так, это означало самую высокую оценку, а для нас звучало как похвала и было поводом для гордости.

Семинар продолжил свое существование после смерти Ольги Александровны — в течение нескольких семестров мы вели его для младших коллег-болгаристов.

Представляем несколько переводов, сделанных на этом семинаре, в том числе три варианта перевода сказки Петра Чухова «Имало едно време», чтобы показать, как выбор переводчика может повлиять на восприятие произведения на другом языке. Мы надеемся, что наши работы привлекут внимание новых поколений болгаристов и традиция семинара будет продолжена.

ГЕОРГИ ГОСПОДИНОВ

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Перевод Ольги Московцевой

С раннего детства мы вкушали премудрости писательского ремесла, и для первых литературных опытов не нашлось места лучше закусочной в нашем квартале, где отец каждое утро брал суп из коровьих желудков и лимонад. Столы там были квадратные, клеенки — все в дырах от сигарет, окно выдачи — жирное, а стекла — запотевшие от горячей похлебки, на которую все шумно дули, а потом хлебали, изрядно приправив уксусом и чесноком. Именно там, на синей пластиковой табличке, висевшей на стене,

я впервые прочитал: «Писатели — хирурги души человеческой. Они должны вырезать из нее всё гнилое и разложившееся». Что делала именно здесь эта надпись? Я читал ее по слогам каждый раз, когда ел похлебку. Одна ложка — «хирурги», другая ложка — «гнилое», третья — «разложившееся».

Особый вкус был у этого супа.

Мы впервые слышали «Кармен» и «Маленькую ночную серенаду» возле дверей одноклассницы в исполнении электрического звонка, который подарил ей отец — он был дальнотбойщиком и ездил за границу. Мы учились в первом классе и страшно завидовали и однокласснице, и ее папе. Заграница была для нас как отдельная страна, вроде Франции или Италии, только гораздо привлекательнее. Ведь только там водились электрические звонки, жвачки в виде сигарет и шоколадки размером с пол-локтя. Родители уверяли нас, что за границей нет такой природы и кислого молока. Но для нас и природа, и кислое молоко были одинаково безвкусны.

Мы впервые увидели Эйфелеву башню как маленький сувенирчик с комнатным градусником, поэтому анекдот про болгарина, который, оказавшись возле Эйфелевой башни, долго ходил вокруг нее и искал, где же градусник, еще не казался смешным.

Венецианские гондолы ассоциировались у нас с ночными музыкальными лампами, а Акрополь — с фарфоровой пепельницей. В каждом доме висели: в спальне — «Мона Лиза», в холле — «Тайная вечеря», а в кухне — натюрморты с фруктами и разрезанными арбузами.

Золотой век общей культуры.

И вот мир оказался зауряднее, чем мы думали. Выяснилось, что Бременские музыканты не были беременны, а просто приехали из города с соответствующим названием. И Пиза совсем не похожа на то, что можно использовать как ругательство. И индейцы никогда не жили в Индии, и Гойко Митич не краснокожий, и другие достойные сожаления вещи.

Много смерти мы увидели тогда, многое пошло прахом.

Осталось только странное сходство, на котором упорно настаивала учительница географии, проводя указкой по границам Болгарии на ободранной карте мира. Сходство с повернутым лицом к морю (и задницей к западу) страшным львом. Такое сходство должно было вдохновить нас и, как потом выяснилось, впечатлить другие народы. А мы-то боялись, что драный лев ненароком проглотит нашу бедную учительницу. А еще мы боялись с юго-восточных границ (примерно там мы находились) наступить по невнимательности льву на передние лапы, или что какой-нибудь дикарь с северо-запада дернет его за хвост. И если лев встанет и отряхнется, что тогда с нами будет...

«Хороший лев... хороший лев», — повторял я каждый вечер перед сном, поглаживая атлас и трепеща от страха за учительницу географии.

ГЕОРГИ ГОСПОДИНОВ**КРИСТИН, КОТОРАЯ МАШЕТ ИЗ ПОЕЗДА***Перевод Екатерины Стругановой*

Она так решила — всем махать рукой.

Поезд шел по Центральной Европе, где-то за Татрами, сквозь славянские пейзажи, ряды скошенной люцерны, одуванчиков и маргариток. Мак вдоль рельсов рос сумасшедший. У меня было ощущение, что все центральноевропейские железнодорожные компании кормятся от продажи опиума. Солнце уже садилось, и закат на этих равнинах обещал быть бесконечным, а Кристин, высунувшаяся из окна, блестела как фольга. И мне пришло в голову, что, по мнению некоторых людей, взмах крыла бабочки может изменить мир.

Она повернулась ко мне и сказала, что она — не бабочка... и тем более не из фольги. Иногда у нее были действительно изумительные способности. Она опять высунулась наружу и энергично помахала рукой какому-то пожилому деревенскому мужчине. Человек ее заметил, мгновение колебался, мне показалось, что даже застенчиво оглянулся вокруг, и помахал в ответ.

Вот Кристин опять обернулась: «Думаю, что приветствие его обрадовало».

— Приветствие разбило ему жизнь, — ответил я. — Теперь представь себе, как этот мужчина приходит домой, как стареющая и тяготящая его жена дает сено ослу, кашу пороссятам, загоняет овец и садится около дома на погнутое сиденье грузовика. А ты всё это время не выходишь у него из головы. Кроме того, ты адски напоминаешь ему женщину, которую он так глубоко спрятал в своей памяти, что не позволял себе думать о ней уже 38 лет. И чем больше он думает, отпивая мастики, потому что тем временем он взял себе бутылочку, тем больше понимает, что всё прошло мимо него, вот как этот поезд. Просто поезда не останавливаются здесь, в его гребаной, маленькой, грязно-желтой, как описанная стена вокзального туалета, жизни. И в этот момент его жена в белесом халате с розовыми цветочками выходит на порог и говорит, чтобы тот перестал напиваться и шел домой ужинать, а он не смотрит на нее, и ему так плохо, что даже не хочется бросить в нее бутылку. И сейчас словно тот же поезд, что и 38 лет назад, возвращается и очень медленно по нему проезжает. Ужасающе медленно...

Я почувствовал, что мое воображение приобретает какую-то садистскую инерцию, и замолчал. Кристин сжалась на сиденье у окна и смотрела на меня почти испуганно.

— Ты серьезно?

— Я тебя предупредил. Нельзя вмешиваться в чью-то жизнь даже взмахом руки. Иногда нехотя становишься их судьбой.

– Глупости. Как это отвратительно — вплетать всё в какие-то истории.

И чтобы показать, насколько она убеждена в том, что говорит, она резко повернулась к окну и специально помахала зрителю в широкой униформе, мирно стоящему в стороне от проезжающего поезда. Зритель так и остался строгим, лишь приподнял выразительно брови и, сколько мог, следил глазами за машущей Кристин. Я уверен, что еще несколько минут он так и стоял, повернув влево голову. Кристин выглядела неотразимо в так и не заканчивающемся закате.

– Почему он не ответил, а?

В голосе звучала обида, а в глазах читалось обвинение, словно я утаивал ответ к истории, известной лишь мне. Я объяснил, что он на работе, и его приветствие могло быть истолковано машинистом совсем по-другому.

– Несмотря на это, ты ему очень понравилась, — добавил я. — Он еле стерпел, чтобы не помахать в ответ.

Она скорчила рожицу, которая должна была означать, что ей всё равно, нравится ли она какому-то зрителю или нет. Но через некоторое время она добавила как бы между делом:

– Если я уж так ему понравилась, мог бы и ответить, чего бы это ни стоило.

– Я уверен, он уже жалеет. Только представь, что бы было, если бы он не сдержался и размахался, как... — я хотел сказать «как клоун», но это бы обидело ее, и я внимательно продолжил. — Машинист бы этот взмах бог знает как истолковал. Может быть, он бы переехал на другой путь, и мы бы с тобой уже летели навстречу какому-нибудь поезду. И так твой зритель навсегда бы потерял шанс встретиться с тобой снова. Думаю, всё это промелькнуло у него в голове за секунду и остановило его.

Эта версия ей определенно понравилась, но она хотела услышать всю историю.

– Только не пытайся мне рассказывать всякие ужасы, как в прошлый раз.

Я ее успокоил, что здесь — совсем другое дело, и сейчас она на счастье вмешалась в судьбу молодого зрителя. Я был вынужден подробно рассказывать, как с этого момента ни один поезд не будет для него обычным, а потенциальным перевозчиком самого лучшего, что он видел в жизни. И как все пассажиры с этого дня будут видеть влюбленного зрителя, взглядом провожающего окна проходящих поездов...

Пока Кристин слушала мою историю, она пропустила возможность вмешаться в жизнь семьи с детской коляской, трех цыганят, восторженно махавших у шлагбаума, бабушки и двух собак.

ДЕЯН ЭНЕВ

БЕЛАЯ ЛАСТОЧКА

Перевод Антонины Тверицкой

Чечо сквозь сон слышит, как Мария говорит ему: давай, Чечо, пора вставать, сынок, и он встает, линолеум под его ногами холодный, как лед, он теряет равновесие и ударяется о дверь, ступни прямо примерзают к полу в коридоре, вода тоже ледяная, руки деревенеют от холода, умывайся скорее, а то опаздываем, слышит он мамин голос, но откуда-то очень издалека, как будто их разделяет целая гора из ваты, он снова идет в комнату, и его ступни оставляют мокрые следы на линолеуме, голова качается взад-вперед, пока мама одной рукой одевает его, а другой сует ему в рот хлеб, скорее, а то опоздаем, но как они ни спешат, всё равно опять опаздывают, коридоры школы пусты, в классе Чечо все дети уже сидят за партами, а госпожа Байкушева ходит перед доской туда-сюда, как тигрица, и, едва увидев Чечо, начинает злиться, Мария подталкивает его и говорит: иди, я буду ждать тебя после уроков возле школы, и закрывает за ним дверь, и в тот момент, когда она ее закрывает, у Чечо внутри всё холодеет, потому что сейчас госпожа Байкушева скажет: заходи уже, ты всегда, что ли, будешь приползать последним, как улитка, а дети начнут дико кашлять и дико хохотать и будут ставить ему подножки, когда он наконец соберется с духом и по проходу между партами отправится к своей парте, где его ждет во весь рот ухмыляющийся, как череп на пиратском флаге, Антон, садись-садись, глиста, скажет Антон приветливо, но Чечо сядет на самый краешек стула, подальше от Антона, потому что сейчас начнется самое страшное, все пять уроков Антон будет тыкать его шилом, как он говорит, чтобы Чечо не спал, некоторое время назад Антон принес в школу шило и с тех пор, как их посадили за одну парту, Антон регулярно тыкает его под предлогом, что Чечо спит, раньше, когда он только начал так делать, Чечо вздрагивал и иногда даже падал со стула, но госпожа Байкушева написала ему в дневник несколько замечаний, что он вертится на уроке и нарушает дисциплину, и теперь Чечо научился терпеть, он только краснеет и бледнеет и время от времени шепчет: ну хватит, Антон, но это только раззадоривает Антона, и он начинает колоть его в ногу еще сильнее, в левую ногу, которая уже была похожа на решето, хорошо, что наконец звенит звонок и Антон убегает во двор гоняться за девочками, а Чечо дремлет за партой, нагретой утренним солнышком, он почти счастлив от мысли, что уроков остается всё меньше, уже четыре, а не пять, ну хватит, Антон, ну хватит, Антон; дай дневник, что ты постоянно вертишься, Христомир, мало того, что ты дурак, так ты и не слушаешь на уроке, встань сейчас же, будешь стоять до звонка, это хорошо, так Антон не сможет достать его, но это не мешает ему постоянно грозить иглой, ухмыляясь, как череп на пиратском флаге,

снова звонок, Чечо уже не знает, который это урок, класс, встать, здрасте, госпожа Байкушева, класс, садитесь, уроки сливаются в бесконечное тыканье шилом, и где-то там, на пределе его сил, когда Чечо будет казаться, что он вот-вот свалится на пол от боли и голода, дверь класса скрипнет, и он увидит маму, Мария идет мимо пустых парт к нему, другие дети уже ушли, унеслись, и он остался в классе один, стоит возле парты, Мария помогает ему собрать учебники и тетради, выпавшие из портфеля на пол, и наконец они вдвоем идут по лестнице, и Мария говорит, что учительница сказала, что сегодня они проходили какой-то рассказ Йовкова, про белую ласточку, что Чечо надо хорошо подготовиться, завтра учительница спросит его по этому рассказу, что там за белая ласточка, спрашивает мама, а, сынок, ты слушал, о чем говорили на уроке, а Чечо пожимает плечами, он не знает ни о какой белой ласточке, и Мария сердится и тоже начинает кричать: какой бестолковый, господи, как только я родила такого идиота, господи, за что ты меня наказываешь, за что мне такие мучения, боже мой, а Чечо идет рядом с ней по скверу и знает, что скоро она успокоится, и он почти счастлив, на улице тепло, вокруг всё зеленое, на проводах сидят птицы, мимо его лица пролетают крохотные мошки, Антона нет, сейчас они с мамой придут домой, ничего, что Мария кричит, она добрая, она нальет ему тарелку горячего супа со шпинатом, дождется, когда Чечо поест, потом уложит его в постель, и он сразу заснет, потому что только во сне он меньше точки, и никто его не замечает и не обижает — его, Чечо, которого завтра спросят про белую ласточку, но она еще не скоро, совсем нескоро, она только завтра, эта противная белая ласточка.

ДЕЯН ЭНЕВ

СОЛЕНОЕ И СЛАДКОЕ

Перевод Марии Громовой

- Пап, фасоль готова.
- Пусть еще покипит.
- Лазмешать?
- Размешай.
- А это как называется?
- Это называется ошав¹.
- А почему ошав?
- Не знаю. Так называется.
- Его тоже лазмешать?

¹ Ошав — компот из сухофруктов с медом или сахаром. В Болгарии ошав, наряду с вареной фасолью и обрядовым хлебом, — обязательный элемент ужина в Сочельник.

- Размешай. Э... погоди. Да погоди ты! Не этой ложкой.
- Почему не этой?
- Потому. Потому что одно соленое, другое сладкое.
- А хлеб подошел?
- Да уже должен.
- Посмотлеть?
- Посмотри. Только осторожно, не обожгись.
- Я остоложно.
- Подошел?
- Нет.
- Как это нет, если он уже готов! Да ну тебя. Ну-ка отойди от духовки, я достану.
- Пап?
- Чего?
- Почему говолят «подошел», если он никуда не подошел, а лежит в духовке?
- Ну вот так говорят. Откуда я знаю.
- А когда мы есть будем?
- Скоро.
- А почему нельзя вместе соленое и сладкое?
- Потому что бурда получится.
- А что такое булда?
- Когда мешаешь соленое и сладкое.
- А лазве когда ешь фасолью и потом ошава, они в животе не пелемешиваются?
- Надо говорить «когда ешь фасоль и потом ошав».
- Холошо. Когда ешь фасоль и потом когда ешь ошав... Ну?
- Чего ну?
- Они ведь в животе пелемешиваются?
- Ну... Ну вот ты, например, можешь одновременно плакать и смеяться?
- Могу.
- Фиг ты можешь.
- Ну ладно. Не могу. Но мама ведь может? Когда мы ей звоним, она в телефоне то плачет, то смеется.
- Бог с ней, с мамой. Мама, они такие.
- Когда мы позвоним маме?
- Попозже. Она сейчас на работе в пиццерии.
- Вечел же. Как это на лаботе?
- В Америке еще день.
- Сколько там сейчас влемя?
- Отсчитай назад семь часов. Семь или восемь, точно не скажу. У нас сейчас сколько?
- Сейчас посмотлю на твоих часах. Десять и одна половинка.

- Значит, половина одиннадцатого.
- Да. Половинка одиннадцатого.
- Значит, сколько сейчас в Нью-Йорке?
- Не знаю.

– Ну вот смотри. Отсчитываем назад семь часов: десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре... Там сейчас половина четвертого. Твоя мама на работе до пяти. Потом еще полтора часа едет с работы... Придет самое раннее полседьмого, ну в семь. Значит, тут, в Болгарии, сколько времени будет?

- Полвосьмого.
- Да ты вообще не соображаешь.
- Нет. Соображаю.
- Не соображаешь. Совсем мозгами не шевелишь. Как болван какой-то.
- Сам болван.

– Ладно. И я болван. Давай не ругаться. Если у нас пол-одиннадцатого ночи, в Нью-Йорке полчетвертого. То есть... когда там семь вечера, у нас будет — прибавляем еще семь часов, вот так, считаем — от семи до двенадцати будет пять часов и еще два — значит, у нас будет два часа ночи. Понял?

- Понял.
- Повторить?
- Нет.
- Значит, ты не болван?
- Ничего я не болван. Ты сам болван.

– Ладно, ладно... Христо, погоди, не сердись. Давай не ругаться. Дед Мороз сейчас в окна смотрит. Где ругаются, он туда не заходит.

– Когда он к нам плидет?

– Когда уснешь. Когда дети уснут, он тихонько входит, кладет подарок под елку и спешит дальше.

- А мне он что плинесет?
- А что ты у него просил?
- Я плюсил машинку с пультом.
- Значит, он и принесет это самое... машинку с пультом.
- Да, только я уже не хочу.
- А что хочешь?

– Хочу мобильник. Маме звонить. А ты знаешь, что в садике у всех есть мобильник? И у Килюшки, и у Боби, и у Малианы.

– Не знаю. Дед Мороз мысли не читает. Что ты у него просил, то он и принесет.

- И плюс у нас нет елки.
- Как это нет. А это что?
- Это одна веточка только. Никакая не елка.

– Очень даже елка. Не надо. Да ты уже засыпаешь, бормочешь невесть что. Давай-ка за стол садиться.

– Двайкзастолсадица, двайкзастолсадица, двайкзастолсадица...

– Так, неси хлеб на стол. Вот твоя фасоль. Вот моя. Ложки клади. Это твоя миска ошава. Это моя. Подожди. Пока не ешь. Я сейчас зажгу лампаду, и прочтем «Отче наш». Так. Если хочешь, повторяй за мной. Готов? Отче наш...

– Отче наш...

– иже еси на небеси...

– иже еси на небеси...

– да святится имя Твое...

– да святится имя Твое...

– да приидет царствие Твое...

– да приидет царствие Твое...

– да будет воля Твоя...

– да будет воля Твоя...

– яко на небеси и на земле...

– яко на небеси и на земле...

– хлеб наш насущный даждь нам днесь...

– хлеб наш насущный даждь нам днесь...

– и остави нам долги наши...

– и остави нам долги наши...

– якоже и мы оставляем должникам нашим...

– якоже и мы оставляем должникам нашим...

– и не введи нас во искушение...

– и не введи нас во искушение...

– но избави нас от лукавого.

– но избави нас от лукавого.

– Вот так. Теперь садись. Тебе вина плеснуть?

– Можно.

– Ну, с Рождеством, сынок.

– С Рождеством, пап.

– Ну давай приступать. Смотри, какой у нас красивый хлеб получился.

– Пап?

– Ну.

– А что это значит — «Отче наш»?

– Отче значит отец. «Отче наш» значит «наш папа».

– А кто такой этот «Отче наш»?

– Это Бог-Отец. Отец Господа нашего Иисуса Христа.

– Ага. Ясно. Пап, а можно кое-чего сплосу?

– Спрашивай, сынок.

– Можно я буду есть одновременно и фасоль, и ошав?

– Можно, сынок. Можно.

ПЕТАР ЧУХОВ**Жил-был***Перевод Марии Громовой*

Жил-был Жил-был. Был он довольно одиноким, и очень ему хотелось поселиться в начале какой-нибудь сказки. Но сказки попадались редко, так как человек еще не стал человеком. Ходил себе грустно туда-сюда наш Жил-был, крутился возле каждой обезьяны, надеясь залезть ей в рот и достать оттуда хоть что-то похожее на сказку, но у обезьян, видимо, или не было сказок, или они ими не делились друг с другом. И вот уставший Жил-был, после того как бесконечно долго кружил и нигде не мог найти сказку, лег и уснул.

А проснулся — ну и ну: рядом так и спуют люди, сказок полно, и у каждой третьей в начале расположился какой-нибудь Жил-был, а то и Жили-были! Вскочил наш Жил-был, чтобы найти себе сказку, но было уже поздно: все подходящие были заняты! Делать нечего, сел бедняга и заплакал. Очень ему было тяжело, что проспал удачу.

Тут как раз я проходил, и стало мне его жаль (всё, что плачет, — даже плакучая ива — серьезно меня печалит). Я сказал:

— Слушай, не плачь! Я сейчас напишу сказку, и все будут тебе завидовать, потому что ты не только встанешь в ее начале, как обычный Жил-был, но и будешь гулять по ней как хочешь! Сможешь даже в конце ее сесть и там болтать ногами!

Жил-был очень обрадовался, засмеялся, и его слезы стали жемчужинами. Я их взял себе на всякий случай. И, как обещал, принялся за сказку. Может быть, я и искажил ее чуть-чуть, потому что пока я ее писал, счастливый Жил-был всё тыкался в меня мордочкой. Но вроде вышло неплохо, а, что скажете? И, само собой, конец у нее такой: сидит себе там и болтает ногами самый важный, самый лучший, чудесный Жил-был!

ПЕТАР ЧУХОВ**Жили-были***Перевод Антонины Тверицкой*

Жили-были однажды Жили-были. Больше всего на свете им хотелось, чтобы с них начиналась какая-нибудь сказка. Но сказки тогда встречались редко, потому что человек еще не стал человеком. Вот и бродили Жили-были среди обезьян, заглядывали каждой в рот, надеясь вытащить оттуда что-нибудь, хоть немного похожее на сказку. Но у обезьян, очевидно, или не было сказок, или они не хотели ими делиться. Долго искали Жили-были сказку, но так и не смогли найти. Усталые и грустные, они легли отдохнуть и заснули.

Когда же проснулись — смотрят: вокруг полно людей, сказок — пруд пруди, и у каждой третьей в начале уже пристроились другие жили-были! Вскочили наши Жили-были, побежали на поиски, но поздно: все подходящие сказки были заняты! Что же им делать, бедняжкам? Сели Жили-были и заплакали. Им было ужасно обидно, что они всё проспали.

Мимо проходил я. Мне стало их жалко (всегда расстраиваюсь, когда вижу, как кто-то плачет, даже если это плакучая ива), и я сказал:

— Не плачьте! Хотите, я напишу сказку, такую, что все вам будут завидовать? Вы не только встанете в начале, как простые жили-были, но будете гулять по всей сказке, везде, где вам захочется! А в конце можете даже сесть и свесить лапки!

Жили-были очень обрадовались, засмеялись, и их слезинки превратились в жемчуг. Я на всякий случай его собрал. И, как и обещал, сочинил сказку. Может быть, у меня получилось не совсем ровно, потому что пока я писал, счастливые Жили-были всё время терлись об меня мордочками. Но в целом вышло неплохо, правда? Как вы думаете? И, конечно, завершается сказка так: вот сидят, свесив лапки, самые важные, самые лучшие, чудесные Жили-были!

ПЕТАР ЧУХОВ

ДАВНЫМ-ДАВНО

Перевод Екатерины Стругановой

Давным-давно жило Давным-давно. Ему было одиноко и очень хотелось поселиться в начале какой-нибудь сказки. Но сказки тогда редко встречались, ведь человек еще не очеловечился. И гуляло оно туда-сюда, это Давным-давно, сталкивалось с обезьянами в надежде попасть на язык и вырвать что-нибудь похожее на сказку, но у обезьян или сказок не было, или они их никому не давали. Оно очень долго странствовало и нигде не могло найти сказку. Тогда уставшее Давным-давно легло и уснуло.

А как проснулось — что видит: вокруг спуют люди, сказок полно, и в каждой третьей в начале расположилось какое-нибудь давным-давно! Наше Давным-давно побежало искать себе сказку, но уже было поздно: все подходящие были заняты! Что же делать ему, горемычному? Село оно и заплакало. И было ему очень тяжело, что проспало свою удачу.

Тогда проходил мимо я и как увидел его, пожалел (всё, что плачет — даже плакучие ивы — меня очень расстраивает). И сказал:

— Смотри, не смей плакать! Сейчас я напишу такую сказку, все тебе завидовать будут, потому что встанешь ты не только в начале как самое обыкновенное давным-давно, а везде по ней гулять будешь! Даже сможешь сесть в конце и болтать ногами!

Давным-давно очень обрадовалось, засмеялось, и слезы его стали жемчужинами. Я их собрал на всякий случай. И, как и обещал, подхватил сказку. Может быть, я ее немного искажил, потому что, пока я ее писал, счастливое Давным-давно тыкалось в меня мордочкой. Но получилось хорошо, мм... Что скажете?! И, конечно, заканчивается она так: сидит тут и болтает ножками самое важное, самое красивое, чудесное Давным-давно!

ЙОРДАН РАДИЧКОВ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ВСЕ И НИКТО»

Перевод Марии Громовой

*Письмо от разбойников деревни Косталево,
Врачанская область,
отправленное почтой автору
в связи с рукописью «Все и никто».*

Что мы разбойники, как нас анонимно проводит милиция под грифом «строго секретно» и тайные инструкции разослала по всем своим милиционерским участкам, касаемо этого двух мнений быть не может, но наше разбойничество, оно для навару, а у городских дачи не для навару, потому что когда мы их спрашиваем: «Вы их для навару строите или как?», они не знают, что такое навар, потому что в свой черед нас спрашивают: «Как это для навару?» А что оно не для навару, это не только из деревни видать, это от самого Дуная видать, что эта пригородная зона, так называемая дачная, рядом не лежала с наваром, а лежала со всем остальным.

На самом-то деле мы ведь не по всем дачам шуруем — их восемь тысяч (8) рассыпано вокруг Веслеца, Станки и Дубника, а шуруем только по тем, которые в глаза лезут, торчат там наверху в виноградниках, как шлюхи, за версту орут: «Сюда, ко мне давай!» Ну и как же тут к ней не свернуть, не помазать, значит, как следует такую дачу и всё такое, раз уж она сама себя предлагает, и т. п.! На самом-то деле ведь эти дачники, как свой виноград соберут, они вместе с виноградом увозят и имущество со своих дач, и ковры, и обожуры (читай *абажуры*. — *Прим. автора*), запирают ворота на десять замков и вот такенные доски вешают на дверь, и со всей грамотностью и очень разборчиво такими вот здоровенными буквами на досках пишут: «Просьба не ломать двери и засовы, имущества на даче нет!»

А мы прочитаем и припишем тоже очень разборчиво и грамотно: «Есть оно или нет, мы обязанные проверить и проверим!» — и проверяем, значит, и оказывается при проверке, что хозяйева не пишут как есть, а наоборот, развешивают эти доски для маскировки, чтоб усыпить нашу бдительность, чтоб мы им поверили и слиняли, а некоторые предупреждают, что и собака во дворе есть. А мы не верим ихним предупреждениям грамотейским

и независимо от того, есть или нет имущество там или собака, считаем своим долгом проверить, потому что с этого мы и имеем навар и потому что мы убеждены, что если тот свет и вправду есть, значит, мы туда все попадем — а эти из пригородной дачной зоны вперед забегут и вот такими огромными буквами на двери напишут, что нету ничего на том свете и во дворе злая собака, а мы пойдем себе следом, значит, и припишем: «Есть или нет, мы обязанные проверить и проверим!» Вот таким образом мы и на том свете наваримся!..

ЙОРДАН РАДИЧКОВ

ПРИХЛОПНИ МУХУ!

*Перевод Антонины Тверицкой
и Марии Громовой*

Меня всегда удивляло легкомыслие некоторых людей, считающих, что прихлопнуть муху — проще простого. Я слышал, что в Китае нет ни одной мухи, и что если, например, во время собрания таковая появляется, то собрание прерывает свою работу, муху убивают, и только тогда работа продолжается. В наших магазинах летом я видел, как продавец оставляет прилавок, берет палку с кусочком кожи на конце и начинает бить мух. Однажды в парикмахерской мастер так долго гонял мух, что пена у меня на бороде засохла, словно мел. Видел я, как кошка лапой убивает мух, сидящих на стекле, а собаки их ловят, страшно щелкая челюстями.

Летом мухи становятся злыми и кусачими, как собаки. Коровы истребляют их с помощью хвостов, одним взмахом они убивают десятки мух. Бог был бесконечно мудр, когда давал хвосты этим животным. Муху же Он благословил удивительным нахальством, но когда выпускал насекомое с длани Своей, то, вероятно, сказал всему сухопутному миру: «Прихлопни муху!» С тех пор мы продолжаем ее уничтожать, преграждаем ей путь липкими лентами, топим ее в ядовитых растворах, бросаем отраву ей в глаза, она умирает, и на ее месте появляется новая.

Бывают мухи, которые ни перед чем не останавливаются на своем пути. На прошлой неделе компания друзей собралась за столом, все крепкие, мускулистые мужчины, но они быстро смягчились, увидев, что к ним влетела муха. Муха покружила вокруг стола, села, попробовала все закуски, хлебнула вина, вино ей понравилось больше закусок, поэтому она налегла на него и всё время похлопывала друзей по плечам, жужжа громче всех. Наконец друзья вывели муху, поддерживая ее под мышки — она уже едва держалась на лапках — и оставили ее на улице, а муха всё продолжала жужжать: «Ты меня уважаешь? Скажи, ты меня уважаешь?» Потом она побрела по улице, шатаясь из стороны в сторону, встретила другую компанию друзей и тут же увязалась за ними, чтобы рассказать им, как ее здесь бросили.

Новая компания решила заскочить в уходящий трамвай, но и муха была не лыком шита, она устремилась за трамваем и гналась за ним, пока наконец не вспомнила, что ей негде спать. Тогда она пошла с каким-то человеком к нему домой. Человек лег на кушетку, а муха заняла кровать и всю ночь храпела.

Вот как муха может прогнать человека даже из собственной кровати, а говорят, что прихлопнуть муху — это легко!

Однажды молодая женщина объясняла судьям на суде, что ее муж связался с мухой. Они совсем недавно поженились, и жена заметила, что какая-то муха всё крутится возле мужа, но вначале особо не обращала на нее внимания. Потом муха начала названивать ей домой. Я не знаю, как муха может звонить по телефону, но женщина настойчиво утверждала, что да, звонила, и даже пересказывала целые пассажи из того, что ей говорила муха. Затем муж начал пропадать по вечерам и в конце концов жена решила рассказать кому-нибудь о мухе. Человек, с которым она поделилась, оказался догадливым. Вдвоем они выследили мужа, видели, как он встретился с мухой в кафе, затем, как стемнело, зашли вслед за ними в сад. Господи Боже, он целовался с мухой! Мухе, как видно, было очень весело, потому что она смеялась, как будто ее щекотали. Тогда жена вскипела и залепила пощечину мухе, а муха принялась рвать на себе волосы. Волосы у нее были выжжены в парикмахерских и выдирались без труда. Увидев, что муж сейчас уйдет, муха сразу же к нему прилипла, потому что она муха и ей это легко, разумеется. Вот свидетель, он может всё рассказать. Судьи спросили свидетеля, так ли всё было с этой мухой, и он сказал, что так. Муж тоже признался, ну а где трое говорят одно и то же, там для суда уже истина... Так что если иногда человек из всех сил старается избавиться от мухи, то в других случаях он ходит за ней по пятам и может даже переспать с ней, насколько бы странным нам это ни казалось.

А есть и такие примеры, связанные с мухой, которые едва ли можно объяснить. Как-то зимой на свадьбу привезли подарки. Возчик распряг лошадь, но всё держал ее под уздцы и что-то соображал. Потом схватил петуха, потребовал, чтобы ему дали связку перцев, повесил ее себе вроде бус на шею и привязал еще на сбрую лошади два вышитых полотенца, чтобы было попестрее. Подружки невесты, покрасневшись, танцевали возле него в снегу, их мониста звенели и подскакивали. Они танцевали, улыбались во все щеки и спрашивали его, что он думает делать. Крестьянин с лошадей сказал им, что у него вертится какая-то муха в голове. Вертится у меня какая-то муха, сказал он, ну да посмотрим, что из нее получится.

Сел на коня, попросил фляжку и двинулся с фляжкой, петухом и связкой перца на шее прямо к дому. Дом в три этажа, высокий, на верхнем этаже празднуют, и слышно, как гремит музыка. Лошадь с седоком стали подниматься по лестнице, а подружки невесты танцуют себе следом. Так лошадь и человек вошли прямо в дом. Но ведь на свадьбе всегда тесно,

лошади некуда ступить, наступила на стол, половина посуды кувырком, несколько ведер с вином перевернулись. Гости бросились назад, чтобы лошадь их не затоптала, а наш крестьянин сидит верхом, в одной руке держит петуха, в другой — фляжку. Набрал воздуха, сколько нужно было, и как завопит: «Иииии-ху!» Стащили его с лошади тут же, а братья жениха вывели лошадь. «Что на тебя нашло?» — спрашивают его гости. «Да вот какая-то муха мне в голову залетела, — сказал им крестьянин. — Решил я заехать сюда верхом и сказать и-ху! И всё тут!»

«Ах вот оно что!» — сказали гости и приподняли его, чтобы выкинуть в окошко и чтобы, значит, муха у него из головы вылетела. Крестьянин завопил: «Пресвятая Богородица!» — но они не обратили никакого внимания на эти религиозные возгласы и кинули его в снег. Человек взбежал по лестнице и спросил в дверях: «Можно мне войти? Муха улетела». А гости ему говорят: «Заходи!» Он снова сказал: «Пресвятая Богородица!» — свернул петуху голову и дал его подружкам невесты — оципать. Муха его больше не навещала.

По поводу этой истории старые люди рассказывали страшные вещи о варварской шпанской мухе. Когда появилась шпанская муха, скот и люди мерли как мухи, по всем дворам стелился дым — жгли мокрую солому и вонючую траву. Да изведешь ли муху! Всё спряталось по домам, сидело на корточках под окном и только выглядывало, как муха свирепствует на улице, как янычар. Деревенский бык порвал цепь и в бешенстве выскочил на улицу. Наткнулся на муху, наставил рога — но муха его задавила, и он вмиг издох. Вот какая страшная была эта муха, и слава богу, что она с тех пор нас не навещала!

В детстве мы ловили живых мух, втыкали им соломинки в брюшко и отпускали. Они всегда улетали с соломками, как будто ничего не случилось, будто мы их только пощекотали чуток. Еще мы ловили живых мух, отрывали им головы и отпускали, а они крутились на месте и подсакивали, но умирать не хотели. Помню, мы, дети, не могли понять, как это муха живет без головы — ведь курица всегда умирает, и утка тоже, и лягушка. Как-то среди стада овец мы увидели ягненка. Он крутился на одном месте и вскрикивал. Подошел пастух, посмотрел на ягненка и потянулся за ножом. Мы спросили, зачем нож, а он сказал, чтоб прирезать ягненка, потому что у него вертячка. Тот действительно всё вертелся в одну сторону, как мухи, которым мы отрывали головы. «А как на него эта вертячка нашла?» — спросили мы пастуха. «Вы ведь видали, конечно, — сказал он нам, — что овцы целый день фыркают. Щиплют траву и фыркают. Как фыркнет посильнее, так ей одна такая муха в голову заходит, начинает там кругами летать, овца тоже начинает по кругу вертеться, вот она и вертячка! Ну сейчас я ему голову выправлю!»

Мы оставили его выправлять голову ягненку и пошли к деревне. По пути мы то и дело посматривали на одного из ребят, он постоянно сопел

и шмыгал носом — не найдет ли на него вертячка. Но ничего с ним не случилось. Дома спросили, где мы были, мы сказали про мух и про ягненка, а нас отколотили и сказали, что мы весь день мотались как мухи безголовые.

Есть люди, которые вовсе не хотят прихлопнуть муху. Я вспоминаю, как мой дедушка раз в год становился беспокойным, выходил из дому рано поутру, принохивался к рассвету и смотрел на горы. «Нету еще», — говорил он и на следующее утро выходил снова. Он гадал по каким-то травам, по росе, по муравьиным дорожкам, узнавал, когда прилетит муха. Как только муха прилетала, дедушка брал своего лучшего друга и вел его в горы, чтобы переночевать возле цветущей медуницы. Дедушка считал эту траву самой целебной, и, как только она зацветала, они с другом отправлялись ее искать. Вот какую власть над ними имела муха.

Вообще дедушка был человеком мухи и всегда через нее познавал людей. Однажды мой дядя сидел задумавшись, крошил табак и всё смотрел на лес. «Плохая в тебе муха, — говорит ему дедушка, — плохую муху ты проглотил, я вижу, как она держит тебя в своих лапках». «Не глотал я никакой муху», — сказал дядя и продолжил смотреть на лес. Он думал о том, что нужна новая оглобля для телеги. «Шел я тут как-то и приметил один хороший вяз». «Чей вяз?» — сразу спросил дедушка. Дядя ему сказал, чей, а дедушка как вскочит! Начал пророчить дяде врачанскую центральную тюрьму и пригрозил, что заставит его выплюнуть эту муху. Как он собирался это сделать, он не знал и сам, потому что всё повторял: «Ты у меня эту муху-то выплюнешь!» — а дядя стоял на своем: «Срублю вяз!»

Добрая муха укусила дедушку, он пошел к соседу: так и так, — говорит. Сосед угостил его вином и стал жаловаться на злую жену, на злую тещу; пожаловался, что и сам стал злым и что срубил вяз дедушки, потому что и ему нужно было дерево для оглобли. Дедушка вернулся домой с готовой оглоблей, держит ее на плече и молчит, а дядя, поняв, в чем дело, сразу вскочил, схватил топор и пошел рубить вяз соседа. Всё бы хорошо, но в это же время муха влетела в избу соседа, укусила его куда надо, он тоже схватил топор — и к дяде. Обе мухи жужжат над их головами, а дядя и сосед переругиваются. Один кричит: «Да ты для меня просто муха!» — и другой кричит: «Да ты для меня просто муха!» — «Уйди с дороги или я раздавлю тебя, как муху!» — «Сам уйди с дороги!» Кто знает, чем могла бы закончиться эта история, если бы в это время на место действия не прибыл дедушка. Он пришел весь в мыле, с оглоблей на плече и закричал обоим, чтобы разошлись подобру-поздорову, но они не расходились. Тогда дедушка сказал им, что однажды два человека, которых вела злая муха, изрубили друг друга топорами, и тогда вылетел из леса целый мушиный рой, закрыл собой убитых, а на следующий день никаких убитых уже не было, было только два черных облака мух, которые носились туда-сюда. Злая муха хитрая, ишь как она вьется, когда выводит людей с топорами друг против друга! Дедушка выпустил добрую муху, и дядя и сосед взяли себе каждый

свой вяз, чтобы сделать оглобли. Злые мухи тогда рассердились: одна села на нос дяде, другая — на нос соседу. Дядя и сосед тоже рассердились и замахнулись, чтобы прибить мух, но насекомые взлетели, и каждый ударил себе по носу. С тех пор оба ненавидят мух.

Я частенько задумывался, как прихлопнуть муху и нужно ли истреблять всех мух? Если, например, человек хочет жениться, пусть женится, потому что иначе ему не прихлопнуть эту муху в самом себе; он будет только страдать от ее жужжания и не сможет никак от нее спастись. Иногда я даже думаю, что какая-то муха укусила Галилея, чтобы он сказал, что Земля вертится. И ведь Земля на самом деле вертится.

Нужно ли тогда прихлопнуть муху!

Может быть, в Китае с этим проще. Я слышал, что в Китае нет ни одной мухи и что если, например, во время собрания таковая появляется, то собрание резко прерывает свою работу, муху убивают, и только тогда работа продолжается. Я не был в тех местах, но не верю, что им там удалось прихлопнуть муху.

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
DOI номера 10.31168/2412-6446.2020.15.1-2

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
Issue DOI 10.31168/2412-6446.2020.15.1-2

Главный редактор:
Е. С. Узенева

Editor-in-Chief:
Elena S. Uzeneva

Редакторы-корректоры:
Л. А. Авакова, И. С. Пекунова,
О. В. Трефилова

Proofreader:
Larisa A. Avakova, Irina S. Pekunova,
Olga V. Trefilova

Компьютерная верстка:
П. Н. Морозов

Layout design:
Pavel N. Morozov

Дизайн обложки:
П. К. Донской

Cover design:
Pavel K. Donskoy

На обложке:
в оформлении использованы
фотографии фрагментов советских марок

On the cover:
photos of fragments of Soviet postage stamps
were used in the design

1964 г. 20-летие освобождения Румынии
от фашистской оккупации. Румыния. Крестьянка
с корзиной фруктов. Рисунок Лесегри
(Б. Лебедев, Л. Сергеев, М. Гринберг)

1964. 20th anniversary of the liberation of Romania
from Nazi occupation. Romania. A peasant woman
with a basket of fruit. Drawing by Lesegri
(B. Lebedev, L. Sergeev, M. Grinberg)

1964 г. 20-летие освобождения Белграда
от фашистской оккупации. Советский
и югославский солдаты. Рисунок Лесегри
(Б. Лебедев, Л. Сергеев, М. Гринберг)

1964. 20th anniversary of the liberation of Belgrade
from Nazi occupation. Soviet and Yugoslav soldiers.
Drawing by Lesegri (B. Lebedev,
L. Sergeev, M. Grinberg)

1965 г. 20-летие освобождения стран Европы
от фашистской оккупации. ЧССР, Прага,
памятник Советским воинам.
Рисунок Н. Шевцова и Б. Лебедева

1965. 20th anniversary of the liberation of Europe
from Nazi occupation. Czechoslovak Republic,
Prague, monument to Soviet soldiers. Drawing by
N. Shevtsov and B. Lebedev

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
Ленинский просп., д. 32А, корп. «В», Москва, 119334

Адрес электронной почты:
slavmillen@yandex.ru

Сайт:
slavicworld.ru

Подписано в печать 30.07.2020. Формат 70×100¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 18,53.
Объем 14,25 печ. л.

Заказ № 47.

Тираж 500 экз.